

ВЕЛИКИЕ

ПИРАТЫ

в романах

РАЛЕЙ

РАЛЕЙ

1552 – 1618

Нора Лофтс

**ДЖЕНТЛЬМЕН
ЧТО НАДО**

Роман

Москва
АРМАДА
1998

УДК 82-311.6(02)
ББК 84(7)-44я5
Р 20

Составители серии
С. А. Смирнов,
В. М. Мартов

Перевод с английского
Б. Г. Ключевой

Оформление серии
В. Н. Любина

Художник
О. А. Юдин

ISBN 5-7632-0729-7

© Сост., художественное оформление, АРМАДА, 1998
© Перевод, Ключева Б. Г., 1998
© Перевод вступительной статьи, коммент., Мартов В. М., 1998

Из энциклопедии «Британика».
Издательство Вильяма Бентона,
т. 18, 1961

РАЛЕЙ, сэр Уолтер (1552—1618), британский путешественник, родился приблизительно в 1552 году, в семье Уолтера Ралея из Фарделла и Катрины, дочери сэра Филиппа Чампернауна из Модбюри. Он родился в сельском поместье Хейз, расположенном рядом с бухтой Бадлей Салтертон-бей. В 1568 году он, человек незнатного происхождения, тем не менее поступил в Ориел-колледж в Оксфорде. В 1569 году Ралей последовал за своим двоюродным братом Генри Чампернауном, который принял командование группой английских добровольцев на службе у французских гугенотов. Скорее всего, он участвовал в битве при Жарнаке (13 марта 1569 года). Далее сведений о его жизни нет вплоть до февраля 1575 года, когда Ралей поступил на службу в Тамплъ. В июне 1578 года его сводный брат сэр Хэмфри Гилберт получил патент, который позволял ему в течение шести лет владеть «любыми отдаленными варварскими землями, которые не принадлежат ни одному из христианских властителей или простых христиан». В 1578 году Гилберт возглавил пиратскую экспедицию против испанцев. Ралей сопровождал своего сводного брата как капитан корабля «Сокол» и, скорее всего, оставался с ним в течение всего годичного плавания, оказавшегося неудачным. В 1580 году Ралей дважды арестовывался за дуэли, и тогда он избрал графов Лестера и Оксфорда своими покровителями и стал их

преданным слугой. Позже, в том же году, Ралей служил капитаном пехотной команды в Манстере, в Ирландии, и принял активное участие в подавлении восстания Десмонда; он был сторонником безжалостной политики в отношении ирландцев и рекомендовал убийство как лучший способ разделаться с их руководителями.

В декабре 1581 года офицера Уолтера Ралея отослали домой с официальными донесениями, и его карьера началась с того момента, когда он появился при дворе, где был уже известен по переписке с Уолсингемом в течение нескольких лет. Вполне вероятно, что Ралей действительно бросил свой плащ на землю, чтобы королева Елизавета I Тюдор могла посуху перейти грязную лужу, и что он действительно нацарапал бриллиантом стихи на стекле, чтобы привлечь ее внимание. Во всяком случае, его стройность и привлекательность, приятные манеры и быстрый ум, безусловно, понравились королеве, и записки сэра Роберта Наунтона «О королевской власти», а также фуллеровские «Ценности» дают, пусть и искаженное, представление о том, как он попал в милость. Его услуги в Ирландии ни в коей мере не заслуживают того дождя наград, который пролился на него. В феврале 1583 года Уолтер Ралей сопровождает герцога Алансонского и Анжуйского во Фландрию. В том же году он получает в дар особняк Дархем-хаус на Стрэнде, и тогда же при поддержке королевы он удержал за собой два доходных арендных участка земли в Оксфорде, которые и реализовал с большой выгодой, получив патент на выдачу лицензий владельцам таверн, которые арендуют эту землю. В следующем, 1584 году Ралей добился новых милостей, получив лицензию на экспорт древесины, а в конце того же года он был посвящен в рыцари и сделался сэром. Его придворная карьера складывается столь удачно, что в 1585 году он уже граф Бэдфордский. Этот титул Ралей получил как губернатор-смотритель оловянных рудников. В этой должности он активно использовал свою власть для организации горного дела в западных районах и содействовал уменьшению прежних таможенных сборов, демонстрируя свое хорошее отношение к рабочим. В 1586 году ему было передано сорок тысяч акров конфискованных земель Десмонда в Ирландии, раскинувшихся по берегам реки Блэкуотер. Ралей приложил массу стараний, чтобы упрочить положение английских колоний, а также распространить в Англии табак. В 1587 году он получил в дар часть конфискованных земель Бабингтона.

Ралей достиг пика своей карьеры, но у королевы Елизаветы всегда было несколько фаворитов, и на нее было трудно влиять. Она обращалась с Ралеем как с придворным фаворитом, но не

давала ему ответственных поручений и не допускала к участию в Совете. Даже звание капитана королевской гвардии, присвоенное ему в 1587 году, было, скорее, номинальным.

Меж тем срок действия патента, выданного его сводному брату Хэмфри Гилберту, истекал в 1584 году. Чтобы смягчить такую потерю, Ралей, частью из своего собственного кармана, организовал в 1583 году экспедицию в Ньюфаундленд (Северная Америка), в которой Гилберт погиб. Патент был возобновлен на имя Ралея в марте 1584 года.

Теперь Ралей предпринял серию мероприятий по колонизации земель в Америке. Патент давал право ему и его наследникам владеть всей занятой ими территорией, в уплату за которую они должны были вносить в королевскую казну одну пятую долю всей добычи драгоценных металлов. В апреле 1584 года Ралей отправил двух капитанов — Филиппа Амадаса и Артура Барлоу — в исследовательскую экспедицию. Они проплыли от Канарских островов к Флориде и прошли вдоль побережья Северной Америки до узкой бухты между заливами Албемарлем и Памлико, то есть до современной Северной Каролины. Обширным неисследованным землям было присвоено название Виргиния, но ни один из капитанов Ралея или поселенцев не смог освоить хоть часть территории и удержать за собой.

В том же году Уолтер Ралей становится членом парламента от Девоншира. Его первая колония поселенцев под руководством сэра Ричарда Гренвилля в 1585 году высадился на современном острове Роанок в Северной Каролине. У поселенцев не сложились отношения с местным населением (индейцами), поэтому они покинули колонию, когда к побережью в 1586 году прибыл флот Дрейка. Попытки колонизовать эти земли в последующие два года окончились провалом, и в 1589 году Ралей уступил свои права торговой компании, оставив за собой ренту и право на пятую долю от любой возможной добычи драгоценных металлов.

После 1587 года сэр Уолтер Ралей уступил свое место фаворита графу Эссексскому, и в следующем году его звезда закатилась. Часть года он провел в Ирландии с сэром Ричардом Гренвиллем и в качестве вице-адмирала Девоншира контролировал береговые оборонительные сооружения и подразделения ополчения графства. В 1589 году Ралей снова оказался в Ирландии и навестил Эдмунда Спенсера в Килколмане. С помощью Ралея Спенсер получил пенсию и королевскую помощь в публикации трех книг для королевской библиотеки. Вернувшись из Ирландии, в том же году Ралей участвовал в экспедиции к берегам Португалии с целью поднять восстание против Филиппа II Испанского. Экспедиция провалилась. В 1591 году ему в последний

момент было запрещено принять участие в плавании на Азорские острова. Вместо него туда отправился его двоюродный брат сэр Ричард Гренвилль. Однако в 1592 году Ралей все-таки отправляется в море с каперской целью — перехватывать испанские торговые корабли, но королева вскоре отозвала его обратно, обвиняя в том, что он соблазнил одну из ее фрейлин, Елизавету Трогмортон. В письме к лорду-канцлеру Роберту Сесилу Ралей отрицает это. По возвращении бывшего фаворита заточили в Тауэр, и если до этого Ралей оставался холостым, то теперь его женили. Чтобы успокоить гнев королевы, он притворялся, что полон отчаяния от потери ее расположения. По существовавшим обычаям фрейлины не могли выходить замуж без разрешения королевы, а ее величество Елизавета Тюдор не спешила его давать, особенно если речь шла об одном из ее бывших любовников. В конце концов разрешение было получено, и Ралей женился. Он был верным мужем, и жена любила его до конца жизни.

Вскоре после этого корабли его эскадры захватили большое португальское торговое судно «Матерь Божья», и Ралей руководил распределением трофеев. Он потратил много собственных денег на эту экспедицию, но королева оставила ему сумму, которой едва хватило на покрытие расходов.

Ралей вышел в отставку и поселился в Шерборне, в Дорсетшире. Это поместье он силой забрал у епископа Салисбюри в то время, когда пользовался неограниченным королевским расположением. Там в 1593 году у него родился сын, названный Уолтером. Но спокойная жизнь в отставке была не по душе Ралею, и в 1595 году он отправился в экспедицию к берегам Южной Америки. Без сомнения, он стремился найти золотые месторождения. Ралей был наслышан об Эльдорадо. Его отчет об экспедиции «Открытие Гвианы», опубликованный после его возвращения, написан блестящим стилем и отличается возвышенным романтизмом, но его встретили с недоверием. Теперь Уолтер Ралей стал одним из самых непопулярных людей в Англии. Его обвиняли в алчности, высокомерии и недостатке веры. А до этого, в 1590 году, его, вместе с Марло и другими писателями и драматургами, вообще именовали атеистом.

Ралей много сделал для Англии. В частности, участвовал в захвате Кадиса, был ранен, и это вернуло ему расположение двора: очевидно, он помирился с графом Эссекским, с которым вместе отправился в плавание на Азорские острова в 1597 году. Но это совместное плавание привело к возобновлению ссоры, и Ралей оказался в еще большей немилости, чем раньше. В 1600 году он добился поста губернатора острова Джерси, и в следующем, 1601 году принял участие в подавлении восстания Эссекса. На

казни графа Эссекского Ралей присутствовал в качестве капитана гвардии. В 1600 году сэр Уолтер присутствовал на последнем заседании парламента Елизаветы. Он всегда проповедовал терпимое отношение к религии и критиковал судебное и аграрное законодательство того времени.

После смерти королевы Елизаветы для сэра Уолтера Ралея настали трудные времена. Новый король Яков I Стюарт был расположен к Эссексу, своему стороннику, и, соответственно, заранее предубежден против Ралея. Кроме того, сэр Уолтер стоял за войну с Испанией, а это не входило в планы мирной политики Якова. В 1602 году Ралей продал свои ирландские поместья Ричарду Бойлю. У него отобрали особняк Дархем-хаус, который был возвращен епископу, сместили с должности капитана гвардии, лишили всех монополий и губернаторства в Джерси. Считалось, что он оказался причастным к тайному заговору в первые месяцы правления Якова, и 19 июля 1603 года его заточили в Тауэр. Там он пытался заколоться, но нанес себе лишь небольшую рану. Процесс над ним состоялся в ноябре 1603 года в Винчестере и отличался очевидной предвзятостью. Сэр Уолтер отлично держался, что, в сравнении с грубостью генерального прокурора сэра Эдварда Кока, заставило публику перейти на его сторону. Однако Ралей, скорее всего, знал о готовящемся заговоре, хотя суду не удалось собрать достаточно улик, чтобы доказать его вину. Всем управлял Тайный совет, и суд опирался на то, что Совет считал его виновным.

Сэру Уолтеру Ралею вынесли смертный приговор, который не был приведен в исполнение, а оказался заменен заточением в Тауэре, где Ралей и оставался до 19 марта 1616 года. Король забрал себе владения в Шерборне, переданные ранее Ралеем сыну, а сумма в восемь тысяч фунтов, которая должна была быть выплачена королевским казначейством в качестве компенсации за поместье, была уплачена лишь частично. Несмотря на содержание под стражей, заключение Ралея оказалось достаточно легким, и он снова обратился к занятиям химией и литературой. До этого сэр Уолтер был известен как поэт, а в тюрьме он сочинил и один том своей подробной «Всемирной истории». Там же, в Тауэре, он изобрел чудодейственный эликсир, очевидно сильно действующий стимулятор жизнедеятельности.

Его никогда не покидала надежда на освобождение, и он добился свободы очень своеобразным способом. Ралей пообещал королю найти золотое месторождение в Гвиане и при этом не вторгнуться в испанские владения. Это было совершенно невозможно, и испанский посол Гондомар предупредил короля, что у испанцев на этом побережье расположены поселения. Но королю

были нужны деньги, и он ответил послу, что если Ралея уличат в пиратстве, то по возвращении казнят. Таким образом, сэр Уолтер дал обещание, которое невозможно было выполнить, да он и сам это знал. Ралей отплыл 17 марта 1617 года, отдавшись на волю случая и интриг. Плохо подготовленная экспедиция тем не менее достигла устья Ориноко в канун нового, 1618 года. Здесь сэр Уолтер заболел лихорадкой и остановился в Тринидаде. Он отправил пять небольших кораблей вверх по Ориноко под командованием Лоуренса Кеймиса, вместе с которым отплыли сын и племянник Ралея. На пути к предполагаемому месторождению экспедиция обнаружила испанское поселение. Завязалась битва, в которой погибли сын сэра Уолтера и несколько испанцев. Кеймис вернулся к сэру Уолтеру с известием о смерти Уолтера-младшего и собственной неудаче и покончил жизнь самоубийством, не выдержав упреков Ралея. После унижительных сцен взаимных обвинений и упреков экспедиция вернулась домой. Ралей был арестован и в соответствии с королевским обещанием, данным Гондомару, казнен 29 октября 1618 года.

ДЖЕНТАЛЬМЕН ЧТО НАДО

ПОСВЯЩАЮ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ДЖЕФФРИ

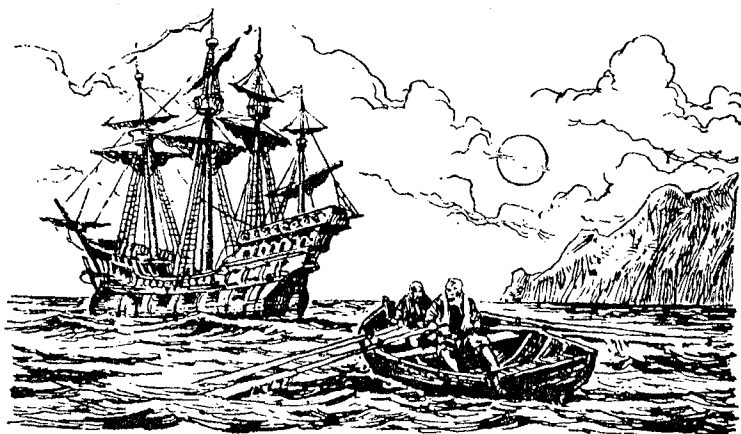

RECEIVED 17 JAN

RECEIVED 17 JAN 1964
U.S. AIR FORCE
WASHINGTON, D.C.

TO: THE DIRECTOR, AIR FORCE RESEARCH AND DEVELOPMENT
FROM: THE CHIEF, AIR FORCE RESEARCH AND DEVELOPMENT
SUBJECT: [Illegible text]

[The following text is extremely faint and largely illegible due to the quality of the scan. It appears to be a formal memorandum or report.]

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

МЫС БАДЛИ В ГРАФСТВЕ ДЕВОН. 23 ИЮНЯ 1568 ГОДА

Мы только однажды теряем девственность, но наше сердце навсегда остается там, где мы ее потеряли.

Старый Харкесс, толкавший свою лодку к воде, остановился и прислушался. Все было тихо вокруг. До него доносилось только дыхание летнего моря да шум ветра в густых зарослях на вершине скалы; старик, однако, ожидал иного. Он тяжело вздохнул, потому что был стар и ленив, и ему отнюдь не помешало бы, если бы ему кто-нибудь помог спустить лодку на воду и поработать на веслах в эту теплую ночь. Он поплевал себе на руки и снова взялся за борт лодки. Еще дважды он останавливался и на третий раз услышал то, чего так ждал: быстрые шаги,

ускоренное дыхание и, наконец, сдавленным голосом произнесенные слова:

— Харки, подожди меня, Харки.

Призыв прозвучал негромко, хотя и настойчиво, и старик улыбнулся в темноте: ишь какой Уолли — ведь страсть как хочет поехать с ним, а осторожничают. Он спокойно откликнулся:

— Эгей, парень!

Из темноты, спотыкаясь, появился человек, не говоря ни слова, уперся в лодку и вместе со стариком столкнул ее наконец в воду. Когда они забрались в нее, мальчишка произнес с упреком в голосе:

— Ты, наверно, уже собрался уйти без меня.

— Я совсем не хотел этого. Ты же знаешь, мне нравится быть в компании с кем-нибудь. Но время-то шло, становилось уже поздно, а ночи сейчас короткие. Я боялся, что тебя не выпустят из дома.

— Да уж постарались. Отец запер меня, но, слава Богу, я еще достаточно худой, чтобы вылезти из окна, и достаточно легкий, чтобы спуститься по стволу глицинии.

— А иначе тебе тут и не быть бы. Что ты потом-то делать будешь?

— Потом я уеду. Этой осенью мне надо отправляться в Оксфорд.

— Мне будет сильно не хватать тебя, Уолли.

— А мне еще больше будет не хватать тебя, Харки. Тебе ведь все равно, кто из мальчишек станет твоим помощником. Для меня же ты — Одиссей.

— Что это такое?

— Смелый моряк, который всегда много говорил.

— Ну и прозвище ты мне придумал!

— Поверь мне, это большая похвала. Куда ты сейчас направляешься?

— От мыса прямо по курсу. К французскому судну, груженному отличным бордоским вином. Как жалко, что твой отец настроен против ночного лова, Уолли! Сколько дешевой выпивки он заимел бы!

— Ох, отец! — В голосе мальчика прозвучала нотка жалости. — У него и так хватает забот, без нарушения таможенных правил. Люди Девона всегда виноваты: они, оставаясь протестантами, удрочают тем самым Деву Марию, а теперь вот Елизавета вообще запретила пиратство.

— Нет, парень, это только возле своих берегов. Если бы твой отец и его друзья орудовали в Вест-Индии, она называла бы их ярчайшими бриллиантами своей короны.

Звоном колокола прозвучали в голове мальчика слова — Вест-Индия.

— Ладно, Харки, давай уж я сам погребу. А ты отдохни пока. На обратном пути лодка будет тяжелее.

Старик не имел ничего против, отложил весла и откинулся назад на своем сиденье.

— Уолли, почему твой отец настроен против того, чтобы ты был моряком? Сам-то он моряк.

— Вот поэтому он и против. Говорит — ничего хорошего в этом нет. Я должен изучить либо право, либо церковную службу и затем строить свою карьеру. Кузина моего отца, Кейт Эшли, пользуется благосклонным вниманием королевы и замолвит словечко за меня.

— Да, оно, конечно, такое дело куда надежнее. Только совсем зачахнешь ты, парень, если станешь клерком.

— Может быть. Однако никогда не вредно поучиться. Да и не смогу я быть таким морским волком, как Хэмфри,— я вечно страдаю от морской болезни. Зато ночи вроде этой очень хороши. И еще — у меня большое желание увидеть Вест-Индию и всю ту огромную страну, которая расположена за островами.

— Да-а-а, некоторые из островов довольно привлекательны, да и богаты к тому же. Но теперь они не так приветливы, как в дни моей молодости. С испанцами у нас натянутые отношения, и индейцы так озверели от обращения белых с ними, что поджидают за каждым деревом, чтобы ужалить отравленной стрелой, а после выпустить из тебя кишки.

— Однако скоро из них вообще никого не останется в живых. Вспомни, что ты мне рассказывал прошлой ночью.

— О том, как их тысячами загоняют в серебряные рудники и потом уже никто из них никогда не выходит оттуда? Да, тут ты, пожалуй, прав. И все же всякому, кто ступит на этот континент сейчас ли или когда-нибудь потом, придется с бою брать каждую пядь той земли, так я считаю.

Оба смолкли, старик — вспоминая далекие страны, которые ни в коей мере не представлялись ему романтическими, а были всего лишь местом, где вас поджидали голод, или жажда, или угроза быть убитым, и мальчуган, который тоже думал о тех далеких странах, но его они влекли к себе так необоримо, как магнит притягивает к себе иголки. Он понимал, что

Харкесс, если бы он прочел его мысли, посмеялся бы над ним. Харки говорил ему, что четыре тысячи рабов были загнаны в серебряные рудники, но Уолли не мог представить себе этого. Подобное страшное деяние никак не вязалось в его уме с обликом победителя. Он не мог до конца понять, как это чернокожие рабы добывают серебро из черной земли, как сваливают кучами это серебро в сокровищницы галионов, которые переправляют его затем прямо в Кадис. Ему не хотелось, чтобы Харки так думал. Хватит того, что он донес до него сам факт, но его соображения на этот счет не должны были портить созданную воображением Уолли романтическую картину. Хотя, вероятно, именно в простоте и реализме рассказов Харкесса заключался секрет того огромного влияния, которое оказали его незамысловатые слова на всю последующую жизнь юного Ралея.

Наконец темный корпус корабля навис над ними; Харкесс снова взялся за весла, и они осторожно проследовали вдоль его борта. Опутанные веревками бочки с вином были аккуратно расставлены на дне лодки; деньги перешли по назначению, моряки перебросились несколькими фразами на странном — не английском и не французском — языке браконьеров, и Ралей с Харкессом тронулись в обратный путь. Они почти не разговаривали, так как нагруженная лодка требовала всего их внимания и сил; Харкесс только один раз нарушил молчание, чтобы сказать:

— Вторая пещера, Уолли.

Примерно в ста ярдах от берега Ралей поднял весла и, повернув голову к берегу, прислушался. Харкесс тоже перестал грести и тихо спросил:

— Что там?

— Кто-то там есть, если я не ошибаюсь. Ты ничего не слышишь?

— Слышать-то я ничего не слышу. Но там... там виден свет. Черт побери, да это Трибор, он уже несколько недель подкарауливает нас там. Уолли, нам нельзя причаливать. Придется обогнуть мыс и, пока не наступило утро, постараться спрятать все это у мамы Шейл. Надеюсь, нам удастся это сделать, или ты будешь иметь удовольствие увидеть меня в колодках. Ну, а тебя твой отец...

— Оставь меня с моим отцом в покое.

Небо на востоке уже начинало светлеть, и они, согнувшись в три погибели, взялись за весла с усердием рабов на галере. Обогнуть мыс Бадли всегда представлялось нелегкой задачей: там встречались различные течения и среди ледяных волн и бурунов можно было разглядеть скрытые в воде рифы. Миновав крайнюю точку мыса, они посмотрели друг на друга: оба, скинув с себя всю одежду, остались в одних штанах, пот ручьями стекал по их телам. Однако теперь они оказались вне поля видимости для тех, кто поджидал их в пещере, и у них появился наконец шанс сохранить и свой груз, и свою свободу. Пристанище мамы Шейл пряталось в выемке скалы, со всех сторон оно было укрыто от посторонних глаз — разве что с моря его еще можно было разглядеть. Это было длинное, низкое, рассеянное строение, которое в зависимости от требований посетителя могло служить пивной, фермой, местом сбора браконьеров или борделем. В подвале дома всегда находились бочонки с вином, но редко бывало так, чтобы одни и те же бочки оставались там больше двух ночей, то

же самое можно было утверждать и относительно лошадей в ее конюшне.

Сама мамаша Шейл была довольно гнусная старуха. На ее спине до сих пор оставались следы порки, которой ее подвергли на улице Эксетера давным-давно за то, что она была распутной девкой. Та порка навсегда сделала ее сторонницей всех, кто преступил закон, и многие браконьеры, жулики и проститутки, попав в беду, имели все основания восхвалять Господа за эти шрамы на ее спине.

Она подошла к окну, когда камешки, брошенные рукой Ралея, застучали по нему. В десяти словах Харкесс изложил ей суть ночного происшествия, и она захромала к дверям. Через четверть часа вино уже стояло у нее в подвале, а лодка находилась на фут выше воды, на песке в бухточке позади дома. В то же время кто-то внутри дома помешал золу в очаге, который никогда не гас до конца, и скоро Харкесс и Ралей, продрогшие на холодном утреннем ветре, скорчились возле него, держа на коленях блюда, наполненные жирным беконом, а в руках — кружки с крепким элем. Юноша, проведя всю ночь без сна, в течение стольких часов подвергая себя столь необычайному напряжению, теперь едва ли способен был доесть свой завтрак, не уснув. Он встал на ноги, чтобы сказать Харкессу:

— Я должен пойти домой, — и тут же рухнул на стул, так и не услышав, как Харки сказал в ответ:

— Куда ты пойдешь в таком виде, парень! Да ты все равно не попадешь домой до того, как тебя там хватятся.

Но мальчик уже спал, опустив голову на колени.

Когда Уолли проснулся, первое, что он почувствовал, это запах свежескошенного сена, а потом

красное сияние, которое окружало его. Затем он заметил девушку, которая своим разглядыванием разбудила его. Ее красные губы расплылись в улыбке, она смеялась над ним. Ралей быстро сел и стал стряхивать солому со своих волос и одежды, слегка покраснев оттого, что эта хохочущая девушка застала его в таком неприличном виде. Она продолжала смеяться и, схватив пук сена, рассыпала его над ним и сказала:

— Соня. Ты проспал целый день. Харкесс уже ужинает.

Мальчик с трудом поднялся на ноги, попутно стараясь избавиться от сена в волосах и на одежде. Но девушка пребывала в игривом настроении. И стоило ему освободиться от соломы, как она снова закидывала его ею. Наконец, скорее из желания выиграть время, нежели подыграть ей, он захватил большую охапку сена и со своей удобной позиции на макушке кучи забросал сеном всю ее, с головы до пят. Тихо вскрикнув, она бросилась на него, и в течение нескольких минут сено летело во все стороны. Красные лучи заката отплясывали свой дикий танец в поднимающейся пыли, и Уолли с девушкой, изможденные и задыхающиеся, свалились наконец на взъерошенное сено один подле другого и, тяжело дыша, смотрели друг на друга. Тут он разглядел, что она старше него и прехорошенькая. Ее волосы там, где они плотно прилегали к голове, были черные, но отдельные пряди, просвеченные вечерним солнцем, казалось, были покрыты легкой красноватой паутиной. Ее кожа была словно мед, за чуть приоткрытыми губами сверкали мелкие белые зубки и розовый, тонкий язычок. Однако в ее остром носике

и подбородке заключалась угроза, что через каких-нибудь несколько лет в ней можно будет безошибочно признать внучку старой мамы Шейл, но пока что она была прелестна. Надув губки, девушка сдула упавшую на нос прядь волос и откинулась назад, на сено, подложив под голову руки. Рукава ее хлопчатобумажного платья задрались кверху, обнажив тоненькие голубые жилки, вьющиеся по руке от запястья к локтю, и в этой ее позе все внимание наблюдателя сосредоточивалось на основании ее шеи, где не тронутая загаром кожа была пугающей белизны, и на расцветающую грудь с сосками, которые буквально вонзались в легкую ткань ее платья.

Что-то незнакомое сдавило мальчику горло.

— Вы прелестны,— едва выдохнул он.

Она снова рассмеялась и, схватив одной рукой его голову, привлекла ее к своему лицу. Ралей неуклюже, робко поцеловал ее, как целовал свою мать, когда этого требовали обстоятельства. Но в этом, как, впрочем, и во всем другом — так уж устроена была его натура,— он был способным, смекалистым учеником, а обучившись, становился экспертом. Да и для девушки такое занятие было явно не в новинку. Так что все пошло как по маслу.

— Что с тобой, Уолли? Мне недосуг дожидаться тебя. Выспишься дома,— загремел вдруг снизу голос Харкесса.

Вздвогнув, юноша вскочил на ноги. Девушка прошептала ему:

— Не говори, что я тут. Приходи еще.

— Приду,— прошептал он, соскользнул с кучи сена и, притворно зевая, вышел из темного сарая

навстречу Харкессу, освещенному последними лучами заката.

— Никогда не встречал такого соню мальчишку, — проворчал старик. — Давай вставай, бери ноги в руки, и я провожу тебя домой и скажу твоему отцу, что тут нет твоей вины.

— Не беспокойся, Харки. Я как-нибудь сам разберусь со своим отцом.

Было что-то в его тоне, что заставило Харкесса с изумлением взглянуть на него. Да, «Харки» он произнес по-старому — как мальчишка и друг, — тем не менее вся фраза прозвучала с оттенком высокомерия, а последние слова вдруг напомнили Харкессу, что перед ним сын сквайра и что сам он не более чем контрабандист. Однако его доброе старое сердце принудило его настаивать на своем:

— Ты уверен? Мне бы совсем не хотелось, чтобы ты пострадал из-за меня.

Ралей рассеянно возразил:

— Все обойдется. — И они в полном молчании отправились в путь.

Так вот, подумал юноша, что значит быть мужчиной, что значат чисто мужские наслаждения и привилегии. Он знал о них и раньше и старался избегать их, но никогда не предполагал ничего подобного. Какая она была ласковая, мягкая, и покладистая, и сведущая в таких делах! Впрочем, лучше не думать об ее осведомленности — на этом фоне его невежество особенно бросается в глаза. Однако какие же перспективы, какие будущие улады открылись перед ним сегодня вечером! Даже Вест-Индия вылетела у него из головы, и он небрежно пожелал Харкессу спокойной ночи и пошел на

встречу со своим отцом. Он теперь был мужчиной и не собирался позволить пороть себя ни в этот вечер, ни в любой другой. Сама мысль о том, что чья-то наглая рука замахнется на него, бросала его в жар, но если вчера еще чувство страха было причиной этого, то теперь только стыд обжигал его щеки. И эта столь неожиданная для него самого уверенность в себе была так сильна, так явно опиралась на законы естества, что его отец, едва взглянув на его пылающее, готовое к отпору лицо, оставил свое намерение телесно наказать его, и оставил его навсегда.

Глава вторая

НИДЕРЛАНДЫ. 17 НОЯБРЯ 1572 ГОДА

В тот ноябрьский вечер трое мужчин сидели, скорчившись, в дырявой палатке возле жаровни и явно ждали четвертого. Можно было подумать, что четвертого им не хватает для игры в карты, потому что на перевернутом вверх дном ящике лежала колода карт, стояли бутылка вина, на три четверти пустая, и несколько кубков. Но этому мирному предположению не соответствовали выражение беспокойства на их лицах и напряженные позы сидящих на табуретках людей. Хэмфри Гилберт просверливал новые дырки в растянувшемся от сырости ремне; гвоздь, которым он орудовал, скрипел в мокрой коже, и он время от времени делал паузу, поднимал кверху гвоздь и прислушивался; затем, убедившись, что это был не тот звук, которого он дожидался, Хэмфри качал своей большой башкой и снова принимался

скрипеть гвоздем по коже. Всякий раз, когда Гилберт останавливался, Филипп Сидней тоже переставал писать, смотрел на выход из палатки и ждал. Но стоило Гилберту покачать головой, как Сидней, поймав его взгляд, смотрел на него с выражением сочувствия, затем снова принимался писать. Третий участник этой сцены казался не таким озабоченным. Он, склонив свой табурет на одну ножку, раскачивался и крутился на нем; при этом тихо напевал что-то, не размыкая губ, посматривал на бутылку и морщился при виде того, как мало вина в ней оставалось; а когда Гилберт замирал в ожидании, он громко вздыхал.

Наконец Сидней отложил в сторону перо, закрыл крышкой чернильницу и сложил бумагу.

— Это бессмысленно,— сказал он тихим голосом,— малыш уехал двенадцать часов назад, а то и раньше. Что-то с ним случилось.

— Я не доверяю местным жителям,— обеспокоенно заметил Гилберт.— Как только дело доходит до драки, они, похоже, готовы отвернуться от своих союзников и начинают заискивать перед испанцами. Это моя вина, мне не следовало отпускать его. Ведь если посмотреть, то он всего лишь мальчишка.

— Ладно вам,— произнес Гэскойн, рывком ставя табуретку в нормальное положение.— Если что-нибудь и случилось с ним, то считайте, что он сам нарывался на это. Да я тоже мог бы схватить испанскую пулю, а то и датскую пику себе в селезенку, и по делам нашим мы по уши увязли в дерьме до самой своей смерти.

— Мы не о тебе говорим,— все еще спокойно сказал Сидней, но в голосе его прозвучала нотка

недовольства.— У тебя, может, и нет ничего за душой. Уолтер же молод, слишком молод, чтобы...

— Не надо об этом,— попросил Гилберт. Он встал и бросил так и не пробуравленный ремень в дальний угол палатки, где колеблющийся свет дымящего фонаря продолжал гореть.— Ему еще и двадцати нет; это его первый поход.

Гэскойн, решительно не желавший отказаться от своей пессимистической позиции, пробурчал будто самому себе:

— Те, кого боги любят...

— Перестаны! — перебил его Сидней.— Эта дурацкая старая поговорка означает, однако, что если боги любят кого, то оставляют его молодым до восьмидесяти лет. Не унывай, Хэмфри. Может быть, кони увязли. Уолтер парень смекалистый. Кроме того, подумай, разве можно вечно стоять на его пути и оберегать его от всех напастей.

Гилберт снова сел. Его брюки из мягкой кожи, загрубевшие под непрекращающимися дождями, скрипели при каждом его движении. Гэскойн подкинул немного угля в жаровню и опять принялся тихо напевать. Новые струи дождя прошелестели по мокрой крыше. Какое-то время тишину в палатке нарушали только шипенье угля в жаровне и монотонное звучание бесконечной песни Гэскойна. Потом вдруг смолкло все. Певец снова тяжело вздохнул и взялся за карты.

— Ради всего святого, давайте что-нибудь делать. Иначе я сойду с ума и допью оставшуюся четверть бутылки вина, а ведь она у нас последняя. И мне совсем не хочется так поступать, потому что для Уолтера это будет приятный подарок. Филипп, тебе

нынче фартит, «незримое свидетельствует», как говорят церковники.

— Не паясничай,— остановил его Сидней.— И у меня нет никакого желания играть сейчас.

— Да ладно тебе, давай сыграем. Я еще надеюсь отыгаться на своей сдаче и побить тебя окончательно. Ничего мы тут не добьемся, если будем продолжать сидеть словно немые на похоронах.

— А, да ладно уж. Моя Пегги против твоего Пана. Готов поставить на кон свою хромую клячу, Хэмфри?

Гилберт покачал головой. Гэскойн принялся тасовать карты — из всего его имущества они были главным его сокровищем. Каждая карта представляла собой тончайший листок из слоновой кости — настолько тонкий, что просвечивался насквозь, а короли и королевы были нарисованы столь искусно, что могли сойти за художественные миниатюры. Королева червей была особенно хороша: у нее были рыжие волосы, тонкие губы и необычайной прелести руки Елизаветы Тюдор. Все остальные были брюнетками, в общем-то ничтожествами по сравнению с ней. Гэскойн никогда не видел королеву воочию, но намеревался в тот день, когда его честолюбивые мечты сбудутся и он окажется перед лицом ее величества, сказать ей, что во всех своих многочисленных и диковинных походах он всегда носил с собой ее портрет. Он только успел взять в руки свои карты и с радостью обнаружить, что рыжая королева выпала ему, как Гилберт снова вскочил на ноги и, опрокинув табуретку, ринулся к выходу. Сидней положил свои карты и спросил:

— Ты куда?

— К Лестеру. Я должен хоть что-то предпринять. Я постараюсь выпросить у него с десяток солдат и отправлюсь на поиски малыша.

— Я с тобой,— заявил Сидней.

Он протянул карты Гэскойну, который, вынув из кармана кожаную коробочку и положив в нее колоду, тоже поднялся с места и сказал:

— И я с вами.

Втроем они вышли на импровизированную улицу палаточного городка. Вдоль грязной дороги выстроились в два ряда палатки. Из некоторых доносились голоса и смех обитателей, но большинство из них, заполненные спящими людьми, тонули в темноте и безмолвии.

Мужчины решительно пропахали грязную дорогу и в конце ее повернули налево. На новом отрезке их пути грязь оказалась еще гуще и глубже, но он вывел их на открытую площадку, посредине которой находилась большая палатка — штаб-квартира Лестера. Подойдя ближе, они услышали мужские голоса и плюханье лошадиных копыт по грязи. В руках спешащих к палатке солдат плясали горящие фонари.

— Это они! — воскликнул Сидней и, схватив Гилберта за руку, устремился вперед, не замечая, что грязь с его ботинок летит прямо в лицо Гэскойна, поспевавшего следом за ним. Гэскойн выругался и отстал на шаг или два. Куда спешить, подумал он. Если это Уолтер, добрые вести никуда не денутся, а если это дурные вести о нем, тогда какой смысл торопиться?

Двое опередивших его товарищей остановились в круге света от фонаря, подошел к ним и не столь прыткий Гэскойн. Пытаясь заглянуть через плечи

людей, столпившихся вокруг, он привстал на цыпочки и оперся рукой на плечо Сиднея. Бросив взгляд через толпу, Гэскойн снова опустился на пятки и возбужденно заговорил с Гилбертом, не обращая внимания на Сиднея, который, увидев, кто на нем повис, раздраженно посмотрел на него. Гэскойн знал, что Сидней не любит его, и с удовольствием без конца задира́л бы его, если бы Уолтер не был их общим другом.

— Погляди на лошадей, Хэмфри. На них испанские уздечки и удила. Ей-богу, мальчики прихватили с собой пленных!

— Вернулся ли он сам? Хотел бы я знать.— Гилберт стряхнул со своего плеча руку Гэскойна и стал проталкиваться сквозь толпу.— Это люди Ралея? — спросил он несколько раз и, отчаявшись получить ответ, стал пробираться дальше. Сидней и Гэскойн ринулись вслед за ним в образованное широкими плечами сводного брата Ралея пространство, быстро заполнявшееся людьми, и скоро уже стояли перед палаткой Лестера. Из нее доносился знакомый застенчивый голос, о чем-то рассказывающий, при этом, как всегда, запинаясь. В тот же миг под напором ветра пола́, прикрывавшая вход в палатку, взметнулась вверх, и прямо перед ними предстал Ралей. При свете фонарей, повешанных на шестах вокруг палатки, они разглядели его лицо, бледное от усталости, мокрое и блестящее от дождя, с сияющими глазами и приоткрытым ртом.

— Привет, Хэмфри, Филипп, Джордж,— поприветствовал он каждого из них по очереди.— Видели, что́ мы доставили сюда?

— У тебя все в порядке? — спросил Гилберт.

— Лучше не бывает. Устал. Но вы поняли, с чем мы вернулись?

— Десять испанских грандов, наряженных хоть куда, и десять коней под золотыми попонами,— сказал Гэскойн, и второй раз за этот вечер Сидней обрезал его:

— Не паясничай.

Филипп Сидней понимал, что это золотой час юноши, и его друзьям следовало тихо стоять и слушать все, что он скажет, даже его похвалы.

— На сей раз это не паясничанье. Только их не десять, а девятнадцать. И еще фургон герцога Альбы, полный серебряных и золотых монет,— жалование испанской армии за шесть месяцев службы.

Вот уж тут все три его слушателя были потрясены.

— Что? — вскричали они.

И затем, когда великая новость дошла до них, они принялись жать ему руки, колотить его по спине, целовать в обе щеки.

— Полагаю, это действительно монеты? — с тревогой спросил Гилберт.— А то ведь эти испанцы большие проныры. Они не подсунули тебе какое-нибудь барахло, чтобы самим не остаться внакладе?

— Да нет. У них и времени на это не хватило бы. Я вам все расскажу потом, во всех подробностях, только сначала мне нужно переодеться во что-нибудь сухое. Я промок до нитки.

Все четверо тронулись в путь по грязной дороге к себе в палатку. То из одной палатки, то из другой подбегали люди и спрашивали, правда ли то, что говорят, но Гилберт, охранявший Ралея с одной стороны, и Сидней — с другой, отталкивали их, коротко бросая:

— Ага, он привез от Альбы мешки с деньгами,— и торопили Ралея вперед.

— Скоро войне конец,— рассуждал Гилберт по дороге домой.— Наши солдаты, как только им заплатят и хорошенько накормят, просто скушают испанцев. Испанцы же теперь, хлебнув горя, падут духом. Уолтер, мальчик мой, ты делаешь честь своей семье.

На его лице появилась одна из редких улыбок и, так никем не замеченная в темноте, исчезла.

Гилберт испытывал в отношении Уолтера не только гордость за его успех, но и благодарность. Потому что, как и все войны, которые проходят на мокрых, равнинных землях, эта тянулась бесконечно долго, пока обеим армиям не надоело воевать, не надоели грязища, дожди и ужасные неудобства до такой степени, что им уже было все равно, кто победит в этой войне, только бы вернуться домой, в теплую, сухую постель, где их досыта накормят. А у Гилберта были свои причины страстно желать окончания этой войны. То, чем для его сводного брата были Виргиния или Гвинея, для самого Гилберта был Северо-Западный пролив. Все, чего он желал в жизни,— это получить разрешение королевы и ее грамоту, хороший корабль под его командованием, чтобы отыскать путь к теплому и ароматному Востоку через холодные проливы, которые, по его убеждению, находились севернее Ньюфаундленда. Но для этого надо было сначала обратить на себя благосклонное внимание королевы, а Гилберт с его простой и честной натурой видел только один путь к сердцу королевы — это честно служить ей. Начинать он службу в Ирландии, но этого оказалось недостаточно; поэтому он и оказался в Голландии вместе с другими

такими же джентльменами и дворянами, отдавшими свое время и состояние, сражаясь в королевской войне, и теперь утопавшими в грязи; их деньги ушли; их солдатам давно не платили, и они были на грани мятежа; а их надежды угасали день за днем под беспрестанными дождями. Теперь с этим будет покончено. Испанцы сникнут от столь неожиданно свалившейся на их головы беды, а испанская армия, и так довольно недисциплинированная в этой войне в Нидерландах, и вовсе взбунтуется, не получив заработанных денег. И именно рукой Уолтера были сбиты оковы с ног Гилберта. Милый Уолтер! Такой сумасбродный, такой сообразительный и такой везучий! Гилберт любил его за эти его качества — именно их явно не хватало ему самому.

Они вернулись к палатке и, наклоня головы, один за другим вошли в небольшое пространство относительного уюта и комфорта. Возвращение домой знаменуется не только обостренным зрительным восприятием или некими характерными звуками, но и запахами, и Ралей с удовольствием глубоко вдохнул воздух, заполненный запахами керосиновой лампы и мокрой кожи. В течение этого дня, полного событий, он не раз думал, будет ли ему дано вновь ощутить их. Испытывая сонливое довольство, он опустился на табуретку, которую до этого занимал Гэскойн, улыбнулся друзьям и протянул руки над жаровней. Сидней встал на колени — как слуга — и начал стаскивать с него сапоги с огромными шпорами. Гэскойн, чтобы не оказаться в стороне, налил вина в один из кубков и, в насмешку над Сиднеем, тоже встал на колени и предложил вино Уолтеру. Гилберт в это время рылся в вещах, пока не отыскал шер-

стяной плащ, подбитый овечьим мехом, и когда Сидней поднялся с колен, держа в руках сапоги, Гилберт сказал:

— Снимай с себя всю мокрую одежду, Уолтер, и надевай это.

Ралей охотно подчинился, встал и, расстегнув застёжки и ремни, сбросил тяжелые, пропитанные влагой одежды на пол. Какое-то мгновение он оставался голым, по-мальчишески стройный, с белой как алебастр кожей, за исключением его рук и шеи, которые были постоянно открыты и поэтому резко выделялись своим коричневым цветом на фоне этой белизны. Потом с чувством наслаждения завернулся в плащ и снова сел на табурет.

Гэскойн, затаив дыхание, наблюдал за ним. Для него, мужчины сорока лет, это мимолетное явление мальчишеского тела явилось воплощением юности, и непорочности, и не востребуемых возможностей. Уолтер был молод, хорош собой, обаятелен и смел. И несомненно, после этого одного-единственного, такого удачного дня он сразу станет фаворитом королевы. Широко открыв глаза и чуть приоткрыв рот, она будет слушать рассказ о двадцатилетнем юноше, который во главе подразделения страшно уставших людей отобрал у испанцев золото, которое испанский генерал с нетерпением ожидал, отсиживаясь в своей неприступной крепости. И когда вся история будет изложена, за спиной рассказчика вдруг окажется его лучший друг, Джордж Гэскойн, ждущий своего часа. В ожидании момента, когда счастливым оборотом речи, неожиданной остротой или удачным комплиментом он сумеет приковать внимание королевы к себе. Вот в чем была причина того, что он,

взрослый, поглощенный земными делами, многоопытный человек так рьяно поддерживал дружбу с этим мальчиком, во всем уступал ему и льстил. Однако и насмехался над ним порой. Потому что этот человек был достаточно умен,— хотя ум его никогда не приносил ему желаемой выгоды,— и он прекрасно понимал, что Ралей не дурак и ему быстро надоест друг, который только и делает, что подлизывается. Так что похвалы Гэскойна никогда не бывали чрезмерными.

Когда Ралей осушил кубок и поставил его на место, Гэскойн спросил:

— Так где же твои дукаты, Уолтер?

— У графа. Где же еще им быть? — с неприязнью ответил Уолтер: он заметил и глубоко осудил издевку Гэскойна над Сиднеем.

— Чертовщина! Какая ошибка! — вскричал Гэскойн.— Почему ты не сразу пришел сюда? Я бы растолковал тебе, что нужно делать.

— А что еще можно сделать, как не передать главнокомандующему пленных и все остальное?

— Взял бы половину, а то и все, что захватил, себе и отвез бы в Уайтхолл, или Виндзор, или еще куда-нибудь — туда, где сейчас пребывает королева, и положил бы к ее ногам.

— Чьим ногам? Ах, королевые. Много было бы толку от этого! Все это нужно здесь. Солдат не кормили толком и не платили им вот уже много месяцев. У нас самих скудный стол.

Гэскойн постучал пальцем по горлышку пустой бутылки.

— Не о том речь. Тебе нужно подумать о собственной карьере. Завоевать расположение короле-

вы куда важней для тебя, чем накормить ораву болванов.

— Твой путь ведет в пустыню,— торжественно заявил Гилберт,— и если королева, как утверждает молва, действительно хоть наполовину женщина, не в этом путь к ее расположению.

Гэскойн презрительно скривил губы.

— Если она хотя бы наполовину женщина, как о ней говорят, денег Альбы хватит для того, чтобы купить ее душу... и тело.

Сидней с раздувающимися ноздрями резко наклонился вперед на своем табурете. Наконец-то, кажется, появилась полновесная и объективная причина для ссоры, о которой он так долго мечтал.

— Откажись от своих слов, Гэскойн, или, видит Бог, я разделаюсь с тобой.

Гэскойн, взглянув на Ралея, сразу заметил, что выражение усталости и удовольствия на его молодом лице сменила настороженность, и только пожал в ответ плечами. Ссориться с Сиднеем он не собирался.

— Да пожалуйста, если это тебе так надо. Не думал, что ты такой принципиальный.

Слова Гэскойна не успокоили Сиднея, и он продолжал с вызовом:

— В этом походе с Уолтером было еще двадцать, как ты называл их, «болванов». Они тоже подвергались опасности, и они, как и все другие подобные им, должны получить свою долю тех благ, которые доставляют деньги.

— Накормить солдат и заплатить им значит, как мне кажется, покончить с войной,— вставил практичный Гилберт.

— Я бы сказал — это значит снабдить армию материальными ресурсами,— уже не так агрессивно ответил Гэскойн Гилберту. Он никогда не рассчитывал занять место сводного брата в сердце Ралея.

— Ладно, хватит спорить, послушаем лучше, что нам расскажет Уолтер,— предложил Сидней.

Ему, единственному из четверых, было безразлично, покончил ли Ралей с войной или она будет продолжаться, узнает ли королева о золоте или нет. Сидней не притязал ни для себя, ни для своих друзей на карьеру такой ценой. Он хотел жить и наслаждаться жизнью, находиться там, где происходят волнующие события, узнавать людей, которые способствуют возникновению таких событий, по возможности самому участвовать в них. Он отправлялся не туда, где жизнь сулила ему награды, а туда, где было Дело. И когда раздавался бой барабанов, оповещающая об окончании очередного Дела и о наступлении тишины, он уходил, удовлетворив свои амбиции и оставив по себе лучшую память. И сейчас он не хотел раздумывать над тем, что может принести каждому из них этот день в будущем, он хотел услышать, как все произошло.

— Это было нетрудно,— начал свой рассказ Ралей.— Весь тот день ничего с нами не происходило, никого мы не видели. Хозяйка какой-то фермы дала нам черствого хлеба и поднялась по лестнице наверх к окну посмотреть, как мы будем есть ее хлеб — так я думаю. И вдруг оттуда, сверху она испуганным голосом стала гнать нас прочь: она увидела испанцев на дороге и побоялась, что если они вдруг заметят нас и поймут, что она нас накормила, то сожгут ее ферму. Я взбежал по лестнице, выглянул из окна и

далеко, на горизонте увидел длинную вереницу конников и посредине нее повозку. Я догадался, что в ней было что-то ценное, иначе этот медленно ползущий фургон они поставили бы в конец. Мы доели хлеб — его было не так уж много — и поскакали полукругом, пока не взяли в кольцо участок дороги. Перед нами оказался мост через канал и возле него стога сена. Мы спрятались за ними и стали ждать. Дорога была очень плохая, и передние конники не ожидали нападения, они спокойно ехали, и примерно тридцать из них переправились через мост первыми. За ними, бултыхаясь в грязи, следовала повозка, а дальше, позади нее, двигались еще человек тридцать. Я велел моим парням приготовиться и, когда повозка поравнялась с нами, сказал: «Вот вам, детки, и обед на завтра, вылезайте и забирайте его». Мы захватили фургон и расправились с солдатами, следовавшими за ним, прежде чем уехавшие вперед слышали шум схватки и вернулись назад. Некоторые из них, увидев, какой мы учинили разгром, удрали, остальные сражались с нами, но это было уже ни к чему — не готовы они были к бою. Так вот мы и привели сюда фургон и заодно пленных, вот и все.

Закончив свой бесхитростный рассказ, он зевнул и сладко потянулся.

— Неплохой урок стратегии,— сказал Гилберт.

— Три против одного — не так уж мало,— добавил Сидней.

— Да не выступали они одновременно втроем против нашего одного,— снова зевнув, уточнил Ралей.

— Надеюсь, в своем донесении Лестер все опишет, как было, и не забудет, что это твоя заслуга,

а не его, — заметил Гэскойн. Во время своей реплики он встал и откинул в сторону полу палатки. — Дождь кончился, — сказал он и вышел наружу.

Как только за ним закрылся полог, Сидней протянул руку к Ралею и сжал его запястье. Оно было очень тонким, его пальцы плотно охватили руку.

— Не позволяй ему отравлять твою душу его дурацкими наставлениями, Уолтер, — поспешил он высказать свое мнение, пока не вернулся в палатку Гэскойн. — Раз уж дело сделано, какое значение имеет чье-то там донесение? Только раз дай зависти укусь тебя — и ты погиб навек.

Услышав приближающиеся шаги Гэскойна, он поспешно убрал свою руку.

— Пойду спать, — сказал Ралей, прикрыв руками глаза.

Однако уже в постели, в темноте палатки он никак не мог уснуть. Его мозг как будто превратился в зеркало, в котором все события прошедшего дня отражались одно за другим. Он снова видел сражение у моста. Потом сцену, когда он докладывал о деле Лестеру. Потом стал раздумывать: а что бы он стал делать, если бы сначала пришел к Гэскойну и послушался бы его совета? Он пересек бы пролив, как всегда при этом мучительно страдая от морской болезни; он пришел бы к королеве и высыпал бы золото к ее ногам; как она была бы довольна! Нет, она разгневалась бы на него за дезертирство, как сказал Хэмфри. Какая же из представившихся ему картин была верна? Он подумал о наспех высказанном предупреждении Сиднея. При этом воспоминании Уолтер тяжело вздохнул и перевернулся на другой бок. Возможно, Сидней прав:

не в награде радость, она в самом действии. Но что-то тревожило его душу, что-то совершенно чуждое высоким идеалам рыцарства, исповедуемым Сиднеем. Он любил Сиднея, наверное, даже сильнее всех других, похрапывающих тут же, рядом с ним. Характер Сиднея, его спокойный нрав и способность воспламеняться, его идеалы и поэзия — все в нем привлекало юношу, который сам во многом повторял его. Но притягивал его к себе и Джордж. Если одна часть Ралея принадлежала Сиднею, то другая осознавала куда более изощренное, тайное родство с иной, более жесткой, беспокойной и приземленной натурой. Вероятно, именно в ту ночь, когда он беспокойно ворочался на своем соломенном тюфяке и слышал шорох дождя по крыше палатки, началась эта дуэль между двумя компонентами его души, именно тогда разыгралось начало этой дуэли, конец которой мог наступить только после его смерти. То он был верным учеником Сиднея, и ему наплевать было, напишет в своем донесении Лестер о нем или нет. И тут же — ученик Гэскойна — он весь покрывался холодным потом при мысли о том, что в рапорте не окажется его имени. И все это время Уолтер прекрасно понимал, что нет у него ни выбора, ни своей воли в этом деле. Он состоял из двух персон — поэта и хитроумного софиста, боровшихся между собой за господство над ним, и ни один из них не мог отказаться от этой борьбы, не поранив его душу. «Кто же я?» — спрашивал он самого себя. «Сидней!» — кричал поэт. «Гэскойн!» — вопил софист. «Вы оба», — жалобно стонал Ралей.

Наконец два духовных символа — обитателя нашего героя уgomонились.

А в это время Лестер потребовал себе две новых свечи, и когда их зажгли и они, колеблясь от сквозняка в дырявой палатке, осветили стол, он склонился над своим донесением. Новости, которые генерал собирался сообщить королеве и Совету, вселяли в него бодрость. Наголову разбит отряд из шестидесяти испанцев, девятнадцать из них и фургон с золотом захвачены в плен. Вот порадуетса королева! Но имени падавшего с ног от усталости, всего в грязи мальчика, который повел в бой солдат за «завтрашним обедом», в рапорте не было. Должны были пройти целые годы, прежде чем имя его достигнет украшенных драгоценностями ушей королевы. Когда Ралей услышал о том, что его имя не было упомянуто в донесении, по неприятному ощущению в животе он понял, что Гэскойн в нем одержал свою первую победу.

Глава третья

БЭЛЛИ-ИН-ХАШ, ИРЛАНДИЯ.

10 ОКТЯБРЯ 1581 ГОДА

Toujours de l'audace¹.

Внимание лорда Роша Бэлли было приковано сразу к двум вещам. С одной стороны, он усиленно потчевал своего гостя мясными блюдами и не забывал подливать в его бокал вино. И в то же время он глаз не спускал с его лица, пытаясь понять, что скрывается за этим высоким, белым лбом, за узкими, го-

¹ Всегда дерзок (фр.).

рящими, черными глазами. Он был наслышан о капитане Ралее, который не так давно с пистолетом в одной руке и пикой в другой отбил атаку грозного Фитц-Эдмондса и еще двадцати солдат у брода через реку между городами Йол и Корк.

Лорд Рош был очарован рассказом об этом военном эпизоде, несмотря на то даже, что Фитц-Эдмондс был его другом, а капитан Ралей — одним из английских тиранов. Старый воин и хитроумный ирландский мятежник одинаково рукоплескал любому подвигу, кем бы он ни был совершен. Но сейчас, когда этот герой сидел с ним за одним столом, старик чувствовал себя неловко. За ним числилось немало таких дел, которые требовали расследования, и раза два их беседа принимала опасный поворот. Так что старый вельможа тревожно посматривал на молодого человека из-под своих густых бровей и не раз пугался сказанных им слов, а испугавшись, наполнял его бокал и менял тему разговора.

Леди Рош надела на себя все уцелевшие в ее владении драгоценности. Их было не так уж много, потому что восстания обходятся дорого, а поместья Бэлли-ин-Хаш были не столь уж богаты. Она тоже наблюдала за молодым человеком — ведь он не раз останавливал взгляд своих черных глаз на ней, и было в них что-то такое, что пробуждало еще дремавшее в груди старой женщины кокетство. Она выставляла напоказ свои украшенные сверкающими и переливающимися при свете свеч бриллиантами руки — все, что осталось от ее былой красоты.

В комнате присутствовало еще одно заинтересованное лицо, и прекрасный юный капитан пробуж-

дал в нем чувства куда более глубокие, чем врожденная настороженность отца и потаенное кокетство матери. Дженис едва могла удержать в руке нож — так дрожали ее руки — или сделать глоток — так билось ее сердце прямо у нее в горле. Всего только раз взглянул он на нее, когда они занимали свои места за столом, но в его изумленном, оценивающем взгляде она прочитала все, что хотела прочитать, и, казалось, он навсегда наложил зарок на ее красоту и на ее мечты.

— А после испанской кампании, — спрашивал в это время лорд Рош, — что после нее, капитан Ралей?

— Я поселился в Лондоне. Ведь я прежде всего мирный человек. Мне нравится читать книги, писать и вести беседы со своими друзьями. В Лондоне сейчас собралось несколько великолепных собеседников. Кит Марло, например, и Томас Нэш, и Том Лодж... — Его голос потеплел при воспоминании о них, нынешних его товарищах, но довольствоваться только чернилами и бумагой... Нет, увольте. Как же мало эти мирные орудия труда могут принести ему славы! Ему было комфортно с друзьями, он мог наслаждаться стихами Марло и писать в ответ на них свои, мог спорить с Флетчером о проблемах человечества и истории — он мог быть, как он только что сказал, «мирным человеком»; и тем не менее Уолтер всегда сознавал, что этого ему мало. Его мечты нельзя было просто переплести в кожаный переплет, чтобы люди читали их. Но и легкой славой с громом аплодисментов он не удовлетворился бы, подумал он про себя. Ралей принадлежал к обоим мирам... но ни один из них в отдельности до конца не удовлетворял его. Что

будет... И тут он вдруг, за этим освещенным свечами столом, перед тремя людьми, о которых еще два часа назад и понятия не имел, а через час или два они вообще станут его врагами, обнаружил, что говорит о вещах, о которых никогда не слышали ни Кит, ни Том.

— ...когда я был в Лондоне, королева поручила моему сводному брату отыскать Северо-Западный пролив, ведущий через Северную Америку в восточные страны. Я в качестве командира королевского корабля «Сокол» последовал за ним. Мы попали в шторм, и нас отнесло от других кораблей. Тогда я попытался совершить бросок на берег Американского континента. Именно там заключено наше будущее. Другие нации давно поняли это: Испания с ее Мексикой, Португалия с ее Бразилией — все они стремятся на Запад, как устремляется туда солнце. Там должны находиться прохладные страны, где мягко греет солнце, где спокойно могут жить англичане, обрабатывая землю и строя города — это все можно превратить в английскую колонию. Я не добрался до континента. Не хватило пищи, да и хозяин корабля с самого начала был против этого предприятия. Но старый моряк, которого я знал в юности — Харкесс его имя, — клялся и божился мне, что на западе и севере Индий лежит земля пиний и фазанов, там богатая целина, на которой все наши безземельные люди — и вы в том числе, лорд Рош, — могли бы поселиться и обрести землю в собственность... Я не более чем плохой моряк, и все же я надеюсь достичь этого континента, увидеть, как разрастается земледелие, как появляются все новые дома. Мне бы самому хотелось начать это

дело — построить там первую колонию Англии и править ею.

Заметив, что его слова упали на благодарную почву, Ралей понял — его мечты и амбиции обрели форму слов. Больше это не пустые фантазии, не блуждание вслепую. Он хотел править.

Шок от этого открытия вернул его к действительности. С едой было покончено, наступила ночь, и уже нельзя было откладывать дело, ради которого он тащился сюда двадцать миль пути из Корка.

— Между прочим, — произнес он, вежливо наклоняясь к хозяину дома, — меня послали за вами, чтобы привезти вас в Корк. Есть вопросы относительно последнего выступления мятежников, на которые ответить можете только вы.

Лорд Рош оставался спокоен и улыбался, несмотря на то, что вяло и как бы неуместно точивший его в течение всего вечера инстинкт вдруг вышел на свет Божий и предупреждал: «Берегись!»

— Нет таких вопросов, касающихся последнего выступления мятежников, на которые я мог бы ответить, — спокойно заявил он, — и, более того, я категорически отказываюсь ехать с вами в Корк.

— Очень сожалею, но в таком случае у меня нет выбора: я должен буду применить силу.

— Применяйте и пойдите к черту. Я пока еще в своем собственном замке. Город за его стенами тоже принадлежит мне, и народ, населяющий его, тоже мой, все до последнего человека. Боюсь, ваши угрозы мало весят, капитан Ралей.

— Угрозы? Да я не произнес ни одной. Какие могут быть угрозы с моей стороны, если вы ничего не знаете о последнем восстании? Я приглашаю вас

проехать со мной в Корк; если вы отказываетесь, я вас забираю.

— Забираете? Каким образом?

Ралей поднялся и, подойдя к окну, выходявшему во двор замка, отодвинул тяжелые занавеси. Старый вельможа, опершись на его плечо, смог разглядеть там, внизу, как поблескивали в свете фонарей пики в руках солдат. Он даже разглядел на плаще одного из них, повернувшегося к ним спиной, вышитую розу Англии. Единственное, чего он не мог увидеть, это что под его окном было выставлено всего лишь небольшое подразделение солдат,— все, что имел при себе Ралей. Их было пятьдесят, но стояли они как целая армия и так же выглядели. Еще днем пятьсот жителей города, вассалов лорда Роша, встретили отряд Ралея, но он со спокойной наглостью отнесся к ним как к уже потерпевшим поражение. Не объявляя военных действий, он расположил своих пятьдесят человек по улицам города в качестве полицейских, и ирландцы, обескураженные столь странным поведением, позволили загнать себя в дома, им при этом пообещали полную безопасность, если они будут вести себя хорошо. И они вели себя настолько «хорошо», что пятьдесят «полицейских» смогли по одному, потихоньку прокрасться во двор замка и подготовить подходящую картинку, на которую лорд Рош теперь взирал.

— Все они основательно вооружены,— спокойно объявил их капитан,— но если вам вдруг померещится, что этих небольших сил недостаточно, чтобы защитить вас от ваших недоброжелателей по пути в Корк, призовите своих горожан. Как я успел убедиться сегодня утром, все они крепкие ребята, и я

не возражаю, если они тоже будут сопровождать вас в Корк.

Лорд Рош, который на протяжении пяти минут размышлял, как бы ему созвать своих горожан и обмануть этого пронырливого англичанина, услышав предложение Ралея, был окончательно сражен. Стало совершенно очевидно, что капитан Ралей повидался с народом и абсолютно не боится его.

Смирившись со своей судьбой, старик пошел готовиться к поездке.

Ралей обратился к леди Рош:

— Простите, что приходится в ответ на ваше гостеприимство забирать вашего мужа, но если, как лорд утверждает, он ничего не знает, ему и бояться нечего. Если же, напротив, он что-то знает, рано или поздно сюда вернутся все наши войска и, вероятнее всего, солдаты сожгут ваш замок.

Леди Рош по достоинству оценила правоту его слов и сумела ответить ему улыбкой.

Горожане по приказу своего господина построились в эскорт. Лорд и леди Рош обнялись. Ралей склонил свою темную голову над рукой Дженис и прикоснулся к ней губами. При этом он улыбался, потому что дрожь ее руки могла означать лишь одно. Однако Дженис сказала с достойной похвалы холодностью:

— Полагаю, поскольку задание ваше выполнено, мы уже никогда больше не увидимся, капитан Ралей?

И, одарив ее вторым долгим взглядом, капитан ответил:

— Никогда — это слишком долго.

Странная кавалькада двинулась в непроницаемую темь, и Ралей не отставал от всех, появляясь

то тут, то там. А оставшаяся в высоком замке девушка прижимала к груди руку, как какую-нибудь драгоценность, и раз за разом повторяла: «Никогда — это слишком долго». Была ли она настолько глупа, что слышала в этих словах легкий намек на обещание?

Ралей вошел в Корк вместе со своими пленниками. Среди них был не только лорд Рош, но и его ближайшие сподвижники, и существовала надежда, что у них найдутся ответы на все назревшие вопросы. Не было пролито ни капли крови, никому не причинили оскорбления, и, ясное дело, даже самый большой пессимист — молодой пессимист, — не мог бы не рассчитывать на награду и продвижение по службе после так хорошо проведенной операции. Но губернатор, лорд Грей, недолго любил капитана Ралея. Потому что перо Ралея оказалось более болтливым и неосмотрительным, чем его язык: в своих письмах домой он не раз выражал свое мнение о своем сводном брате, теперь уже сэре Хэмфри Гилберте; так, однажды он написал, что, мол, Хэмфри покончил с мятежом в этом именно регионе Ирландии за два месяца, имея при том всего треть от числа тех войск, которыми командовал теперь лорд Грей. А с мятежом до сих пор так и не покончено. До губернатора дошли слухи о нелояльных по отношению к нему письмах капитана, но он никак не отреагировал на них. Кто такой Ралей, кто там его корреспонденты? Так что он продолжал с холодной терпимостью проявлять несправедливость к нему, даже не соприкасаясь с ним, пока, проснувшись

однажды, он не обнаружил, что имя Уолтера Ралея у всех на устах и что его письма дошли до Лестера и Беркли. Следовало срочно убрать со своего пути супостата и его никогда не остывающее перо. В декабре он отправил Ралея в Лондон с письмами для королевы. И надежнее средства избавиться от него он не мог бы придумать.

Глава четвертая

УАЙТХОЛЛ. 30 ЯНВАРЯ 1582 ГОДА

*Королева Бесс была в своей спальне,
И была она средних лет...*

Ему было тридцать. Даже этот его возраст был ему на руку, если говорить об отношениях с королевой Елизаветой, которая в свои сорок девять, явись Ралей юношей, нашла бы его слишком молодым для себя: она еще не впала в старческий маразм, когда только мальчик мог бы угодить ей. Теперешний Ралей вот уже десять лет прожил в условиях, частенько жестоких, всегда опасных, и жизненный опыт отложил свой отпечаток на его лице. Его высокий лоб оставался поразительно белым там, где на него падала тень от шлема, а по контрасту черные глаза и обветренные щеки казались особенно темными. Он был высок и тонок, но тонок не как какой-нибудь долговязый мальчишка, а как человек, прошедший немало времени в седле и поживший в свое удовольствие. И одет он был по ее вкусу: роскошно, богато, в ушах его и на пальцах сверкали бриллианты, от волос пахло духами.

Склонив голову, он преклонил колена перед королевой, и сердце ее зашлось.

Такое случилось с ней лишь однажды, очень, очень давно, прежде чем она задумалась об искусстве управлять государством и стала рассматривать свое тело как залог в политической игре. Это был суровый, зрелый мужчина, который пришел в спальню девушки позабавиться с нею и оказался втянутым в куда более серьезную игру. И заплатил за это своей жизнью. Его звали Томас Сеймур. Поцелуи, которыми она покрывала его жесткий, улыбающийся рот, были такими же роковыми, как поцелуи Медузы; потому что Тайный совет, который в те времена возглавлял недалекий, анемичный Эдуард, был уже достаточно прозорливым, чтобы по достоинству оценить девственность Елизаветы. Сеймур положил свою голову на плаху, и его последняя мысль принадлежала ей, королеве. Он написал ей письмо, в котором рассказал, как лучше справиться с подозрениями ее брата и министров. И она последовала совету мертвеца и благодаря своему уму победила. И теперь она вместо Эдуарда возглавляла Совет, и кто посмел бы сказать ей хоть слово упрека, если бы ей понравился какой-то человек?

А Ралей понравился ей и своей осанкой, и своим сходством с тем далеким возлюбленным, и способностью неожиданно появляться перед ней сразу после своих мужских деяний. Она взмахнула своей необычайно красивой рукой (рукой, нарисованной на игральной карте бедного Гэскойна, обреченного так никогда и не увидеть королеву), и все ее посетители исчезли. Тяжелые, бархатные занавеси тихо прошестели и закрыли дверной проем.

Елизавета велела Ралею подняться, сесть на стул и говорить с нею. Она не подала виду, что он ей понравился: это было не в ее привычках. Приоткрыв рот, но совсем немного: она всегда помнила о своих испорченных зубах,— королева принялась расспрашивать его. Что там делается, в этой Ирландии? Чего эти ирландцы хотят на самом-то деле? Елизавету глубоко волновало то, что часть ее народа упорно не хотела воспринимать английское правление. Как идет подавление восстания? В чем сэр Хэмфри лучше лорда Грея? Оказалось, у Ралея на все вопросы были готовы ответы. Он описал ей страну со всеми ее природными контрастами: ее равнинами, холмами и необычайно зелеными полями. Уолтер рассказал ей о народе, ее населяющем: даже по отношению к своим они бывали коварны. Они были суеверными, невежественными, бедными и фанатичными людьми, но, отстаивая свои идеалы, становились потрясающими воинами. О своих подвигах он не сказал ни слова. Впереди, как он почувствовал, еще предстояли дни: завтра, и послезавтра, и послепослезавтра... Но Елизавета в своей удивительной манере вдруг резко повернула разговор на самого рассказчика. В сражении у брода действительно участвовало двадцать ирландцев? Как именно он со своими пятьюдесятью солдатами сумел захватить в плен пятьсот? Ралей, не принижая своих достоинств, но и без хвастовства рассказал ей обо всех произошедших событиях. В комнате становилось душно. По ее приказанию Ралей отодвинул занавеси на окне и немного приподнял зарешеченное окно. Он стоял в некотором отдалении от Елизаветы и смотрел на нее. И на какое-то мгно-

вание королева вдруг оказалась наравне с потаскушкой из гостиницы и с изнывающей от любви к нему девушкой из Бэлли-ин-Хаш. Она подошла и встала позади него, и они теперь смотрели наружу вместе. За окном над городом нависала бархатно темная ночь, и в оконном стекле отражались они оба: он, Ралей, и королева. Кровь бешено стучала в висках королевы. Вот человек, для которого она хотела бы быть только женщиной во всем ее женском величии, но вот парадокс: таким человеком должна была быть она сама, со всем набором легенд, уже созданных о ней.

Ралей со скрипом водил рукой по стеклу. Елизавета наблюдала за ним. На темном фоне нацарапанные буквы казались белыми. «Мне бы наверх, да боюсь сорваться». Королева любила и не раз прибегала к подобным завуалированным выражениям, которые можно было толковать по-всякому. Она в свою очередь нацарапала на стекле ниже его свою фразу: «Если тебе не хватает духу, то совсем ни к чему карабкаться вверх». Что бы все это значило?

Через некоторое время Ралей собрался уходить. Потаскушка в гостинице сказала ему: «Приходи еще». Дженис сказала: «Мы больше никогда не увидимся». Сколько еще женщин, помимо этих двух, расставались с ним со словами надежды или отчаяния? Елизавета была королевой Англии; она сказала: «Сопровождайте меня завтра».

Белые царапины оставались на стекле, и каждому, кто на следующее утро отодвигал в сторону занавесь, они говорили о том, что взошла новая звезда.

Глава пятая
ХЭТФИЛД. 10 АПРЕЛЯ 1583 ГОДА

Леди, которую Время всегда заставляло врасплох...

Елизавета прогуливалась по террасе в Хэтфилде. Стоял ясный апрельский день. Свежий ветерок гнал по бледно-голубому небу редкие облака. Словно галлионы проплывали они, то и дело накрывая солнце, так что королева попадала из тени в свет и снова в тень. Внизу на газоне желтые нарциссы, склоняясь под порывами ветра, будто солнышки, освещали ярко-зеленую траву, и зеленая листва легкой паутиной покрывала кусты боярышника.

Она ждала Ралея, которого не видела вот уже два месяца; королева хорошо себя чувствовала; в государственных делах не было ничего такого чрезвычайного, что могло бы тревожить ее; но то и дело она останавливалась в глубокой задумчивости и снова шла вперед, кусая губы и капризным жестом всплескивая руками, так что кольца и браслеты начинали звенеть на них. Нельзя быть старой в такое утро. Воздух насквозь пропитан флюидами молодости. Сам ветер прилетел сюда из юных стран Запада. Это утро и сознание того, что Ралей уже скачет к ней, вызывали трепетную дрожь в ее груди под украшенным драгоценностями корсажем. Но у нее была ясная голова, и она была достаточно честна перед собой, чтобы понимать, что эта дрожь не к лицу ей — ни по ее возрасту, ни по положению.

Кроме того, в то утро она читала. Бывают же люди, счастливо наделенные таким умом, что им достаточно одного взгляда, чтобы проникнуть в са-

мую суть написанного; но когда такому человеку пятьдесят, а кругом цветет весна, ему лучше не вдаваться в содержание прочитанного или, проникнув в его существо, постараться сразу забыть о нем, если прочитанное вот о чем:

Красота — лишь цветок,
И морщины ее поглотят;
Радость — света поток;
Королевы уходят всегда
Молоды, хороши как алмаз;
Забит прахом Еленин глаз...

Стихи расстроили ее. Молодой и прекрасной она была когда-то. Теперь, пока ее не оденут, она не смеет взглянуть в серебряное зеркало. Ни мудрость, ни острый ум, ни ее слава, которую белопарусные корабли разносят по всему свету, ничто не сможет предотвратить окончательное разрушение ее женской сущности. Женщины-бедняки и просто глупые женщины в ее возрасте посвящают свою жизнь другим — своим детям, внукам. Она же бесплодна — цветок, слишком долго ждавший, когда к нему прилетит шмель, — и она отойдет в мир иной, так ничего и не оставив после себя.

Тот апрельский день стал началом длинной череды размышлений, которые омрачили остаток дней Елизаветы и отразились на поведении королевы: соотнесенное с ее возрастом, оно навсегда стало притчей во языцех.

Но тут, как всегда совершенно неожиданно, необъявленным на террасу взошел Ралей. Как раз в это время тучка набежала на солнце, и тень от нее упала на тот конец террасы, где находилась королева, он же стоял освещенный солнцем с головы до пят. И

когда Уолтер направлялся к ней, тучка тоже передвигалась — будто он нес ей солнечный свет. Елизавета стояла неподвижно, протянув к нему обе свои руки. Но предательскую дрожь не могли скрыть ни ее сила воли, ни чувство собственного достоинства. Увидев свою королеву, Ралей не позволил себе улыбнуться, как это было в Бэлли-ин-Хаш. Он и сам не заметил, как глубоко тронула его сердце какая-то странная ее печаль, и его душа, как тонко настроенная арфа, откликнулась на нее чистой нотой — не музыкальной, словесной. «Леди, которую время всегда заставляло врасплох», — подумал он. И ни он, ни кто-либо другой, столкнувшись с этой реальной и достаточно банальной трагедией, так и не нашли ничего лучшего для выражения ее сути.

Ему было что рассказать своей королеве, потому что он выполнял довольно важное поручение. Уолтер состоял в эскорте, сопровождавшем герцога Алансонского и Анжуйского на место его нового назначения в качестве правителя Нидерландов. Герцог нанес довольно продолжительный визит в страну своей бывшей невесты, ныне своей «доброй сестры из Англии», и она сделала все, что было в ее силах, чтобы ублажить его и произвести на него неизгладимое впечатление: даже позволила Лестеру, Сиднею и Ралею проехать с ним в Нидерланды и присутствовать при его торжественном введении в права. Возможно, началась ее меланхолия с воспоминания о тех днях, когда она тешилась мыслью о замужестве, хотя — видит Бог! — она рада была тому, что не вышла за герцога Алансонского, но все это напомнило ей лишний раз, что Время уходит. Королева-женщина соскучилась по своим кавалерам.

Она провела Ралея к каменной скамье в другом конце террасы и внимательно слушала его рассказ о путешествии и о церемонии вхождения герцога в должность правителя.

Рассказывая, он сидел, слегка сжав руки, опустив их между колен, и неотрывно глядел на окрашенные закатом в красноватый цвет деревья. Описывая Нидерланды, он говорил красочно, так же как при первом свидании повествовал ей об Ирландии. Он позволил себе посмеяться над помпезным, толстым его высочеством в его пышных атрибутах власти. Елизавета с удовольствием присоединилась к нему.

— Я всегда называла его лягушонком, — призналась она.

Ралей закончил свое повествование и молча продолжал взирать на деревья. Он никогда не смотрел на людей, кроме тех случаев, когда его взгляд что-то должен был означать: зачем зря транжирить жизненные силы? А сейчас он собирался просить ее кое о чем, но пока что не разобрался, в каком она была настроении.

Королева очень скоро поставила его об этом в известность.

— Я рада, что ты наконец вернулся, Уолтер. Я чувствовала себя такой одинокой без тебя. И пока ты не рассмешил меня, мне было очень грустно сегодня.

И тут Ралей проявил свою столь отличную от других индивидуальность. Вместо того чтобы льстиво убеждать ее, что она, Глориана, никоим образом не подвластна печали, как сделали бы на его месте другие, он просто, со всей присущей ему серьезностью спросил ее:

— Почему вдруг грусть в такое прекрасное утро?

Елизавета ответила ему коротко — цитатой из Нэша. У нее был талант пользоваться своим голосом как инструментом. Она могла, например, браниться, подражая голосу своего отца; она отдавала приказы будто лаяла; или мурлыкающим голосом произносила слова ласки; а если было нужно, ее голос звучал как труба, зовущая к бою. Но голос, которым она произнесла «забит прахом Еленин глаз», никто никогда больше не слышал. Она, как и Ралей, терпеть не могла лишних трат жизненных сил.

Ралей, продолжая смотреть на деревья, сказал:

— Это не новая идея. Вспомните латинское: «Не растут амаранты по эту сторону могилы, о Евтерпа! Не бывает голоса, который в скором времени не замолк бы...» Эти слова были написаны еще до Рождества Христова. Это крик сердца каждого думающего человека.

— От этого не менее печальный.

— Не менее. Но это лучше, чем оставаться слепым. Люди, которые не ощущают, как уходит Время, не умеют по достоинству ценить его. Воспринимать каждый наступивший день как подарок судьбы, который вечером вновь ускользнет... есть в этом что-то, что вдохновляет.

— Однако все эти дни, хороши они или плохи, все они ведут к могиле. Я отнюдь не трусиха, Уолтер, с чем только мне не приходилось сталкиваться в моей жизни. Бывало и такое, что мне лучше было бы умереть, но я никогда не остерегалась ничего подобного. Но смерти я боюсь. После нее никакой тебе Англии, ни противостояния моего острого ума всяким злокозненным деяниям. Другие корабли на других морях, и ни одного пирата, чтобы принести мне

новости о своих великих свершениях. Кто-то другой на моем троне; мои подданные, сдирающие монограмму «E R» со своих плащей, и я наедине с червями.

— Говорят, существуют еще и Небеса.

— О, Небеса! Но буду ли я там королевой Англии? Ладно, Уолтер, лучше еще немного пройдемся.

Разговор так разволновал ее, что она уже не могла спокойно оставаться на месте. С хрупким изяществом, сменившим ее когда-то необузданную грацию дикарки, она поставила свою узкую стопу на пол, спустилась вниз по ступеням с террасы, и они отправились гулять по тропинкам парка.

Разговор о бренности жизни растревожил и Ралея. Сегодня он собирался просить ее разрешения в одном деле и даже настаивать на положительном решении.

— Гилберт скоро отплывает,— приступил он к трудному разговору,— и я умоляю вас позволить мне сопровождать его.

Это прозвучало как удар грома среди ясного неба. Елизавета аж задохнулась.

— Я этого ни за что не дозволю, Уолтер. Гилберту никогда не везло в море. Спроси любого. И ты не моряк. Ты остаешься здесь.

— Умоляю ваше величество только выслушать меня. Гилберта преследовали неудачи, потому что он искал то, чего на самом деле нет. Дрейк знает об этом. Он пытался найти вход в пролив. Если бы пролив существовал, то кто, как не Дрейк, обнаружил бы его? Он его не нашел и вынужден был вернуться домой ни с чем. Гилберт не собирается на этот раз искать пролив. Он намерен найти на кон-

тиненте Америки такое место, где можно было бы основать колонию для англичан. Ваше величество, вы говорите о смерти и забвении. Возможна ли лучшая память о вас, чем если люди, говорящие по-английски, через много тысяч лет, через много тысяч миль говорили бы: «Эти земли были колонизированы, когда королевой была Елизавета». Но если такая перспектива не трогает вас, подумайте о выгодах теперешних, материальных. Тамошние поселенцы, получив богатства от целинных земель, будут нуждаться в том, чтобы мы снабжали их товарами. Честное слово, не пройдет и десяти лет, как вывоз хотя бы нашего сукна в эти новые земли превзойдет поставки наших товаров в Нидерланды.

Теперь Уолтер смотрел только на нее. Исчезла женщина, страшившаяся могилы; государственный деятель смотрел на него сквозь узкие глаза Елизаветы и говорил с ним, цедя слова сквозь крепко сжатые губы.

— Мы обдумаем ваше предложение,— сказала она.— Но я запрещаю вам идти с Гилбертом или куда-либо еще без моего соизволения. Ясно вам?

— Абсолютно, ваша милость.

— Прекрасно.

Раздраженные разговором, они продолжали свою прогулку.

Ралей был разозлен, потому что снова получил отказ. Смысла идти против королевы и попытаться найти земли для колонизации без ее разрешения не было. Если он так поступит, королева не позволит ему править ими. Но время... время уходило.

Елизавету бесило то, что, едва вернувшись, он хотел... нет, страстно желал снова покинуть ее. О,

за одно мгновение возвращенной юности, за про-
блеск былой красоты, которые дали бы ей силы
покорить его, как покорила она Томаса Сеймура,
валявшегося в ее ногах, вымаливая крохи ее любви,
она отдала бы все. В ярости она крепко стиснула
руки, гневно глядя на его темноволосую голову, и
продолжала свое шествие по тропинкам парка в
полном молчании.

Незаметно они вышли к тому месту, где после
прошедшего накануне ночью дождя на тропинке об-
разовалась большая лужа. Елизавета, помня о своих
атласных туфельках и прелестных, редких по тем вре-
менам шелковых чулках, остановилась и готова была
повернуть назад. Но Ралей одним движением снял с
себя плащ и раскинул его перед нею на тропе, даже
не вспомнив ни одного из многих дурацких расска-
зов на эту тему, просуществовавших уже многие годы.
Это был прочный плащ для верховой езды из бар-
хата, отделанный замшей, и королева прошла по нему,
не замочив туфель. Ралей нагнулся, поднял свой плащ,
встряхнул его слегка и расстелил на сухом участке
тропы. Тут он взглянул на Елизавету. Она смотрела
на него с явным обожанием. Этот его удачный и
столь внезапный жест пришелся ей по сердцу. И когда
Ралей выпрямился и улыбнулся ей, она снова была
не только королевой Англии, но и королевой муж-
ских сердец.

После ужина она пожаловала ему поместья Стол-
ней и Ньюлендс, которые попали ей в руки от
Оксфордского колледжа, и обещала ему, что 4 мая,
как только вакансия на винную монополию освобо-
дится, она будет дарована ему.

Следующим утром Уолтер помчался в Лондон и срочно подготовил свой корабль, трехмачтовый барк «Ралей», который должен был если не его самого, то хотя бы его надежды доставить в Америку вместе с Гилбертом.

Не только Время заставляло врасплох Елизавету.

Глава шестая

ТАВЕРНА «РУСАЛКА». ФЕВРАЛЬ 1585 ГОДА

Такой ночи в Англии еще не бывало...

Через узкую, мощенную булыжником улицу русалка тарашилась на высокие, витые трубы на противоположном доме. На ней местами поблескивали еще остатки морской соли, а изгиб ее шеи, вознесшейся над улочкой, свидетельствовал о том, что изготовлена она была когда-то для того, чтобы украшать нос корабля, а не дверь трактира. Над ее головой было светло-серое, умытое дождями февральское небо в тучах, и с единственной яркой звездой, украшавшей его. Дрейк остановился на булыжной мостовой, подняв кверху голову, рассматривал русалку, и на душе у него вдруг полегчало. Ее взгляд был устремлен вдаль, как будто она видела далекие, новые страны или необыкновенный парусник, пересекающий пустую линию горизонта, там, где море сходится с небом. Как и сам он, она была лишней здесь, в этом узком мощеном переулке. Когда-то она летела на носу кто знает какого старинного корабля и, возможно, могла видеть самого Колумба.

Входя в таверну, Дрейк наклонил голову, и это было как поклон ее особе, тем более что для того, чтобы у него была необходимость наклоняться, ему явно не хватало нескольких дюймов. Предстоящее ему рандеву ничуть не радовало его, и шаги моряка, когда он поднимался по лестнице, были тяжелыми и выдавали его нежелание идти туда. Он был наслышан об этом «Клубе у Русалки», но едва ли имел намерение когда-либо посетить его: это было пристанище говорливых поэтов, вечно бубнящих что-то о книгах. А он считал, что в мире существовала одна книга, заполненная добротными рассказами о Давиде и Гедоне и дающими пищу уму изречениями о том, как надо беспощадно бить своих врагов. Это все Ралей — это он заварил всю эту кашу. Так здорово разбираться в кораблях, быть таким мозговитым в морском деле,— другого такого и не найти,— и на тебе — занимается писанием стишков, читает книги, написанные другими.

Но Дрейк откликнулся на приглашение Ралея, потому что сам сэр Филипп Сидней попросил Ралея позвать его. А для Сиднея это был последний вечер в Англии: на следующий день англичане, опять под предводительством Лестера, отплывут к берегам Нидерландов. А Дрейк всегда испытывал желание пожелать «Счастливого пути!» всем, кто шел воевать с испанцами. Все потому, что, так же как Библия удовлетворяла все его потребности в книгах, девиз: «К черту всех испанцев!» — выражал вкратце все его политические убеждения. Все остальное было «от лукавого», представлялось ему пустым битьем баклуш. Однако его неохотное восхождение завершилось — он стоял на пороге комнаты, откуда доносил-

ся гул мужских голосов. Дрейк не очень уверенно толкнул дверь и, вступив в дверной проем, который он полностью загородил своим большим, крепким телом, взгляделся в происходящее в комнате. Она была обшита панелями из дуба, потемневшего от старости и мягко отражавшего блики яркого пламени, гудевшего в открытом очаге. На голом столе среди винных бутылок и на полке камина горели свечи, и в их свете и свете из камина он разглядел четырех мужчин, которые сидели на уснащенных подушками стульях вокруг стола и очага. Все они встали, когда он вошел, и приветствовали его с большим энтузиазмом, воздав тем самым должное его детскому тщеславию и изгнав из его души последние остатки плохого настроения. Он учтиво поздоровался с маленькой компанией — сэром Филиппом Сиднеем, Китом Марло, Уиллом Шекспиром и сэром Уолтером Ралеем.

— Сегодня,— сказал, одарив улыбкой Дрейка, Сидней,— исполнилась наконец моя мечта пятилетней давности. Почему мы до сих пор не встречались с вами, сэр Френсис?

— Я был занят,— ответил Дрейк,— и если когда и наезжаю в Лондон, то только по делам. Меня сделали мэром Плимута. Должен вам честно сказать — управлять городским советом куда тяжелее, чем кораблем в сильнейший шторм.

— Почему же так?

Вопрос задал Шекспир. В тот вечер Дрейк убедился, что этот спокойный человек с большой головой никогда не отпустит тебя, не получив ответа на свои бесконечные вопросы.

— Кто ж его знает,— ответил Дрейк.— Такое впечатление, что все городские дурачки входят в

этот совет, и тут уж они не просто какие-нибудь Том, Дик или Гарри — их уже так не назовешь и не позовешь, теперь они «мистер такой-то» или «мистер сякой», и та толика власти, которую они обрели, кружит их бедные, тупые башки.— В его громком, ухающем голосе звучало великое презрение к этим людям. Постепенно звук его угас, но тот же смысл, немного измененный, «наделенный недолговременной малой властью», проявился снова, когда он продолжил свою речь.— По сравнению с битвой, которую мне пришлось выдержать за новый водопровод, наша с Уолтером военно-морская миссия была сплошным праздником. Вы думаете, это дурачье радовалось предложению провести прямо в их дома чистую воду? Да они растолковали это так, будто всю эту воду выпью я один! И послушали бы вы их, когда я велел им носить новую красную одежду! Но раз уж снова начинается война за Голландию, а значит, и морской промысел, пусть эти члены городского совета ковыряются в своем водопроводе сами, подоткнув подолы своих красных роб вокруг своих задниц, если так уж устроены их мозги!

— Вы снова отправитесь на Запад? — спросил Ралей.

— Возможно,— сказал Дрейк, заглядывая в пивную кружку будто в надежде прочитать там свои планы.— Но у меня есть мыслишка заглянуть в залив при Кадисе. Слышал, там затеяли что-то строить. Я бы мог заскочить туда, посмотреть, не нужна ли моя помощь. Мы с сэром Уолтером знаем все о последних моделях корабельной оснастки. А?

— Скудное занятие строить хорошие корабли только для того, чтобы их потом расстреляли и

потопили; им можно было бы найти лучшее применение, — возразил Ралей.

— А, это вы все о своих колониях. Множество хороших кораблей еще пойдут ко дну, прежде чем моря станут безопасными для плавания ваших пассажирских кораблей или Америка превратится в родной дом для ваших колонистов. Вы, сэр Уолтер, не так ненавидите «донов», как ненавижу их я. Я пропитываю этой своей ненавистью каждый парус, каждую доску, каждый канат или бочку с сельдями, которую я беру на борт.

— Почему вы так ненавидите их? — спросил Шекспир, дотягиваясь до бутылки с вином.

Дрейк повернулся вместе со своим стулом лицом к нему.

— Чтобы объяснить это вам досконально, мне потребовалась бы целая ночь. Начнем с того, что они — католики. Я ненавижу их не за это, а за то, что когда дело доходит до их религии, они теряют и разум, и человечность. Вот я расскажу вам одну историю. Как-то однажды нам не повезло, и мы потеряли корабль, так что кое-кому из нас надо было переждать на берегу. Пять человек добровольно пошли на это. Они были холостяками, а у остальных были жены — поэтому так и решили. Я выбрал, как мне казалось, безопасное место — поблизости не было ни одного испанского поселения, — и обещал вернуться за ними, как только позволит попутный ветер. Испанцы обнаружили их и передали в руки их проклятой Святой инквизиции. Заметьте, совсем не как своих противников. Им не хватило совести объявить их военнопленными. Они захватили их в качестве протестантов и под розгами протащили их по улицам

Веракруса; затем их повесили за ноги и держали так до тех пор, пока они не сошли с ума и не умерли. Одному из них перерезали веревку, приняв его за мертвого, но он остался жив и бежал в лес. Я нашел его, бедного безумца, и это все, что осталось от пятерых моих крепких молодцов, оставленных нами на берегу.— Его сильный, хриплый голос вдруг сорвался от переполнявших его чувств. Дрейк сглотнул слюну и добавил: — Вот вам и вся история — думаю, хватит с вас.

— Но,— сказал Марло, который любил ставить точку в любом споре,— считается, что они приносят в жертву тело во имя спасения души.

Дрейк гневно обернулся к нему.

— Пожертвуй мой зад! Они кровожадны, им нравится быть кровожадными ради самой кровожадности. Я ненавижу все это дьявольское отродье!

Он провозгласил это свое убеждение, как провозглашал любое свое мнение — как будто оно было единственным во всем белом свете и каждый разумный человек должен был разделять его с ним.

— Они так же ненавидят вас, судя по всему,— заметил Сидней.

— О, несомненно. Но не за мое отношение к пленным. Знайте, у меня перебивали сотни их, но убил я только двоих. Но и тут виноваты были сами эти свиньи.— Он опорожнил стакан и продолжал без паузы: — Я и об этом вам расскажу. Я захватил город, но не форт, находившийся снаружи. Испанцы направили офицера с белым флагом для переговоров о выкупе. Со мной был негритенок, маленький парнишка с кудрявой головой, и я послал его привести парламентаря к нам в стан. Может, он и

не был достаточно хорош, чтобы представлять своего хозяина; как бы то ни было, ублюдок посол наклонил свою пику, к которой был привязан белый флаг, и проткнул живот моему малому. Бедняга малыш приполз ко мне и скончался прямо у моих ног. Это же я его послал, поймите, и он смотрел на меня глазами собаки, не понимая, почему с ним случилось такое. Я был в ярости, но паршивый гад укрылся в форте и оказался недосягаем. Тогда я взял одного из захваченных мною монахов и повесил его точно на том месте, так что весь форт мог видеть его. Затем я послал другого монаха с письмом, в котором говорилось, что я буду вешать их одного за другим, пока мне не выдадут того мерзавца убийцу. Наутро никаких признаков того, что он выйдет, не было, и тогда я повесил своего второго монаха, объяснив ему, что винить за это следует не меня, а его собственных соотечественников. В конце концов мой «дон» вышел из форта ночью, и его я тоже повесил, но не единым рывком, как я сделал с монахами, нет уж...

Шекспир отвернулся к камину и уставился на огонь. Он не сомневался, что это и был нужный ему тип. Жестокий по отношению к своим врагам и нежный с друзьями. По всей видимости, неудобный для общества, но уверенный в себе и умеющий простым языком рассказать об обычной жизни. Женщине ничего не стоит влюбиться в такого человека. При этом все, казалось, было против этой ее любви. Сделать его безобразным, больным, бедным?.. В чем может быть изюминка его рассказа о нем? Ага, вот оно! Пусть он будет негром. Государственный деятель, черный человек, который покорил белую жен-

щину рассказами о своих потрясающих делах. И что потом? Да, потом он снова потеряет ее, потому что он неудобный человек и всего лишь государственный деятель.

Шекспир взглянул довольно робко на Дрейка, отметил про себя, что у него жесткое, круглое лицо, короткий, тупой, немного вздернутый нос, что курчавые волосы, ровной линией поднимающиеся со лба, подойдут и негру, только если они будут черными, а не темно-каштановыми с проблесками соломенных прядей, как у Дрейка. Он отвернулся и стал снова смотреть на огонь в камине. Как интересна жизнь! Как много она может предложить наблюдательному глазу!

Дрейк, который не мог долго соблюдать молчание в приятной компании, опять что-то рассказывал.

— Чуть не забыл. У меня тут для вас, сэр Уолтер, сувенирчик. На память о наших совместных трудах. Никогда не думал, что так хорошо работается с этим.

Дрейк порылся в мягкой кожаной сумке, которую принес с собой и поставил на пол рядом со своим стулом. Он наверняка не открыл бы сумку и не преподнес бы своего подарка Ралею, если бы тот оказался в окружении болтливых писателей, которые мудростью и глупостью своих разговоров привели бы его в уныние и в результате он так и не открыл бы рта в их компании. Но сейчас, обмякнув от выпитого канарского и от звуков собственного голоса, он забыл, что у Ралея существовала черта характера, которой он совсем не одобрял.

С непривычной бережностью он вынул из сумки, подержал в своих толстых пальцах нефритовую

фигурку и поставил ее на стол, туда, где ее хорошо освещали свечи.

Будда, невозмутимый и несуразный со своими ручками, сложенными на пухлом животе, сидел и смотрел на них.

— Это идол,— пояснил Дрейк.— Глаза у него рубиновые, а то, на чем он сидит,— он притронулся пальцем к пьедесталу,— из необработанного опала. Это я не к тому, чтобы вы думали — вот какую дорогую вещь я дарю. Но это забавно. Там ему поклоняются.

— Прекрасное изделие,— сказал Ралей. Он взял фигурку в руки и подивился ее весу и законченности произведения.— Я очень благодарен вам и всегда буду ценить этот ваш подарок. Мне еще никогда не дарили ничего такого дорогого.

Очень довольный, Дрейк улыбался.

— Такие вещицы легко найти, надо только знать места. У меня их почти не осталось. Но я не забуду никого из вас в свой следующий приход.

Ему вдруг захотелось, чтобы у него для всех них были подарки. Такие приятные парни, так внимательно слушали его рассказы.

Дрейк повернулся к Сиднею.

— Завтра вы отплываете в Нидерланды, сэр?

— Да. Дело будет не из легких, но уж я задам перцу этим испанцам за вашего негритенка и пятерых крепких молодцев.

— О, и не только за них. Это еще что! Вот я вам расскажу...

И он приступил к новым историям.

Ралей сидел, обхватив одной рукой стакан с вином, а другую положив на жесткие, холодные колени

Будды. Ему не было нужды слушать истории Дрейка. Он слышал их раньше. А сейчас, хотя он и обожал маленького пирата и был глубоко тронут его подарком, Уолтер чувствовал разочарование в этом человеке. Он пытался пробудить в нем интерес к своим планам по колонизации западных земель и основанию новой империи там. Но Дрейк только смеялся над этим. Его увлекали разбой и открытия. А Ралей, добившийся таких успехов, что это принесло ему немало завистливых врагов, Ралей, который, блестя своими серебряными доспехами при дворе — он их заказал, когда королева назначила его капитаном королевской гвардии, — внутренне переживал период жесточайшей депрессии и разбитых надежд. Привязанность Елизаветы, благоволение Совета, деньги, которые он получал от монополии на вино и торговлю, — для чего все это нужно, если не для достижения своей цели? Но как и прежде — далеко ему было до достижения своей цели. О его последней попытке колонизировать Виргинию — так он назвал новую землю, чтобы угодить королеве, — ничего не было слышно. Сто семь колонистов на пяти кораблях под командованием Гренвилля отправил он туда на свои средства. Это должно было оправдать себя. Другого такого упрямого человека, как Гренвилль, еще не видел свет, но он был прекрасным моряком и хорошим лидером. Пора было бы уже прийти известиям. Уолтер сидел среди своих друзей в уютной, хорошо натопленной и освещенной комнате и жаждал всей душой тяжестей и опасностей дальних путешествий, жизни первопроходцев. Как его раздражало это предубеждение королевы, будто он — и только он! — может служить по этому морскому ведомству! Впол-

не вероятно, что под тем или иным предлогом она свяжет его по рукам и ногам навсегда. Каждый из сидящих здесь, в комнате, имеет возможность дать волю своему таланту. Один он должен ждать и ждать без конца. Конечно, возможно, Дрейк прав со своей стороны. Может быть, на морях должно стать безопаснее плавать и политика должна стать более подходящей для того, чтобы осуществились его мечты о колониальной империи.

Сидней и Дрейк все еще были заняты разговором. Марло и Шекспир ловили каждое слово Дрейка. В голове Шекспира накапливались описания того веселого возбуждения, которое охватывало рассказчика, когда он отправлялся в открытое море или бросался в схватку: не отдельные слова, которыми пользовался моряк, а целые фразы, неожиданные даже для него самого. «А ну-ка, друзья, еще раз на брешь... стисните зубы, взбодрите кровь». Драматург, в мирную жизнь которого вторглась всего одна кровавая ссора, и его друг-поэт, посасывающий вино у камина, оба они были опьянены страстными рассказами Дрейка о баталиях. И Сидней в преддверии войны, в которой он лично никак не был заинтересован, но на чей зов он откликнулся, подобно какому-нибудь рыцарю короля Артура, внимательно слушал рассказ Дрейка о пережитом им, о зле, которое он теперь сможет искоренить. Это придавало смысл его походу на войну.

Сидней, самый отзывчивый из всей этой маленькой компании и больше всех любивший Ралея, первым отвлекся от повествований Дрейка и заметил угнетенное состояние друга.

— Хотел бы завтра пойти с нами в море, Уолтер? — спросил он.

— Одному Богу известно, как я этого хочу! Если бы мне разрешили покинуть Англию, я бы взбунтовался. И повернул бы свои корабли на запад. Знать бы только, как они там...

И будто откликнувшись на его слова, слышался стук в дверь. Ралей встал, в три шага достиг двери и распахнул ее, полагая, что знает, кто там стоит за нею. И все-таки он не рассчитывал увидеть мастера Кавендиша, того Кавендиша, который вместе с Гренвиллем отплыл от берегов Англии вот уже несколько месяцев назад.

Кавендиш стоял в дверях, онемев от восторга. На тонком юношеском лице, покрытом потом и грязью, пылали синие глаза. Ралей схватил его за руки и втащил в комнату, захлопнув за собой дверь пинком ноги.

— Это мистер Кавендиш с вестями из Виргинии! — вскричал он.

— С вестями, вы говорите? Еще с какими чудесными вестями, — сказал Кавендиш дрожащим от волнения голосом.

— Колонисты высадились на берег? Они там остановились? У них все в порядке?

Волнуясь не меньше, чем сам юноша, Ралей склонился над ним, теребя его за рукав, за воротник, за плечи, и так и сыпал вопросами.

Кавендиш кивнул, и тут поведение Ралея изменилось в корне.

— Бедный малый, да вы падаете от усталости. Посидите немного тут. С хорошими известиями можно подождать.

Он налил в свой стакан вина и протянул его юноше. С нежностью расстегнул плащ на нем и повесил его на спинку стула.

Кавендиш выпил вино и оставался молча сидеть, пока комната не поплыла перед его глазами и он испугался, что сейчас заснет, так и не рассказав ничего. Юноша был измотан до предела, потому что не терял ни минуты. Как только его судно бросило якорь в бухте Плимута, он вскочил на лошадь и неся очертя голову без остановок, только раз сменил лошадей и проглотил кувшин пива. Он должен был первым, прежде Гренвилля, прежде Фернандо, сообщить новости Ралею. Потому что для этого молодого человека — всего двадцати двух лет — Ралей, так быстро прославившийся благодаря только самому себе, представлялся существом сказочным, блистательным. Для него сражения Ралея в Голландии, Йоле и Бэлли, подернутые пленкой зависти или слишком близкого знакомства в умах других, были столь же реальными и воспламеняющими, как рассказы о подвигах героев древности. И наравне с этими подвигами его в этом человеке пленяли теперь и его положение ученого, поэта, приближенного королевы, и слава самого большого мечтателя о широких просторах. Когда Кавендиш в одиночку, на маленьком суденышке одолевал шторм в Португальском заливе и проходил его, присоединившись к другим кораблям, что было для такого неопытного моряка незаурядным подвигом, его девизом, его напутственным словом было имя «Ралей». Пока Гренвилль устраивал колонистов и ссорился с индейцами, закладывая тем самым фундамент для множества поместий будущих лендлордов, Кавендиш бродил по окрестностям в поисках специй и информации, которая могла бы заинтересовать его властелина. И вот, полумертвый от усталости, он оказался здесь, и Ралей смотрел на него

с восторгом и удивлением и ждал от него рассказа об их миссии. И не один Ралей. Тут же были и легендарный сэр Френсис, похваливший его своим грубым голосом, и благородный сэр Филипп, горящий энтузиазмом и рассуждающий на тему о том, как все они вместе, когда он вернется с войны, поработают на колонию.

Возвращенный к жизни вином и головокружительными похвалами, Кавендиш приступил к своим объяснениям и описаниям.

— Вот здесь,— с помощью подсвечника он обозначил место,— они собираются устроить свою штаб-квартиру. Река протекает вот так.— Он прочертил течение реки между бутылками, фигуркой Будды и пивной кружкой.— Индейские поселения располагаются вот здесь. Тут уже были небольшие неприятности... О нет, ничего особенного,— поспешил он успокоить Дрейка, который откинулся на спинку стула с таким выражением на лице, как будто хотел сказать: «А что я вам говорил...» — С тех пор как командующим назначен Лейн, с этим покончено. Сэр Ричард такой неосторожный...

Он замолк, сообразив, что критикует начальство.

— А какие именно неприятности? — тихо спросил Ралей.

— Это напишут в рапорте,— неохотно ответил Кавендиш.

— Прошу — расскажите мне вы, и сейчас же.

— Все началось с того, что у сэра Ричарда пропала серебряная чаша, и заподозрили в ее пропаже индейцев. Когда они отказались вернуть ее — не имея возможности или не желая сделать это, мы так и не узнали, по какой из этих двух причин,— он спалил

деревню и часть кукурузного поля... Это породило вражду, но Лейн скоро уладит все эти дела.

— Ах, если бы я сам мог поехать туда!

Это был крик души.

Кавендиш поспешил сменить тему разговора. Он вынул из кармана три длинных глиняных трубки, украшенных простым, но приятным рисунком.

— Индейцы делают их из глины и затем наносят рисунок из других цветов...

Снова порывшись в карманах, он вынул пучок сухих листьев, от которых исходил незнакомый запах.

— Это они курят, я сейчас покажу вам как. Это их обычай, и, надо сказать, довольно приятный.

В одну из трубок он положил листья и примял их своим большим пальцем.

Все присутствующие наблюдали за тем, как он сунул в рот мундштук трубки, поднес к пламени свечи ее повернутую к огню чашечку с табаком и стал активно затягиваться, пока листья в трубке не затле-ли и над ней не показался голубой дымок. Когда огонек в трубке хорошо взялся, он тщательно, почти благоговейно протер конец мундштука своим рука-вом и предложил трубку Ралею.

— Не пугайтесь, если сначала вы начнете зады-хаться. Так по первому разу со всеми бывает, зато потом она вам понравится.

Одну за другой он раскурил оставшиеся трубки и по очереди передал их Сиднею и Дрейку. Откуда ему было знать о том, какое важное место займет в истории спокойно сидящий слева от очага человек. Трубки наполняли табаком раз за разом и передавали их друг другу. Комната — первая в Англии, в которой

происходило такое,— постепенно наполнилась голубым дымом. Ее посетители кашляли и задыхались. Мастер Кавендиш вспоминал о пиниях и фазанах, о которых давным-давно рассказывал Ралею старый Харкесс, и описывал корни растений, которые индейцы выкапывали из земли и ели. Он сказал, что таких корней у него на корабле много и что они здорово помогли ему от цинги. Он рассказывал о больших птицах, живущих в лесах Виргинии. У них пятнистое оперение и красные зобы, которые они раздувают, когда злятся; их мясо похоже на мясо курицы, но оно сочнее и его значительно больше.

— Они заменят нам гусей, если удастся приручить их,— сказал Кавендиш.

Собравшиеся болтали или впадали в задумчивость, пока последняя опустошенная бутылка не легла набок и последний табачный лист не испустил свой ароматный дух, и все, кроме молодого моряка, чувствовали тошноту и головокружение. Затем они прогрохотали каблуками вниз по лестнице, продолжая разговоры. Сидней повторил свое обещание раздолбать испанцев во имя Дрейка, Дрейк в свою очередь пообещал навестить новую колонию и оставить там большие запасы всего необходимого поселенцам, как только получит от королевы разрешение на плавание. Под русалочьим взглядом, устремленным к морю, они расстались, пожав друг другу руки и пожелав удачи. Ралей позвал Кавендиша к себе домой и взял его под руку, сделав тем самым юношу счастливейшим человеком на земле в этот миг. Дрейк важно зашагал прочь, погрузившись в планы своего визита в Кадис. Сидней шел медленно, размышляя о Ралее и Кавендише и оттачивая фразу, которой была су-

ждена долгая жизнь: «С песней он идет, с песней, которая отвлекает детей от их игр, а стариков — от теплого угла у очага». Марло спешил домой, чтобы составить отчет о всех этих делах для смуглой леди, которая приходилась Уиллу никак не менее, чем любовницей. Сам же Шекспир тяжело вышагивал, уже «беременный» своим «Отелло».

И Ралей, почерпнув еще кое-что из того, что поведал ему заплетающимся языком Кавендиш, оказался в разброде и шатании, то окрыленным и ликующим оттого, что его мечта обрела наконец форму и имя, то опустив нос и в полном отчаянии, словно корабль без шкипера, обреченный на гибель.

Глава седьмая **ЛОНДОН. 1586 ГОД**

Ралей шел навестить Леттис Ноллис. В связи с этим он натянул шляпу до бровей и поднял воротник своего обыденного темного плаща до самого носа. Слишком много королевских слуг навещало Леттис. И Ралею вовсе не улыбалось потерять свое положение фаворита, попав им на глаза.

Однако это не было любовным свиданием.

Два дня назад он получил известие о смерти Филиппа Сиднея под Зютфеном. Погас навсегда этот яркий светоч. Уолтер потерял единственного из друзей, кто действительно понимал все его мечты и сочувствовал его устремлениям. И Ралей ощущал необходимость поговорить с кем-нибудь из тех, кто любил его, и, кроме того, было совершенно естественно с его стороны проявить свое соболезнование

женщине, для которой Филипп был не просто другом, а любовником. Он миновал парадную дверь — слуги обожают посплетничать, — обогнул дом и увидел сквозь щель в занавеске горящую лампу в ее комнате. Ралей осторожно постучал в окно, щель расширилась, и из него выглянула сама Леттис.

— В боковую дверь, — тихо сказала она.

Он не замедлил появиться в ее комнате. Старуха, возившаяся возле камина, поднялась и прошаркала мимо него, даже не взглянув в его сторону. Ралей и леди остались одни, стояли и смотрели друг на друга. Его удивило, что Леттис выглядела как всегда. Не было следов слез в ярких, чуть подведенных глазах или признаков обуревавшей ее скорби в аккуратно причесанной голове и в одежде. У Ралея промелькнула мысль, что умри он сейчас, его некому было бы оплакивать, но если бы он положил свою любовь к ногам женщины, то хотел бы, чтобы после его смерти она выглядела бы немножко иначе. Уолтер не знал точно, в чем именно иначе, но чуть-чуть изменившейся, так, как если бы горе затронуло и ее.

Леттис Ноллис пригласила его присесть и сама села напротив него. Два эти долгих дня она ждала его прихода. Что-то говорило ей, что Ралей непременно явится. И оба эти дня она раздумывала, как ей нужно будет вести себя, когда они с Уолтером увидятся вновь. Возбудит ли внимание мужчины зрелище безутешного горя, или лучше в каждом слове, в каждом жесте демонстрировать свой интерес к будущему, а не к прошлому? Она остановилась на последнем и оказалась права в своем суждении о Ралее.

Все его поступки как будто бы свидетельствовали о его жесткости и эгоизме. Его поведение по отно-

шению к королеве, внешне такое осмотнительное и холодное, по сути своей должно было скрывать что-то далеко не осмотнительное и не холодное — так считал весь Лондон. Ведь за что-то она любила его? И Леттис решила про себя, что человек, такой твердый и расчетливый, вряд ли склонен к сантиментам. Его мешковатые веки и довольно циничный взгляд тоже ввели Леттис в заблуждение, и не только ее. Эти умудренные опытом глаза с морщинками по углам были свидетельством его постоянных насмешек. Человеку с такими глазами ни к чему женщина, распускающая, как какая-нибудь школьница, сопли по усопшему любовнику. И поэтому ее волосы были так аккуратно уложены — локон к локону, завиток к завитку, каждая прядка на месте, — на ее лице не было и намека на слезы, а одежда продумана до мелочей. Однако именно в этом и состояла ее ошибка. Вся эта непреклонность Ралея — кроме разве что его бесстрашия — была наигранная, по требованию общества взлелеянная им, но совершенно чуждая натуре этого человека, однако весьма существенная для претворения его планов в жизнь. Глупые и пылкие попытки Елизаветы вернуться в молодость возбудили в нем жалость к ней и тягу к поэзии, в то время как весь двор, сам потешаясь над капризами королевы, считал, что и он высмеивает эти причуды. И если бы Леттис Ноллис вышла к нему вся в слезах от горя, он постарался бы утешить ее, и, возможно, испытывая общее горе, они сошлись бы ближе. Леттис поняла это слишком поздно.

Они немного поговорили о погибшем друге. О его благородстве, его стихах, его рыцарственной натуре, блестящих способностях, проявившихся уже

в юности и угасших навсегда. Леттис сидела не двигаясь. Наконец она предложила ему вина, налила немного и себе и смотрела на него через край бокала, пока пила его. Она соглашалась со всем, что он говорил о Филиппе, но при этом было очевидно, что тот был для нее всего лишь одним из многочисленных любовников и что она легко заменит его другим. Однако, когда уставший и разочарованный своим визитом Ралей встал и собирался уйти, она вдруг разразилась слезами, прикрывая лицо кружевным рукавом, и вся, со своими дрожащими, худенькими плечиками, обратилась к нему.

Это были слезы досады и разочарования. Он таки навел ее, это был ее последний, золотой шанс, и вот он упущен. Ралей вернется к своей королеве, а поскольку Сидней мертв, их дорожки не пересекутся больше никогда.

А Уолтер тут же решил, что он неправильно понял ее, что ее спокойствие происходило не от ее равнодушия, а в результате удивительного самообладания, которое наконец не выдержало, лопнуло. Он встал, подошел к ней и положил ей руку на плечо. Сквозь легкую атласную ткань Уолтер ощутил хрупкие, маленькие, как у ребенка, косточки ее плеча, и вся она была беспомощной и несчастной, как ребенок. Он обнял ее и прижал дрожащее тело к своему плечу, успокаивая ее нежными словами и довольно неуклюжими похлопываниями по спине. При этом Уолтер не испытывал страсти в отношении нее: он давно убедил себя, что уже не в том возрасте, когда его легко было бы соблазнить, тем более женщине, которую он вплоть до этого вечера воспринимал не иначе, как любовницу своего друга.

Ралей ласково подержал ее так в своих объятиях, пока не почувствовал вдруг происшедшей в ней перемены. Она уже не плакала и, повернувшись лицом, прижалась к нему всем телом. Он ощутил ее запах, и мягкость ее груди, и тепло, и ту ужасную силу, которая исходит от жаждущей тебя женщины, силу столь мощную, что под ее воздействием,— в представлении индусов,— если такая женщина обнимет ствол финиковой пальмы, на ней созреют плоды. Ему стало не по себе, прошла жалость к ней, Уолтер отпустил ее и отступил, но Леттис сделала шаг и встала перед ним; вздымающаяся грудь, влажные губы и глаза в поволоке выдавали ее тайное желание. Осознав это, Ралей вздрогнул от омерзения.

— Филиппу повезло, что он умер, так и не узнав о вашем распутстве,— отчетливо произнес Ралей.

Захватив плащ и шляпу, он быстро покинул ее. Уолтер не заметил гнева и ярости, запечатлевшихся на ее лице, и понятия не имел о том, что этой своей нехитрой фразой он сотворил себе смертельного врага, который когда-нибудь нанесет ему роковой удар.

Глава восьмая

ИППОДРОМ МЕДОУ. ВЕСНА 1588 ГОДА

Елизавета резко бросила свой веер на ручку кресла, отчего сломались несколько его непрочных ребер, в результате чего королева еще больше разозлилась. Черт подери! Неужели у нее и так недостаточно забот, чтобы еще возиться с этим настырным парнем, без конца мучающим ее своими домогательствами — отпусти да отпусти его в Виргинию?

— Запрещаю, бесповоротно и окончательно,— заявила она.— Сиди и жди здесь, как повелевает тебе твой долг. У ворот страны испанцы — разве это подходящее время для того, чтобы тратить наши корабли и людей на твои дурацкие выдумки?

— Как раз подходящее,— настаивал на своем Ралей.— Армада скоро выступит против нас, и тогда уж ни о чем другом мы не сможем помышлять. Мои суда готовы к походу; получив ваше разрешение, я за три дня погружусь и посету свою колонию, оставлю им запасы продовольствия и одежды, подбодрю их и буду здесь еще задолго до того, как первый галион выйдет из Кадиса.

— Так только говорится. И я хочу, чтобы ты, Уолтер Ралей, знал: мне уже докладывали, что никакой колонии в Виргинии нет. Что все эти небывлицы нужны тебе для поддержания своего реноме. А еще говорят,— злобно понизив голос, добавила она,— что у тебя в Испании завелся дружок.

— Пусть подавится этой ложью тот, кто ее придумал. Назовите мне его имя, и, клянусь Богом, он откажется от своих слов.

— Об этом говорят многие, Уолтер.— Излив свой гнев, она чувствовала себя уже намного лучше.— Вряд ли ты справишься сразу с сотней их. Я им не верю...

— Благодарю ваше величество хотя бы за это.

— ...но я устала от твоего нытья. Я хочу мира в моем государстве, в моем королевском дворе, в моей комнате наконец.— Перечисление своих владений она каждый раз сопровождала хлопками сломанного веера.

Время, которого так страшилась королева, наложило отпечаток на нее. Время застало ее врасплох. С недавних пор ее собственные рыжие волосы заменил парик, первый из коллекции париков, число которых к ее смерти достигло шестисот. Лицо ее было откровенно нарумянено и покрашено и приобрело теперь очарование хорошо выполненной маски, и отныне легкоранимому наблюдателю стало куда сложнее поддерживать в королеве стремление казаться молодой. Но руки ее оставались прекрасными: необычайно нежные, белые, без единого изъяна, они, казалось, подтверждали слухи о том, что она, подобно испанским грандам, спит в перчатках, пропитанных оливковым маслом и медом.

Ей хотелось обворожить Ралея после того, как она устроила ему такую выволочку, и она стала своими прелестными ручками сдирать со сломанного веера расписанный атлас.

— Я приказала устроить карнавал,— весело заявила она.

— Правда? — угрюмо откликнулся Ралей.

Он был настолько разочарован разговором с ней, что не задумывался в тот момент над тем, не оскорбит ли ее своим тоном. Быть фаворитом королевы ничего практически не значило для него: все его просьбы наталкивались на ее запреты. В этом году ему исполнится тридцать шесть; больше половины жизни прошло зря; и он по-прежнему целиком зависит от воли стареющей королевы-деспота, до которой не доходят никакие доводы.

— Карнавал поднимет настроение у народа и развеселит двор, а испанцам покажет, насколько нам наплевать на их угрозы,— продолжала она оживленно.

Ралей подумал — а отправлюсь-ка я в плавание без ее разрешения. Ну и что хорошего от этого будет? После такого его поступка она никогда не позволит ему править колонией... И все же — стоит попробовать. Если он там, на месте будет хорошо управлять колонией, может, этот номер у него и пройдет.

Уолтер отвлекся от своих мыслей, почувствовав, что он уже не наедине с королевой. Внезапно прекратив свои рассуждения по поводу карнавала, она воскликнула:

— О, Роберт! Какое удовольствие видеть улыбающееся лицо! Уолтер дуется тут на меня, оттого, что я не отпускаю его в Америку — ведь Филипп Испанский собирает против нас свою Армаду.

Эссекс посмотрел на Ралея со скрытой ненавистью.

— А почему бы не отпустить его, ваше величество?

— Он моряк, а моряки нам сейчас понадобятся, — ответила королева.

— У нас и так хватает моряков, — возразил Эссекс в таком тоне, что понятно было, что он имел в виду. — И получше сэра Уолтера.

Ралей взглянул на Эссекса так, будто впервые видел этого крепыша с веселым, румяным лицом. Он никогда не принимал Эссекса всерьез и уж тем более не опасался его. Эта его слепота происходила главным образом от его самоуверенности. Королева, осыпая его упреками, как было заведено у нее, когда бывала в дурном настроении, тем не менее с благодарностью принимала его советы и рассуждения, как это было, например, в тот апрельский день в Хэт-

филде. Как этот неоперившийся мальчишка мог избавить стареющую, умную женщину от тягостных мыслей? Отчасти это было результатом ее равнодушия. Игривые выходки Елизаветы частенько раздражали и огорчали капитана королевской гвардии. Пусть королева заведет себе другую болонку, и целует ее, и ласкает, и шлепает. Это позволит ему, ее старой, поношенной игрушке, заняться вещами, к которым у него действительно лежит душа.

Однако он сразу понял свою оплошность, когда заметил, какими оживленными стали их лица, когда они обменивались своими идеями по поводу карнавала. Уолтер понял, что Эссекс будет рад убрать его со своей дороги. Ралей быстро справился со своим плохим настроением и присоединился к обсуждению планов, внося усовершенствования во все предложения Эссекса, ловя взгляды Елизаветы, играя роль придворного. И в то время как королева улыбалась, слушала, обращалась то к одному, то к другому, эти двое искоса бросали друг на друга ревнивые взгляды, как будто два пса, готовые вцепиться друг другу в глотку.

Они стояли лицом друг к другу на беговой дорожке ипподрома Медоу. Множество знаменитых дуэлей начиналось здесь так же и раньше. Место было тихое, ровное, окруженное деревьями и располагалось недалеко от города. Солнце пробивало своим теплом желтую шелковую рубашку на плечах Ралея и било своими лучами по клинку в его руках в то время, когда он засучивал свои гофрированные рукава. Высоко над ним рано потревоженный жаворо-

нок, покинув гнездо, разразился своей песней. Вполне вероятно, песней смерти. Выжидая, пока Блаунт подаст сигнал, Ралей смотрел на человека, которого он собирался убить. Большое, крепкое тело в голубой рубашке и длинные ноги в штанах того же цвета, но с ярко-красными прорезями — было что-то в этом Эссексе удивительно инфантильное. Ралею уже не хотелось наносить ему удар: он в какой-то мере почувствовал удовлетворение, смазав своей перчаткой по этому жизнерадостному лицу. Но ничего не поделаешь — дуэль была неизбежна, оставалось только приступить к ней и победить. Не могут же Виргиния и все его надежды рухнуть от удара меча марионетки.

В поднятой руке Блаунта развевался на ветру платок. Юный Кавендиш, секундант Уолтера, издал пронзительный свист. Ралей не спускал глаз с платка, но вдруг увидел, что Блаунт, вместо того чтобы уронить его, подошел к Эссексу и стал показывать на что-то позади него, по направлению к реке. По тропе, по которой они пришли сюда, на полной скорости мчался паж, размахивая руками и крича во весь голос. За ним прямо по росистому лугу двигалась женщина, двигалась быстро, хотя ей было явно нелегко идти. Она опиралась при этом на трость. Это была королева. Не удовлетворенная усилиями паж, она сама, заметив, что на нее обратили внимание, подняла трость и прокричала:

— Остановитесь! — голосом, который эхом отозвался в лесочке.

Эссекс бросился к Ралею.

— Это вы все заранее подстроили? — спросил он с нескрываемой ненавистью.

— Нет. Не вы ли? — ответил Ралей.

Затем, движимые одним инстинктом, они вложили шпаги в ножны и побежали навстречу королеве, которая, увидев, что они приближаются к ней, остановилась, опершись на трость.

Утреннее солнце бросало свои безжалостные лучи на ее ненакрашенное лицо. Парик королевы, с дурацким бантом под подбородком и повязанный шарфом, неуклюже сполз на сторону, так что одна растрепавшаяся рыжая прядь накрыла ее черную бровь. И все же никогда Елизавета не выглядела такой поистине царственной. Когда они оказались в шести шагах от нее, каждый стремясь приблизиться к ней первым, чтобы первому произнести нужные слова, она голосом твердым и холодным как лед приказала:

— На колени, оба! Вот оно! Так-то вы подчиняетесь моим приказам о дуэлях!

Двое крупных мужчин опустили на колени в покрытую росой траву. Королева сделала пару шагов в сторону, словно в ожидании, когда они переведут дух.

— Это что еще такое? — потребовала она затем ответа.

Они заговорили оба сразу, осыпая друг друга оскорблениями и насмешками.

— Стойте,— остановила их королева.— Уолтер, как старший, говори первый.

— Все началось с чепухи,— приступил к объяснениям Ралей.— Для карнавала он выбрал мои цвета, так что я и мои люди выглядели бы его сторонниками. Я обратил его внимание на это, в ответ он оскорбил меня.

— Как?

— Он заявил, что считал, что я остановлюсь на цветах, более близких к испанским — не знаю, что он имел при этом в виду, но это уже не важно.

— Тогда,— вмешался в разговор без разрешения королевы Эссекс,— он швырнул мне в лицо перчатку и вызвал меня на дуэль.

— Будь я женщиной, я поступила бы так же,— сказала королева.— Это было оскорблением с вашей стороны, и вы попросите извинения у него. А вы, Уолтер, извинитесь за то, что устроили всю эту шумиху из ничего,— добавила она, обратившись к Ралей.— Нам известно о ваших монополиях, но я что-то не слышала, чтобы человек имел монополию на одежду красно-коричневого цвета.

— Но он сделал это с намерением опозорить меня, превратить меня в одного из своих слуг...

— Довольно об этом. Вы оба не правы. Хуже того — вы оба позволили себе послушаться моих приказов. Разве я не запретила дуэли при дворе? Хорошенькое было бы дело, если бы я потеряла Уолтера благодаря тебе, Роберт, или Роберта благодаря тебе, Ралей. Еще того лучше, если бы накануне того дня, когда Англии понадобится каждый сильный мужчина, каждый из вас привел бы в негодность своего соперника. Припасите ваши удары и вашу злость для испанцев.

Она глубоко вздохнула.

— Опять же, милое дело вытащить меня из постели ни свет ни заря, поставить среди мокрого луга с риском подхватить простуду и умереть — и все только ради того, чтобы два взрослых человека не оказались наутро никчемными трупами.

Эти слова привели в замешательство обоих дуэлянтов. Они знали, что состояние здоровья королевы не позволяет ей подобные, опасные для ее жизни прогулки. Но Елизавета еще не закончила экзекуцию. Она с юности любила пользоваться своим высоким положением, и немало трясущихся послов узнали об этом на собственном горьком опыте. И теперь, несмотря на боль в спине, насквозь промокшие ноги в тоненьких туфлях, тяжело опираясь на трость, она не собиралась оставить их в покое, пока не почувствует, что сделала свое дело.

— Оставайтесь там, где вы есть, и слушайте меня.— Она подняла трость и не шутя нанесла по одному удару по ребрам каждому из них.— Если вы еще когда-нибудь поссоритесь, по любому поводу, я накажу вас обоих. Клянусь Богом, я это сделаю. И клянусь, если бы сегодня утром кто-нибудь из вас убил другого, я повесила бы убийцу. Неповиновение мне есть предательство, и я буду наказывать за это именно как за предательство. Помните об этом, вы оба. Теперь можете встать. Роберт, ты попросишь прощения за свои слова. Уолтер, ты извинишься перед Робертом за то, что ударил его.— Она оставила без внимания причины ссоры.— А ну, приступайте! Я жду.

Они сконфуженно встали на ноги — на коленках у них остались мокрые пятна.

— Прошу прощения, ваша милость,— произнес Ралей.

— Прошу прощения, сэр Уолтер,— сказал Эссекс. И одновременно, торжественно:

— Я принимаю ваши извинения.

Они стояли в ожидании новых приказаний.

— Одевайтесь. Мальчик! Принеси их камзолы.

Они влезли в свои одежды, чувствуя себя — да и выглядя — как нашкодившие юнцы.

Королева истощила свой гнев и теперь старалась пробудить в них жалость к себе. В своей типичной манере быстро меняться она поманила к себе Блаунта.

— Возьмите мою трость, — чуть ли не шепотом попросила она его. — А вы оба можете подать мне руку, каждый со своей стороны.

Королева взяла их под руки — они уж постарались предложить для ее тонких, нежных ручек свои согнутые в локтях, одетые в шелк руки, — и повисла на них всем своим весом.

Кто знает, была ли Елизавета так утомлена, как старалась изобразить. Они шли, нежно поддерживая ее, и, хотя их соперничество не дошло до кровопролития, каждый чувствовал комизм своего положения. Они выглядели и чувствовали себя такими смешными, когда стояли на коленях в мокрой траве, а потом в спешке натягивали на себя свои камзолы.

Елизавета, которая остро ощутила приближение грозы, теперь так же остро сознавала наступившее перемирие. Она брела между ними и то и дело раздавался скрип ее больных суставов. С юности она мучилась ревматизмом, и вот теперь при каждом шаге, перед тем как поставить ногу на землю, она производила укоризненный звук, сгибая сустав в голени. Ей при этом доставляло удовольствие наблюдать, как вздрагивал Ралей при каждом нарочитом проявлении ее немощи.

Глава девятая
УАЙТХОЛЛ. АВГУСТ 1588 ГОДА

Каким бы великим ни считал себя человек,
А есть две вещи, перед которыми и он бессилён,
И первая из них — любовь...

Из комнаты доносились звуки клавесина, и высокий, звонкий голос исполнял простую, жалобную песню. Сэр Уолтер Ралей взялся за ручку двери и остановился послушать пение.

Когда с тобой в разлуке мы,
На мир ложится тень.
Ни звезд, ни солнца, ни луны —
Нет ничего в тот день.

Цветок и тот не расцветет,
И птица не споет,
Но только милый мой придет —
И солнышко взойдет.

Приди, любимый, пробуди
Мою любовь к тебе,
За что в награду получи
И преданность и честь.

Последние четыре аккорда песни прозвучали и растаяли в воздухе.

Ралей открыл дверь и вошел в зал, когда королева говорила певице:

— Мелодия ничего, приятная. Но вам придется выучить другую песню. Тут мужчина должен был бы приставать к девице, а у вас получается наоборот. Многие из фрейлин Елизаветы смолкли и были испуганы чуть не до слез этим сокрушительным раз-
носом, но девушка, которая пела, хотя и покрылась краской чуть ли не до самых ушей, ответила королеве:

— В следующий раз, ваше величество, я спою ее иначе.

— У вас будут трудности с рифмой «пробуди» и «получи»,— довольно резко заметила королева.

— Да нет,— возразила девушка,— вот послушайте.

И, подняв подбородок, она пропела ту же мелодию, но без музыкального сопровождения:

Придет любимый и вернет
Любовь и лето деве,
За что в награду обретет
Привязанность и нежность.

— А дальше если что и нужно изменить, то разве что отдельные слова.

Кое-кто из окружения королевы улыбался, но дамы были шокированы безрассудством девушки. Королеве, которая любила одухотворенных и уверенных в своих способностях людей, понравилось, как быстро девушка сумела переделать четверостишие, и она сказала:

— Хорошо, так и пойте ее,— и повернулась с разговором к кому-то другому.

Это был один из тех полуофициальных вечеров, которые тешили Елизавете душу. С высокого расписанного потолка свисали три огромные люстры с двадцатью свечами каждая и освещали ее кремовое платье и крупные бриллианты, сверкавшие на пальцах, в ушах и на шее. У стены стоял стол, уставленный фруктами, сладостями и вином, и проворные маленькие пажи с тяжелыми, большими подносами в руках быстро сновали среди гостей.

Ралей пробился сквозь толпу придворных и склонился над рукой королевы. Она коснулась его плеча одним пальцем и спросила:

— Как ваша рана, заживает?

— Все в порядке. Это была лишь царапина.

— А как вам понравились медали?

— О, вы щедро проявили свое полное доверие к своему союзнику,— с улыбкой ответил Ралей. Он намекал на девиз, высеченный на медали по приказу королевы, которая тем самым хотела напомнить о поражении Непобедимой армады — «Дыханием Господним все они были рассеяны по морю».

Елизавета рассмеялась.

— Я хотела особо отметить, что, несмотря на их святую воду и священника на каждом галионе, они не имеют права монополизировать Бога.— И, понизив голос, добавила: — Я еще должна поговорить с Крофтсом и Сесилом, а потом я буду танцевать с тобой.

Во время беседы с королевой Ралей скрытно поглядывал вокруг в поисках девушки, которая пела, и, оказавшись на свободе, отошел в сторону, чтобы хорошенько разглядеть ее. Он наблюдал за ней, открывая все новые достоинства этого прекрасного существа. Девушка была высокая, но ниже королевы, стройненькая, но с высокой, полной грудью, что говорило о ее гордом нраве. У нее были высокие, немного выдающиеся скулы, отчего ее щеки казались немного впалыми, хотя она была очень юная — не больше двадцати — двадцати одного года. У нее были светло-золотистые с серебряным отливом волосы, но вместо вымученных завитушек и локонов они были причесаны на прямой пробор и заплетены в косу. А коса лежала на макушке как корона. Бархатное платье темно-синего цвета подчеркивало ее бледность и синеву ее больших глаз. На фоне фрейлин с крашенными

хной волосами и наруганными щеками — в подражание королеве — она выглядела простой и естественной, но когда Ралей, побуждаемый любопытством, подошел ближе, он поразился — возможно ли, чтобы губы были такими красными, а ресницы такими черными у девушки со светлыми волосами?

Мужчина и женщина, с которыми она разговаривала, отошли от нее, и, оставшись в одиночестве, девушка почувствовала на себе пронизывающий взгляд Ралея. Она повернулась к нему лицом, чуть выпятила нижнюю губку, гордо подняла голову, как бы говоря: «Вот я какая, смотрите, если это доставляет вам удовольствие». Над людской толчеей его черные глаза встретились с ее синими. И на девушку обрушился такой заряд энергии, который не выдерживали и более подготовленные сердца, чем ее. Она видела перед собой узкое, загорелое лицо с острой, аккуратной бородкой. Не будучи в состоянии оторвать глаз от этого лица, она не смогла оценить его элегантные, ослепительно белые атласные камзол и панталоны, его украшенный драгоценными камнями пояс для шпаги. Девушка видела только его лицо; и внезапно сердце ее забилось сильнее. Горячая волна смущения охватила ее всю и бросилась ей в лицо. Медленно, неохотно она отвела глаза от Ралея и отвернулась в сторону.

Уолтер отыскал Артура Трогмортон.

— Кто эта девушка, что пела, а потом так смело разговаривала с королевой?

— Моя сестра Елизавета, — не скрывая раздражения, сказал Трогмортон. — Я еще поговорю с ней об этом. Хоть она и недавно при дворе, но должна лучше разбираться в этикете.

— У нее прелестный голос,— осторожно заметил сэр Уолтер.

— Был бы совсем хорош, если бы она умела держать язык за зубами, когда нужно.

Ралей отошел от него. В последние годы его занятость и услуги, которые он должен был оказывать королеве, да и собственный характер не оставляли ему возможности ухаживать за дамами. Но в этот вечер, бродя по светлому, переполненному людьми залу, он понял, что его час пробил. Он смотрел на новенькую фрейлину и говорил про себя: «Это моя женщина».

Скрипачи и флейтисты вдруг появились на галерее, и зажигательная мелодия понеслась по залу. Ралей был осторожен и, помня о пожелании королевы, искал ее глазами, но она, взяв за руку испанского посла, уже танцевала с такой живостью и вдохновением, что узнать в ней старуху, которая не могла без поддержки двух сильных мужчин поле перейти, было совершенно невозможно. Убедившись, что она занята, Уолтер принялся разыскивать леди в темно-синем платье. Она с братом стояла в дальнем углу зала. Артур Трогмортон явно отчитывал ее, а сестра с пылающим гневом лицом и выпяченной нижней губкой слушала его, в ярости от того, что он не давал ей слова вымолвить. Ралей уже дважды, пока пробирался к ним, видел, как она открывала рот, чтобы возразить Артуру или защититься, но всякий раз тот, ударив правым кулаком по своей левой руке, призывал ее к молчанию. Незаметно приблизившись сзади, Уолтер неожиданно схватил девушку за руку

и повлек танцевать. Краска гнева залила ее лицо, она едва не задохнулась от возмущения, но, узнав Ралея, еще больше покраснела и потом рассмеялась.

— Я подумал, что хватит ему читать вам нотацию,— объяснил ей Уолтер, пока они отступали друг от друга, исполняли обороты, кланялись и снова брались за руки.

— Еще немного, и я залепила бы ему пощечину и тогда уж, опозоренная, уехала бы домой навсегда.

— Вам не нравится жизнь при дворе?

— Я еще не жила при дворе,— ответила она, бросив на него такой взгляд, что он усомнился, была ли она такой простодушной, как ему показалось сначала. Однако Уолтер порадовался своему сомнению, потому что гораздо легче играть с тем, кто знает правила игры. Он крепко сжал ее руку. У нее была удивительно твердая, маленькая ручка, тонкая, но отнюдь не хрупкая.

— Вы посчитали мое поведение шокирующим? — спросила она.

— Нет, не шокирующим, а скорее неуместным.

— Вы обожаете ее?

— А это неуместный вопрос.

— Но ведь обожаете, правда?

— Я же сказал — это неуместный вопрос. А вы?

— Я ненавижу ее.

— Тс-с! Никогда не говорите этого!

— Почему? Это же правда.

— Тем более вы не должны это произносить.

— Сегодня я могу говорить все, что хочу. Завтра я уезжаю домой. На следующей неделе в это время я буду бродить среди своих вересковых зарослей, где могу говорить и петь все, что пожелаю.

— О нет,— тихо сказал Ралей,— завтра в восемь вечера заседает Совет. Вы будете свободны и встретите меня у южной калитки в парке.

При этих словах они разошлись, вращаясь, в последнем па, и, когда снова взялись за руки, она посмотрела ему в лицо и рассмеялась, показав при этом мелкие, как у ребенка, белые зубы.

— Вы так думаете? — спросила она.

Уолтер понизил голос.

— Пожалуйста,— настойчиво проговорил он.

Музыканты внезапно умолкли, и вот уже королева манила его к себе своим веером.

Над парком опустился августовский вечер. Вьющиеся по стене красные и белые розы выглядели просто светлыми или темными в сгущавшихся сумерках. Левкои, росшие у корней роз, изливали одуряющий аромат; взглянув наверх, Ралей увидел, как зажглась первая звезда. Было уже почти половина девятого, он ждал больше получаса, потому что, словно мальчишка на свое первое свидание, примчался сюда далеко загодя. Уолтер уже стал бояться, что она исполнила свою угрозу и уехала домой. Елизавета Трогмортон вполне могла так поступить, он это понимал — уж настолько-то он успел узнать ее.

Ралей прогуливался взад-вперед, и скоро к первой звезде присоединились миллионы других звезд. Летучая мышь спикировала мимо него, за ней бесшумно пролетела белая сова.

Уолтер решал, уйти ему или... Он убеждал себя, что она молодая и неуклюжая. Какое ему дело, вернулась она к своим верескам или нет? Через пару

дней он забудет прикосновение этих твердых, маленьких ручек, ее молодой, звонкий голос.

Было явной глупостью с его стороны оставаться еще в ожидании ее. Ралей резко развернулся на своих каблуках... и оказался лицом к лицу с ней. Девушка так неслышно подошла к нему по траве, что Уолтер до сих пор понятия не имел о том, что она где-то рядом, пока она не оказалась здесь — только руку протяни.

В этот вечер на ней было белое атласное платье, отделанное черными геральдическими лилиями. Оно туго обтягивало ее грудь и спускалось от талии к ногам жесткими складками. На шее и плечах было что-то светлое, воздушное, и надо всем этим на фоне густеющей тьмы белым пятном выделялось ее лицо. От сознания, что она все же пришла, у Ралея сердце подпрыгнуло в груди. Такого восторга он никогда в жизни не испытывал — ни прежде, ни в будущем. Уолтер никогда не думал, что может так сильно привязаться к женщине. Он поздоровался с ней дрожащим голосом.

— Итак, вы не уехали. А я чуть не потерял последнюю надежду.

— Я развешивала платья королевы, — сухо заявила леди Трогмортон. — Мы перепробовали двенадцать платьев и все положенные к ним аксессуары, прежде чем она нашла себя готовой отправиться на заседание Совета. Ну, а потом, естественно, мы с Мэри Фиттон почти целый час убрали все обратно.

Между двумя контрфорсами стены находилась каменная скамья, на нее они и сели рядышком. Ее близость была для него и радостью, и мученьем, и чудом одновременно.

— Вы сэр Уолтер Ралей, не так ли? — начала она, расправляя складки своей юбки вокруг себя.— Видите ли, я этого не знала в тот вечер, узнала только потом. Я нахожусь при дворе всего неделю. А вас тут не было, правда?

— Да. Во время сражения с испанцами обломок деревянного борта судна угодил мне в плечо. Пришлось поехать в Басс, подлечиться. Теперь вы часто будете лицезреть меня. Я капитан королевской гвардии.

— Я знаю. Вы носите серебряные доспехи, и все дамы без ума от вас. Но вы предпочитаете уединение, и вам трудно угодить. К тому же вы умны и очень, очень отважны. Однажды в Голландии вы захватили фургон с деньгами герцога Альбы, а в Ирландии вы в одиночку одолели целый поселок. Вы также поэт. Еще вы интересуетесь колониями и ввели в Англии в пользование табак и картофель. Вам тридцать шесть лет, вы главный фаворит ее величества, Эссекс ненавидит вас, а с Сесилом вы в дружеских отношениях. Так-то вот! Не так уж мало удалось мне узнать о вас всего за один вечер, верно?

Она остановилась, задохнувшись от быстрого перечисления сведений о нем, и глядела на него сияющими глазами.

— Потрясающе! Что так заинтересовало вас во мне? Вы догадались, что упустили в своем списке одну леди, которая заставит меня забыть об уединении и которой не так уж трудно будет угодить мне?

Она кивнула.

— Я догадалась. Став придворным, вы не назначали свидание ни одной женщине, кроме королевы. Я узнала об этом, но при этом не призналась никому

в том, что вы сделали исключение для меня.— Ее до сих пор легкомысленная манера уступила место озабоченности.— Но больше не назначайте мне свиданий. Вы и представить себе не можете, как разгневется королева. Может, вы не замечаете, но я ужасно ее боюсь. Я стараюсь не показывать вида, но когда она глядит на меня, у меня поджилки дрожат. Она страшная женщина.

— Вы преувеличиваете. Королева страшна какое-то мгновение, но это быстро проходит. Ничего не поделаешь, такой у нее характер, она унаследовала его вместе с тронem. Но видеться с вами я должен. Я люблю вас.

Над деревьями парка поднималась полная, огромная, золотая луна, и в тот миг, когда Ралей произносил свое признание, она появилась и осветила лицо девушки. Оно было жестким и неподвижным, будто искусно высеченным из белого мрамора.

— Даже если это правда, мы не должны встречаться больше. Она скорее всего бросит меня в темницу. Я этого не вынесу. Я люблю воздух и открытые просторы. Да и вам это навредит. Признаюсь вам ради вашего же благополучия: я совершенно обыкновенная женщина, не умная и не смелая. Я упрямая, эгоистичная и вспыльчивая. И чтобы уж окончательно лишить вас иллюзий, скажу, что близкие зовут меня Бесс.

— И я буду звать вас Бесс,— сказал Ралей.

— Я совсем этого не хочу, ведь так меня называют разве что в насмешку. Но не будет никакой нужды называть меня как бы то ни было. Подумайте о том, что я вам сказала, и не надо вам лишаться своего положения фаворита ради меня.

— Вы все сказали, теперь послушайте меня. Я тоже упрямый. И мне никогда не приходилось видеть такую прекрасную, такую очаровательную и такую честную женщину, как вы. Преуспевающий придворный совсем не обязательно должен быть лицемером или блюдолизом. Надеюсь, я не отношусь ни к тому, ни к другому типу придворных. Я люблю вас. Возможно, вы еще не любите меня, но я заставляю вас полюбить меня. И если уж мне это удастся, ни один человек, ни сам дьявол, ни королева не смогут стать преградой между нами.

Пока Уолтер говорил, он не отрывал глаз от ямочки в основании ее юной, белой шеи. Прелестное местечко для поцелуя, думал он, и поцеловал ее. Она слегка задохнулась, но потом вдруг обхватила его голову своими твердыми, маленькими ручками и крепко поцеловала его в губы.

В ней нет робости и нет ни грана фальши, думал он, прижимая ее к своей груди. Она необыкновенная, удивительная и восхитительная. Она как раз по мне.

Прошло шесть месяцев ошеломительного счастья. Они танцевали, освещаемые шестьюдесятью свечами, и, когда скрипки достигали крещендо, они скрытно, шепотом договаривались о предстоящих встречах. В заполненном людьми зале их глаза встречались, полные тайн и любви. Тьма зимних ночей укрывала их от посторонних глаз, когда они сходились в промерзлом парке и целовались холодными, застывшими губами.

Они жили настоящим, а будущее для них олицетворялось одним словом — «Вирджиния».

Сотни раз — в Хэмптоне ли, или в Виндзоре, или в Уайтхолле — там, куда им приходилось следовать за королевой, когда наступало время расстаться и мысль о необходимости разлуки и о неудовлетворенной страсти омрачала их существование, Ралей повторял:

— Скоро я получу вести. Если поселенцы согласятся, а она даст мне разрешение и пошлет меня править колонией, ты ведь поедешь со мной?

И сотни раз Лиз, как он теперь называл ее, отвечала:

— С тобой — хоть на край света, Уолтер, только бы подальше от нее.

В конце весны 1589 года вести, которых они так ждали, пришли. Письмо от Гренвилля было вручено ему в Дархем-хаусе.

«...Очень сожалею, но должен доложить вам, что колонии Виргиния больше не существует. Когда мы сошли на берег, чтобы доставить товары, которые вы послали колонистам, на месте поселка оставались только ржавые инструменты и разрушенный дом. Ушли ли они или стали жертвой индейцев либо испанцев, узнать не удалось. Мы стреляли из пушек, день и ночь в течение двух суток жгли костры и обыскали все вокруг, охватив большой район, но не нашли ни следа. Боюсь, мои новости лягут тяжким грузом на вашу душу, но уверяю вас: все, что мы могли, все, что смогли бы сделать вы сами, окажись вы там, было сделано. В подтверждение чего ставлю подпись собственной рукой.

Ваш слуга,
Ричард Гренвилль».

Ралей застонал, откладывая в сторону письмо. В своем воображении он слышал грохот пушечных выстрелов, замирающий постепенно в пустынных землях, видел никому не нужный свет костров, окрасивший в красный цвет стволы деревьев. Было покончено еще с одной мечтой. Деревянный дом со сверкающей крышей, который он уже построил в своих мыслях для Лиз, рухнул в одно мгновение. Сегодня вечером он должен будет встретиться с нею и сказать ей, что есть всего один способ покончить с их несчастными, короткими встречами, мужественный способ — в открытую все рассказать ревнивой королеве Елизавете.

Но даже собственная беда не вытеснила из его души мысли о колонистах. Что же случилось с ними? Как мало их было и как далеко от родины!

Но по крайней мере на этот вопрос он очень скоро получил ответ: только он собрался выйти в дворцовый парк, где среди голых деревьев ему предстояло рассказать все Лиз, появился посыльный с еще одним письмом.

Ралей вернулся в дом, чтобы прочесть его, а посыльного отправил на кухню подкрепиться.

«Любезнейший сэръ Уолтер (так начиналось письмо), спешу написать вам, чтобы освободить ваши мысли о благополучии вашей бывшей колонии. Когда я прибыл в Плимут через два дня после отплытия Гренвилля, до меня дошли самые разные слухи. На самом деле несколько месяцев назад, по пути в Картахену, я заглянул к колонистам и нашел их в полной прострации. Индейский вождь, который хорошо относился к ним, умер, и его сын поднял

против колонистов соседние племена. Назревала война, в которой враг имел огромное численное преимущество. Кроме того, у них кончалась провизия. В отношении индейцев я немного приободрил их, предложив им оружие и амуницию и один из своих кораблей. Я к тому же нагрузил четыре лодки продовольствием для них. Но нам пришлось испытать на собственной шкуре местную погоду, и лодки с грузом как корова языком слизнул шторм. Колонисты к этому времени совсем упали духом и с большой охотой откликнулись на мое предложение доставить их домой.

Причалив к родным берегам, я услышал разговоры, что, мол, никакой колонии вообще не было. Оставшиеся в живых колонисты рассеялись по своим друзьям, но если кто-нибудь своим неверием досадит вам, отошлите его ко мне. Я ему вправлю мозги. Если моряки не постоят друг за друга, кто заступится за них? Дайте мне знать, когда отправите новую партию колонистов. Я их навешу и при необходимости верну их домой.

Искренне ваш,
сэр Френсис Дрейк».

Ралей испытал теплое чувство к автору письма, хотя горе и злость переполняли его. В последней строке письма таилась, конечно, ухмылка Френсиса, но не было в ней желчи. И хотя Дрейк со своим пиратским разумением явно не верил в возможность основания колонии в будущем, он заткнет глотку каждому, кто осмелится в его присутствии сказать, что колонии там не было в прошлом. Ралей позавидовал Дрейку. Он ни от кого не зависел. Все, чего

моряк хотел, он добывал собственными руками. Но какими же ничтожными были желания Дрейка, подумал Уолтер, складывая его письмо. Хороший корабль, приключение, которое постороннему наблюдателю покажется невероятно глупым, захват испанского судна или ограбление города — ничто это не трогало и не нужно было Ралею. А для достижения иных целей и средства необходимы были иные.

В тот мартовский мокрый вечер он вышел, чтобы встретиться с Лиз.

Зачитавшись письмами, он опоздал на свидание у каменной скамьи, где обычно проходили их встречи, и Лиз, крепко обхватив себя руками от холода, быстро ходила туда и обратно по дорожке. Сидеть было невозможно — пробирало до костей, и, обняв девушку так, что его плащ почти полностью накрыл ее, он присоединился к ее моциону.

— У меня новость — хуже не бывает, — почти сразу же сказал ей Уолтер.

Он почувствовал, как она замерла вдруг и отстранилась от него.

— Королева узнала? — с ужасом, который никогда не покидал ее, спросила она.

— О нет, не то. Погибла колония. Гренвилль обнаружил развалины поселка на ее месте, потому что Дрейк подобрал колонистов, когда возвращался в Англию. Сегодня я получил письма от них обоих.

— И это все? — сказала она и облегченно вздохнула. По ее мнению, по сравнению со вчерашним днем ничего особенного не произошло.

— Все? Неужели этого мало? Знаешь, что это зна-

чит? Бесконечные свидания, как это, под дождем, в тумане, в холоде, когда я не могу даже толком поцеловать тебя.

В конце тропы они резко повернули и пошли назад, бесчувственные, словно часовые на посту.

Лиз немного помолчала, но когда заговорила, как всегда со всей свойственной ей прямоотой, обратилась к самой сути проблемы.

— Я больше не живу в одной комнате с Агнессой. Меня переселили в отдельную комнатку в самом конце балкона. Взобраться туда очень легко.

— Дорогая, ты сама не понимаешь, что говоришь. Ты, всегда такая осторожная.

— Мы будем осторожными и теперь. Приходи в полночь или немного позднее.

— Я не могу так. О, Боже! Я хочу совсем другого, открытого и честного признания. Разве так нельзя, Лиз?

— Вспомни о Мэри Фиттон.

Ралей вспомнил. Мэри и ее любовник, оба оказались в Тауэре. Стоит ли так рисковать...

— Я жду тебя сегодня ночью, у себя,— сказала вдруг Лиз и, сбросив с себя полы его плаща, бросилась бежать и исчезла в ночной тьме.

Через четыре часа он тихо вскочил на балкон и прокрался к последнему окну, сквозь которое слабо пробивался свет горящей свечи, как знак ожидания и приветия. Лиз подошла к окну, держа над собой свечку, и он увидел тень на лице от ее дрожащих ресниц и челки. Она выглядела удивительно, по-детски трогательно со своими распушенными по пле-

чам светлыми волосами. Не испытывая особой радости от своего поступка, Ралей обнял ее. Но ее тело, освобожденное от корсажа на китовом усе и от многочисленных юбок, было мягким, и податливым, и желанным и возбудило в нем такую страсть, которую не могли омрачить годы, а погасить смогла только смерть.

Глава десятая **ЛОНДОН. 1589 ГОД**

I

Он кончил говорить и стоял, протягивая королеве письма от Дрейка и Гренвилля, чтобы она ознакомилась с ними. Елизавета гневно оттолкнула их от себя и, забыв о своих гнилых зубах, которые обнаружились при ее ухмылке, сказала:

— Итак, вот она, ваша колония, которая должна была соперничать с Нидерландами по ввозу суконных товаров. Поселенцам, да и вам скорее подошли бы пеленки, а не мужские амбиции. Хорошенькое дельце для того, чтобы насмешить весь мир.

Забыв о долге вежливости, который всегда трудно соблюдать, когда плюют на твои доводы, он ответил:

— Вы в этом виноваты не меньше, чем я. Весь год я умолял вас отпустить меня к ним, провести колонию. Если бы она была у меня в руках, если бы я правил ею, ни все индейцы мира, ни все испанцы мира, ни сам дьявол не отняли бы ее у меня.

— Много слов, сэр Уолтер. Большие болтуны это и большие бездельники.

— Только вы одна во всем мире можете говорить мне такое! Колония там была, в чем вы сами можете убедиться, прочитав эти письма, и если бы я хоть немного позаботился о ней — а у меня была такая возможность, — она и сейчас продолжала бы свое существование. Но вы, не поддержав ее, сыграли плохую роль в ее судьбе. Я, может быть, и большой болтун, но я доживу до той поры, когда увижу ее английским владением.

— Вы уповаете на долгую жизнь, — сказала Елизавета.

Она взвинтила себя до предела, и даже его внешность, устремленные на нее темные, жесткие глаза, побелевшие губы и высоко поднятая голова не могли смягчить ее гнев.

— Я уповаю на то, что когда-нибудь англичане обретут здравый смысл. Испанцы овладели всем Новым Светом всего лишь с тремя кораблями и кучкой уголовников, в которых Англия отказала Колумбу.

Злая подлость деда, от которого она так многое взяла, решила все за королеву. Да, ее волновали его смелые речи и мужественное лицо в минуту его поражения. Но его следовало проучить; он не должен был так отвечать на ее слова; она достаточно долго терпела его гордыню и дерзость. Какая-то извращенность, возникшая непонятно из какого источника — от огорчения ли или от физического недомогания, сделала ее способной испытывать удовольствие при вынесении ему своего приговора.

— Поскольку ваши яркие способности так мало согласуются с нашей леностью и тупостью, мы ос-

вобождаем вас от необходимости присутствовать при дворе. И для того, чтобы вы могли полностью посвятить свое драгоценное время и необходимое внимание этому «фениксу», который возрождается каждый год в вашем воспаленном мозгу, я освобождаю вас и от обязанностей капитана гвардии.

— Как пожелает ваше величество,— ответил Ралей, хотя ее приговор задел его за живое.— Вы даете мне ваше соизволение отправиться в Ирландию?

— В Ирландию? Да хоть к черту на рога!

— Благодарю вас.

Он склонился в очень низком поклоне, затем поднялся и, очень прямой и стройный, направился к двери. Внутри Елизаветы все кричало: «Вернись, я не имела в виду и половины сказанного». Но она не проронила ни слова.

Будь она немного моложе и не будь обучена так строго контролировать свои чувства, она бы побежала за ним, взяла бы за руку и вернула его. Но на самом деле королева подумала: «К черту этого парня. И откуда у него берется такая сила? Уж не оттого ли, что он, как и я, всегда выходит из трудных обстоятельств, действуя властно?»

Королева долго сидела в полной тишине и вдруг с удивлением и даже с тревогой обнаружила, что ее редкие ресницы повлажнели от слез.

II

— Пойдем со мной, Лиз. Она все равно уже разгневана, хуже не будет ни ей, ни мне, а в Ирландии ей нас не достать.

— Единственное место, где мы можем спрятаться от нее, это могила.

— Я присоединюсь там к повстанцам. Единственное, чего им не хватает, это настоящего лидера.

— Уж не думаешь ли ты, что я хочу сделать из тебя предателя?

— Что угодно, только бы ты поехала со мной.

— Нет.

— Даже во имя нашей любви?

— Да.

— Ради Бога, скажи, почему?

— Потому что в Тауэре мы не будем вместе.

— Мы не будем в Тауэре.

— Почему, по-твоему, нам должно больше повезти, чем Пемброкам?

— Рискни, Лиз. Рискни ради меня.

— Нет.

— Возможно, мы не увидимся целых шесть месяцев, а то и больше.

— В Тауэре мы не увидимся никогда. Небольшая разлука может оказаться полезной для нас. Она по меньшей мере закалит нас.

— Ты и так закаленная, Лиз.

— На моем месте нельзя иначе. Слабая женщина уже давно подвела бы тебя под монастырь.

— Но ты хоть думай обо мне и жди.

— Всю мою жизнь. При дворе нет другого Ралея, а на меньшее я не согласна.

— Последний раз прошу — поедem со мной, любимая.

— Последний раз отвечаю — нет.

ИРЛАНДИЯ, ЛОНДОН. 1590 — 1592 ГОДЫ

— Она прекрасна и горда. Холодная как лед со всеми, со мной она пылкая как пламя, Спенсер. Я никогда не слышал, чтобы она солгала или схитрила. Вряд ли найдется много женщин, о которых мужчины мог бы сказать такое.

— Только одна, я полагаю. Вас тошнило от вашей первой трубки?

— Еще как! И Сидней, и Марло, и Шекспир, и Дрейк, и я были словно пьяные, еле доплелись до дома.

— В такой компании и я опьянел бы.

— Возвращайтесь-ка лучше со мной в Англию, если я когда-нибудь поеду туда. Мы примем вас в члены клуба «Русалка». Вы там будете чувствовать себя как дома.

— Если бы я мог! Но вы читали про ворону, которая спозналаась с петухами, правда ведь?

— Мой дорогой, вы просто слишком скромны. Я нахожу вас гением. А я не бросаю слов на ветер.

Эдмунд Спенсер густо покраснел. Была ли похвала Ралея искренней, или он просто льстил ему? Может, ему приятно было найти родную душу в этом ирландском захолустье и на этой его радости зиждется суждение о нем? Спенсер отложил в сторону недокуренную трубку и развернул сверток с бумагами, которые до сих пор страшился показать Ралею.

— Это начало моей новой поэмы,— застенчиво признался он.— Я сомневался, захотите ли вы прочитать ее и сказать мне ваше мнение о ней.

— Это доставит мне величайшее удовольствие. А вы зато прочитаете вот это — я написал это для Марло. Вы, конечно, читали его «Приди ко мне и стань моей любовью», верно? Ну а это мой ответ ему.

Он протянул листок бумаги Спенсеру, тот принял его с благоговением. За все время общения с Ралеем он действительно боготворил его. Этот человек обращался к Шекспиру «Уилл» — вместо Уильям, называл Марло «Кит» — вместо Кристофер, когда-то давно жил в одной палатке с Филиппом Сиднеем. Он и сам был не последним поэтом. И сама судьба привела его в Йол, соседствующий с Килколманом, где Спенсер отдавал себя служению только музе поэзии. От этой мысли его смиренное сердце трепетно забилося у него в груди.

Ралей склонился над текстом. Ошибки быть не могло: Спенсер был поэтом «от Бога». Настоящая находка. Это открытие взволновало тонкую натуру Ралея так же глубоко, как зрелище корабля, выходящего из порта Плимут взволновало бы Дрейка. Какое-то время он просто, как художник, наслаждался превосходным произведением поэта. А потом вдруг, все еще продолжая читать, понял, что мысль о выгоде закралась ему в душу — это была вечная его беда: все, к чему он прикасался, должно было иметь свою цель. Уолтер бросил взгляд на собственные стихи, которые Спенсер положил на стол. В последнем четверостишии там говорилось:

Могла бы юность длиться, любовь — еще желать,
Чтоб радость — без предела и не стареть — пылать;
Тогда восторги эти осилил бы мой ум,
Чтоб жить с тобой и вечно любить тебя одну...

Мысль о единстве радости и молодости заставила его задуматься сразу о двух проблемах. Его собственная юность кончалась, а похвастать ему особенно было нечем. Он подвизался в поэзии, но не числился среди поэтов. Будучи политиком, он не состоял в Тайном совете королевы. Будучи колонизатором, он истратил уйму денег на создание колонии, но она погибла от недостатка внимания к ней, и ему даже не было позволено присутствовать при ее умирании. Юность уходила. Елизавета осталась в прошлом. «И не стареть — пылать...» Что нужно этой стареющей женщине? Уверенность, и еще раз уверенность в себе, в том, что она — все та же Глориана своего воображения. Как просто! И каким дураком он был, вступая с ней в пререкания, пытаясь внушить ей свои понятия. Как глупо было с его стороны отвечать философическими, здравыми рассуждениями на ее жалобы на свой возраст. А она-то хотела — и хотела все время — всего ничего, она хотела лести, изысканной лести, которую и получала от других. Бог мой, да пусть она получит ее! Из своей ссылки он доставит ей такое жертвоприношение, какое прежде не доставалось ни одной королеве. Придя к мысли о необходимости льстить, сколько экстравагантности, сколько искусства, сколько необычайной тонкости должен был проявить он, приступая к этому!

Ралей склонился и похлопал ничего не подозревающего Спенсера по колену. Спенсер, смаковавший про себя картину, на которой Ралей, Шекспир и все остальные беседовали в клубах табачного дыма в таверне «Русалка», сделал еще одну попытку выкурить трубку и дошел уже до состояния, когда ему море стало по колено.

— Что вы собираетесь делать с этими стихами?

— Я еще ничего не собирался. Я подумывал; не возьмете ли вы на себя труд, когда снова станете фаворитом королевы, попросить ее разрешения посвятить поэму ей.

Ралей улыбнулся.

— Я уже говорил вам, Эдмунд, вы слишком скромны. Вы не только должны посвятить ее королеве, вы своей поэмой должны сделать имя ее бессмертным. Вам остается только...

Ночь потеплела, и звезды взошли над миртами, вишнями и кедрами в саду ирландского поместья Ралея, сначала яркие, потом они побледнели, а он все объяснял Спенсеру, что тот должен сделать. Чуть-чуть перестроить здесь, немного добавить в этом месте — и Елизавета уже — Королева фей, живая, несокрушимая, бессмертная.

Эдмунд прислушивался к каждому слову Ралея, благодарил за проявленный интерес к его творчеству, с радостью принимал все предложения и так никогда и не узнал, что на крыльях «Королевы фей» Ралей замыслил вернуться ко двору и заодно в объятия своей Лиз.

Рассвет разгорался над заливом, когда Ралей провожал поэта до калитки и смотрел потом, как в каком-то нереальном свете нарождающегося утра удалялся он с рукописью под мышкой, с растрепанными волосами и сползшим набок воротником.

Уолтер повернул назад и шел, проклиная себя, среди рядов цветущего картофеля. Сегодня он исхитрился заполучить прекрасный манускрипт себе в руки, теперь поэма, может быть, и прекрасна, но уже лише-

на своей свежести. А Спенсер ни о чем не догадывается. Поэты принимают его, Ралея, за своего; и с моряками он на короткой ноге; только политики подозревают в нем второе дно и с осторожностью вступают с ним в контакт. Леденящая душу мысль.

После той ночи он начал подыскивать подходящее время для возвращения ко двору. Он будет держать рукопись Спенсера под рукой, а другие, еще более утонченные комплименты — на кончике своего языка. Но, размышляя под своими молодыми туловыми деревьями, даже он никак не мог предположить, что Леттис Ноллис, лишившаяся Сиднея, отвергнутая Уолтером, вскружит голову и поработит юного Эссекса. Об этом он узнал, получив записочку в одну строчку, без подписи, только своей краткостью выдававшую авторство Лиз. «Эссекс женился. Возвращайся».

Это было единственное послание от Лиз за все время его ссылки, но с его появлением кончалось его изгнание.

И вот он снова лежит рядом с Лиз на узкой, короткой кровати, и ее светлые волосы покрывают ему грудь. Только теперь, когда прокукарекали первые петухи, напомнив ему, что пора уходить, у них нашлось что сказать друг другу. Если не считать нескольких бессвязных слов нежности при встрече, их воссоединение было таким же безмолвным и простым, как весеннее соитие птиц после зимней разлуки.

— Она была рада видеть тебя, да? — вяло спросила Лиз.

— Поразительно, если вспомнить, как мы расстались, посылая друг друга к черту. Знаешь, Эссекс и его жена не в Тауэре. Возможно, со временем она становится терпимее.

— С Эссексом она не смеет поступить слишком сурово. В нем течет королевская кровь, и он безумно популярен. Елизавета Тюдор никогда не бывает терпимой без причины.

— Твое недоверие пустило глубокие корни.

— Я видела ее лицо, когда ты вошел. Не хотела бы я выглядеть так, как она в тот момент. С исчезновением Эссекса жизнь ее превратилась в сплошную скуку. Сесил слишком осторожен, Беркли стар и благоразумен. Она столкнулась с таким же одиночеством, какое переживала все эти месяцы я. И вдруг появляешься ты. Когда она протянула к тебе руки и выкрикнула твое имя, я готова была убить ее.

— Ты позавидовала ей? Зачем? Любимая, я отдаю тебе все, все, что имеет цену, что никогда не достанется ей. Бедная королева так одинока.

— Полагаю, что это действительно так. Но что ты за странный человек, Уолтер. Я смотрю на нее и вижу тирана, ненасытную властительницу рабов. Ты же видишь в ней одинокую женщину, которую следует жалеть, а не бояться и ненавидеть. Для тебя нет ничего простого.

— Есть одна простая вещь — мне уже пора бежать.

Он снова заключил ее в свои объятия и покрывал поцелуями со всей своей страстью, которую должен

будет тщательно скрывать, как только покинет эту комнату: завтра, когда они встретятся в присутствии королевы, никто ничего не должен заметить.

Проходили месяц за месяцем. Ночные часы приносили тайные наслаждения; дни — новые свидетельства благорасположения королевы. Спенсер получил пособие — пятьдесят фунтов в год.

Но надо всем этим повисла легкая пелена, похожая на ту, которая возникает в природе в золотые дни осени, когда лето встречается с зимой и отступает, уходит постепенно, пытаясь обмануть себя, одевая в яркие одежды папоротники, буки и рябины, но, однажды пробудившись, обнаруживает, что первый мороз превратил эти яркие одеяния в погребальный саван.

Как-то вечером он поздно покинул королеву. На нее напало воинственное настроение. В десятый раз она, сама себя взвинчивая до полного неистовства, рассказывала ему о смерти Гренвилля. С горящими глазами, глядевшими на Ралея из-под рыжего парика, она пересказывала ему историю, которую он уже знал наизусть. Как Гренвилль доложил о том, что тысяча испанцев сдалась его флагманскому кораблю, хотя у него были начисто срублены все мачты, пушки и даже палубы искрошены. Как он три дня лежал смертельно раненный и, кончаясь, потребовал вина, выпил и, раздавив зубами стакан, проглотил и его, тем самым продемонстрировав, из какого материала сделаны англичане.

— ...и теперь, когда я направлю туда экспедицию, ты возглавишь ее,— закончив повествование, добавила она.— В моем окружении нет другого человека, способного последовать подобному примеру.

— Умереть на борту моего флагмана с животом, полным стеклянных осколков?

Королева содрогнулась.

— Я не это имела в виду. Гренвилль был отрезан от всех, но в таком безвыходном положении сделал все, что было в его силах,— то же сделаешь и ты, Уолтер, несмотря на все твои ухмылки. Но ты должен взять с собой крупные силы и не подвергать себя риску.

Было уже поздно, и сонные фрейлины в ожидании часа, когда можно будет приступить к раздеванию королевы, ерзали и зевали в приемной. Но когда Ралей поднялся и направился к дверям, королева позвала его обратно.

— У меня есть кое-что для тебя, Уолтер.

Он подавил зевок и вернулся к ней.

Лукаво глядя на него, она спросила:

— Что ты думаешь о Шерборне?

— О Шерборне?

— Меня давно и сильно занимало это поместье в Дорсете. Теперь наконец у меня в руках право на аренду его, на девяносто лет. Даю его тебе.

— Вы слишком добры ко мне. Как мне благодарить вас?

— Я, помнится, глумилась над твоим желанием долго жить. Вот теперь я обеспечила тебе жизнь до глубокой старости.

С выражением искренней любви она улыбнулась ему. Ее упоминание о словах, брошенных ему в лицо

в пылу гнева, звучало трогательно, как воспоминание о ничтожном событии, послужившем причиной ссоры двух любовников, когда они помирились и смеются над ним. Это был королевский жест, о котором бедный Беркли или Уолсингем могли только мечтать после своего пожизненного пребывания на службе королеве. Стоя перед ней на коленях, Ралей решил, что экспедиция, в которую она обещала послать его, завершится успехом. Он ее не подведет.

Было уже поздно, Лиз наверняка уже не ждала его. Но Уолтер испытывал желание поделиться с ней доброй новостью. Он мечтал доказать ей, что характеру королевы присущи и доброта, и щедрость. Покинув дворец, он осторожно обогнул парк и присел, разглядывая окно Лиз. По тому, что в нем горел свет, он узнавал, вернулась ли она с процедуры раздевания королевы. И когда в нем и в других окнах гас свет, это означало, что можно забраться на балкон и войти к ней в комнату. Тихо сидя в полной темноте, он вдруг обнаружил, что клюет носом, засыпая, и, испугавшись, что промокнет, встряхнулся и увидел, что во всех окнах, кроме последнего из выходящих на балкон, свет погашен. Уолтер ждал еще довольно долго из боязни, что Лиз вернулась к себе первой, но свет в других окнах так и не появился, так что он в конце концов, подобно кошке, взобрался на балкон и на цыпочках подкрался к ее окну. И тут Ралей услышал скрип плохо отточенного гусяного пера, яростно водимого по бумаге. Это остановило его. Кому это Лиз пишет, Лиз, которая сподобилась послать ему всего каких-то три слова без подписи на клочке бумаги? Он отошел немного

в сторону и заглянул в комнату через щель в занавесках. Она сидела за столом, и колеблющийся от сквознячка свет свечей падал на лист бумаги, роняя тень на ее щеки, казавшиеся от этого более впалыми. Ее тяжелая коса была переброшена через плечо. Левой рукой она подпирала голову, а правой царапала по листу своим скрипучим пером. Ралей стоял и смотрел на нее какое-то время, потом тихо позвал:

— Лиз! — Это не должно было испугать ее, потому что так называл ее только он, а она должна была привыкнуть к его неожиданным ночным появлениям.

Тем не менее девушка вскочила при звуке его голоса, и перо упало на пол, она схватилась руками за стол, как бы стараясь загородить собой лист бумаги от его глаз, и оставалась в этом положении, уставившись в окно.

Ралей переступил через подоконник, привычно задернул за собой занавески и открыл ей свои объятия. Лиз нехотя отступила от стола и подошла к нему. Он заметил, что впалость ее щек объяснялась не падавшей на них тенью, а тем, что у нее действительно осунулось лицо, так изменилось, будто ей пришлось пережить какие-то серьезные потрясения.

— Что с тобою, любимая? Кому ты пишешь?

— Никому, просто пишу,— сказала она и попыталась увлечь его подальше от стола, к своей кровати.

— Но ты так бледна! Уж не заболела ли?

— Я не ожидала увидеть тебя. И мне вдруг показалось, что это не ты, а призрак.

— Тебе так же не следует опасаться моего привидения, как бояться меня самого. Что-то, по-види-

мому, так расстроило тебя, что ты, вместо того чтобы лечь в постель, так поздно принялась писать кому-то. И для чего этот наполовину упакованный саквояж? Уж не собираетесь ли вы поехать в Хэмптон?

Поездка в Хэмптон всегда означала для них прекращение ночных свиданий и даже поздних встреч в парке, потому что там Лиз делила комнату с Агнесой Лоули.

— О нет,— сказала Лиз.— Я просто хотела кое-что достать из него.

Она так странно вела себя, настойчиво удерживая его на краю кровати, что Уолтер был убежден: Лиз лжет ему.

— Ты что-то прячешь от меня,— сказал он. И внезапно появившийся испуг в ее глазах окончательно убедил его в этом.— Я хочу посмотреть твое письмо.

— Уолтер, пожалуйста, не надо. Ты увидишь его завтра. Оно адресовано тебе. Коротенькое, глупое письмо, чтобы сказать тебе... сказать... что я люблю тебя.

Он оттолкнул ее руку. Чтобы Лиз с ее настороженностью писала всякую ерунду — чепуха это.

Она тут же вскочила.

— Ну прошу тебя, Уолтер. Умоляю, не делай этого. Я не вынесу, если ты станешь читать это при мне.

— В нем не говорится о том, что ты устала от всего этого?

Она молчала, и Ралей решил, что попал в точку. Первое, что пришло ему в голову, это упрек в свой адрес. Конечно, Лиз не могла не устать от всего этого. Как и любая другая женщина на ее месте. Для него она никогда не была на первом плане. Королева,

колония в Виргинии, его карьера — вот что было для него самым главным. Он отошел от стола, не тронув бумагу, и увлек ее за собой, посадив рядом на кровать. Решение, которое Ралей только что принял, заставило горячо забиться его сердце. Ощущение было похоже на то, которое испытывает человек, стоящий на вершине скалы и собирающийся спрыгнуть с нее, не зная ее высоты.

— Лиз,— сказал он,— я все обдумал. Лучше я буду жить с тобой без всякого благоволения королевы и, если понадобится, в нужде и забвении. Милая, выходи за меня замуж и давай кончать со всеми этими расставаниями?

Ну вот, главное сказано. Он смотрел на нее, готовый к ее протесту, удивлению, но никак не к этому побелевшему, окаменевшему лицу, которое в ответ обернулось к нему. В какое-то мгновение Ралей был потрясен мыслью, что опоздал, что она уже тайно вышла за кого-то другого. Едва шевеля губами, она спросила:

— Что заставляет тебя именно сегодня просить меня об этом?

— Тебе нужны объяснения? Не предлагал ли я тебе то же самое перед отъездом в Ирландию?

— Ты никогда не говорил о женитьбе. Или о том, чтобы бросить вызов самой королеве. И я отвечала тебе отказом. Ты бы не стал повторять свое предложение так скоро, пока ничто не изменилось. Если бы ты не догадался. Боже, но если догадался ты, почему бы не догадаться и всем другим?

— Постой, ты о чем?

Он представления не имел, о чем она говорила, но был достаточно умен и опытен в этих делах, чтобы

добраться до правды прежде, чем стал задавать ей неуместные вопросы.

Лиз вздернула подбородок, теперь она уже не выглядела убитой, выражение упрямой решимости сменило горечь.

— Пусть так, но и в этом случае я не выйду за тебя замуж. Мало ли на свете незаконнорожденных детей, и это не самое худшее. Ты не можешь бросить все из-за того, что так не вовремя появился этот ребенок.

Значит, так оно и есть. Теперь, когда он точно знал причину, он сказал:

— У меня и в мыслях этого не было. Когда я предлагал тебе замужество, я ничего не знал о ребенке.

— Ты сказал, что догадался.

— Вовсе нет. Вспомни, я сказал: «Постой, ты о чем?» Я надеялся снять таким образом налет таинственности, и, слава Богу, он снят.

От злости глаза ее наполнились слезами, и отдельные капельки повисли на ресницах.

— Ты слишком умен для меня, — заявила она, — но всего твоего ума не хватит для того, чтобы заставить меня выйти за тебя замуж. И по собственной воле я никогда этого не сделаю.

— Очень хорошо. Я, наверное, и не могу заставить тебя, хотя подобные вещи случались, зато я завтра утром пойду прямо к королеве и скажу ей, что ее фрейлина, девица Трогмортон, больше не девица и укажу на себя как на соблазнителя. Можно себе представить, какой переполох поднимется. А каков будет твой братец Артур, можешь представить?

— Ты не посмеешь.

— Разве? Ты меня еще плохо знаешь. Послушай, Лиз, прежде чем я покину сегодня эту комнату, ты

торжественно пообещаешь выйти за меня замуж, при первой возможности, тайно. Дождемся, пока закончится мой поход против Испании. Это не будет слишком поздно? — Он дождался ее согласного кивка. — Когда я вернусь, мое влияние на королеву будет таким сильным, что целый султанский гарем не сможет помешать мне. И в конце-то концов, она почти простила Эссекса.

— А я лучше уж поеду домой. Я бы уехала завтра, если бы ты сегодня не пришел ко мне.

— И ты обещаешь любить меня.

— Я люблю тебя, поэтому и не хочу твоей гибели.

— Я сам себя погублю завтра. Если сегодня не получу от тебя обещания.

— Но тогда и ты пообещай мне одну вещь.

— Что же это?

— Никогда не признаваться ей и никому другому тоже, если это грозит нам Тауэром. Я могу выдержать изгнание, если ты навлечешь его на себя, но заточение — никогда.

— Даю тебе слово, что сделаю все, чтобы не допустить этого.

— «Чтобы не допустить этого!» Ах, Уолтер, достаточно одного дуновения ее гнева, чтобы сделать из тебя соломинку на ветру. О, эти женщины, которые не знают, что такое любовь, но имеют власть на то, чтобы не дать возможность другим наслаждаться ею. Хорошо Беркли — он может сказать своему сыну: «Бойся стать похожим на Ралея». Я была бы рада, если бы ты был простым пастухом.

— Любая привилегия имеет себе цену, драгоценная моя. Если бы этот простой пастух посмел поднять взор на тебя, он лишился бы своих ушей. Как

говорится в новом молитвеннике, нам надлежит строго придерживаться «стеzi, предназначенной нам Богом». Ну а пока мы обменялись обещаниями — я своим, ты своим. И надеюсь, малыш простит тебе попытку сделать его внебрачным ребенком.

— У тебя есть священник, которому ты полностью сможешь довериться?

Лиз уже переключилась на практическую сторону проблемы.

— Четыре или пять, рассчитывающих на мою поддержку в продвижении по службе. Да не мучай ты себя больше! Пожелай мне лучше попутного ветра и зрелища разбитых испанских кораблей. А теперь — спокойной ночи. Ты заметила, что мы целый час провели вместе без единой ласки?

— Пусть лучше мы лишим себя этого сейчас, чем потом. Я вот думаю, сколько раз ты пожалел о том, что не отправился прямо к себе сегодня.

— Черт возьми! — воскликнул Ралей, проигнорировав ее колкость. — Ты мне напомнила, ради чего я пришел сегодня к тебе. Она подарила мне Шерборн.

— Шерборн? — удивилась Лиз, как удивился сам Ралей несколько часов назад.

— Это поместье в Дорсете. Полагаю, весьма милое. Чудное место для малыша. Я с удовольствием стану отцом, дорогая.

— Тебе достанется это право довольно дорогой ценой, — сухо заметила Лиз.

Он совсем немного приподнял занавески, не двигая их, и перенес свою длинную ногу через подоконник и затем, помахав ей рукой, исчез в ночи. Лиз осторожно порвала письмо на куски и сожгла их один за другим в пламени свечи. Затем она разобрала свой саквояж, легла спать и увидела во сне, будто

королева подошла к ней с вопящим ребенком на руках и сказала: «Возьми его, я украла его у тебя, но он по праву принадлежит тебе». Лиз оттолкнула от себя ребенка и закричала: «Он мне не нужен! Он — ваша копия. Заберите его от меня!»

Она проснулась и увидела склонившуюся над ней Агнессу в белой ночной рубашке.

— Простите, мне пришлось прийти к вам,— извиняющимся тоном проговорила девушка: было известно, что Лиз не любит, когда к ней заходят даже с самыми благими намерениями.— Вы так кричали. А до этого вы долго разговаривали сама с собой.

Лиз поняла, что от возбуждения они с Уолтером совсем забыли о всегда присущей им осторожности.

— Мне снились такие ужасные вещи. Очень мило, что вы зашли ко мне, Агнесса.

И у нее возникло теплое чувство к своей ничего не подозревающей соседке.

— Все этот противный картофель, который наделал столько шума при дворе,— сказала Агнесса.— Тут всякому привидятся кошмары. Я называю его сви-нячьей едой, но если Ралей начнет есть желуди, нам тогда тоже придется потреблять их, скорее всего.

Лиз засмеялась, и леди Лоули подумала, что не такой уж она сухарь.

Глава двенадцатая **ТАУЭР. 1592 ГОД**

По секрету и в спешке ему удалось все же еще раз попрощаться с Лиз. Покидая королеву, он дрожал от страха, что она вдруг снова изменит свое решение, как это не раз бывало, и поторопился в

Грейвзэнд. Ему было сорок лет; почти на каждом этапе своей жизни на его долю выпадали разочарования, и тем не менее в этот ясный майский день он был полон надежд — впрочем, так бывало всегда. Снова, как это было с поэмой Спенсера и с женитьбой Эссекса, фортуна была на его стороне. Один сокрушительный рейд на богатый испанский город — и Лиз будет принадлежать ему. Обретя новый шанс на успех, он забыл о своих предыдущих поражениях, обо всех препонах, о которые разбивались его чаяния. Он проверил каждый канат, каждый бочонок и ранним утром шестого мая двинулся вниз по реке на морские просторы.

Впервые ему довелось командовать целым флотом. Когда были подняты белые паруса и «Роубак», его корабль, вклад в королевский флот, закачался на морских волнах, старые мечты о Виргинии немного потревожили его сердце. Но он быстро отбросил их. Что такое быть сорокалетним мужчиной? Это означало только одно: хватит совершать ошибки, пора приступить к настоящему делу; и для человека с его способностями и его возраста может ли быть залог надежнее, чем сама королева? Но при воспоминании о ней он нахмурился: уже с марта она все сомневалась, отправлять ли экспедицию или нет, и в конце концов, когда благоприятное время для похода в Панаму прошло, она разрешила поход. Оставалась одна надежда: встретить грузовые суда на их обратном пути в Испанию.

Уже на беспокойных водах Канала «Роубак», будто оправдывая свое имя, с легкостью танцевал и прыгал на волнах, и Ралей почувствовал давно знакомую ему тошноту и слабость в желудке. Он заставил

себя осуществить последний разворот флота, убедился, что все прекрасно держат дистанцию, и спустился в свою каюту. В ней находились его книги и неуклюжий идол, подаренный ему Дрейком в память о совместной шести- или семилетней давности службе в Морском департаменте. Рядом с ним стояла синяя ваза с примулами, которые он купил у мальчишки на пристани рано утром. Это была его последняя покупка для флота, и узнай Дрейк, или Фробишер, или Гренвилль об этой вазе с бледными цветочками, они бы сказали: вот еще одно доказательство его чудаковатости.

Со вздохом удовлетворения он оглядел все свои сокровища и бросился в койку. В течение нескольких часов ему было очень плохо, и только к утру от полного изнеможения он погрузился в тяжелый сон. В его кошмарах Артур Трогмортон преследовал его. Брат Лиз был взбешен, но не говорил почему. Он стоял над ним с дубинкой в руке — с подобными дубинками ирландцы ходят по дороге из Бэлли-ин-Хаш в Корк,— и говорил: «Ты еще поплатишься за это. Бойся быть Ралеем. Ты еще поплатишься». Он изо всех сил старался выкарабкаться из глубин ужасного сна и защитить себя и наконец сумел раскрыть глаза. Возле койки стоял матрос.

— Какое-то судно пытается догнать нас, сэр. Прикажете остановиться?

— Да, я сейчас поднимусь на палубу.

Он довольно уверенно встал на ноги, но, когда «Роубак» развернулся и сбросил скорость и вся мощь морских волн обрушилась на него, его снова стало рвать, и только хватаясь руками за мебель, ему удалось добраться до палубы и совершить торопливый

и далеко не полный туалет. Он еще был наверху у сходного трапа, повиснув на канате, чтобы его не смыло в море, когда появился огромный человек в сопровождении матроса.

— Сэр Мартин Фробишер направляется к нам на корабль, сэр,— сказал матрос.

Ралей поднял на Фробишера свои покрасневшие от недомогания глаза и кивнул ему; тот уверенной ногой ступил на ступени трапа, легко взбежал на палубу и взял Ралея под руку. И таким манером они отправились в капитанскую каюту.

— Вам совсем плохо,— сочувственно сказал Фробишер своим грубым голосом.

— Не больше, чем обычно. Я всегда так — час-другой меня сначала рвет. Но вот день пройдет, и я оклемаюсь. Что привело вас сюда?

— Приказ королевы. Теперь я буду командовать экспедицией, вы же должны немедленно вернуться в Хэмптон.

— Ради всего святого, что случилось?

— Она ничего не сказала. Вчера за час до полудня она послала за мной, вручила мне свои приказания и велела поторопиться. Вот и все. Могу признаться, что мне стоило дьявольски большого труда нагнать вас. Однако вы выглядите так, что вам явно лучше будет на суше, чем в море.

— Я же сказал вам — это обычное дело для меня, и я не собираюсь возвращаться на берег.

— Как не собираетесь? Вам же приказано.

— Возможно. Но мне также было приказано идти вперед, пока я не увижу испанские корабли и не захвачу их. И я буду придерживаться этих приказов.

— Но говорю же вам...

— Не затрудняйте себя, Фробишер. Я остаюсь здесь, по крайней мере до тех пор, пока не решу, что пришло время повернуть назад.

— А что прикажете делать мне?

— Что хотите. Если вы считаете, что приказание королевы не лишают вас права присоединиться к нам, мы будем рады вашей компании.

— Мне было приказано принять на себя командование этой экспедицией.

— Аналогичные приказания получил и я, только раньше вас. Когда я решу повернуть назад, вы сможете стать главнокомандующим. Вероятно, повысившись в ранге, вы будете так добры, что доведете это до моего сведения. А теперь — вперед! Поднять все паруса! Благодарю вас. Скоро увидимся.

Когда Фробишер отошел, Ралей отвернулся и почувствовал себя хуже, чем когда-либо раньше. Явно, что-то там было неладно, и, как всякий любящий человек, он мог думать только о том, что что-то неладное случилось с Лиз. Он не подумал, что она больна, потому что в таком случае королева никогда не позвала бы его. Ей доставило бы удовольствие сознание того, что пока где-то далеко он служит королеве, женщина, которую он обожает, болеет или даже умерла. Их тайна раскрыта — вот в чем была причина неожиданных передраг. И теперь, чтобы покрыть их преступление, не оставалось ничего другого, кроме как вернуться к ней с несметными богатствами.

Так что «Роубак» продолжал следовать в авангарде флота, а кипящий от нетерпения Фробишер замыкал кильватер. Четыре дня они плыли все вперед, пока ночью среди темного моря перед ними не вырос огромный мыс Финистерре.

Два бесконечных дня они болтались в виду берега, но не появилось ни одного испанского паруса. Тогда Ралей послал за Фробишером.

— У нас есть всего лишь еще один шанс, — сказал он, — разделим флот пополам, одна половина его останется здесь, а другая пойдет к Азорским островам — таким образом мы, может быть, столкнемся с испанцами.

— Черт побери, я тоже так думаю. Если вы явитесь к королеве с пустыми руками, особенно после того, что ослушались ее приказа, вам несдобровать, сэр Уолтер.

— Кому лучше знать это, чем мне? — сказал Ралей, и они продолжали обсуждать, какие корабли направить к Азорам, а каким лучше остаться здесь.

Но все было напрасно. Корабли вернулись от Азорских островов ни с чем: они не повстречали там ничего более грозного, нежели рыбацкие суденышки. А к этому времени Ралей извел себя окончательно тревогой за Лиз и уже всей душой хотел вернуться. Он перенес свои книги, одежду и нелепого Будду на корабль Фробишера, проводил глазами мощную фигуру моряка, поднимавшегося в качестве командующего флотом на борт «Роубака», пожелал ему удачи и отплыл — все это холодно и спокойно, пробудив тем самым невольное восхищение Фробишера.

Единственный раз, когда уже приказ идти к Грейвзенду был отдан, в нем родились сомнения. Его новый корабль, хотя и был меньше и не так приспособлен к морским плаваниям, как «Роубак», был достаточно надежным. Почему бы не стать пиратом? Почему бы

ему не пойти на Запад и не провести годы — если понадобится, — соревнуясь с Дрейком в его прежних предприятиях? Зачем смиренно возвращаться туда, где его ждут неведомые неприятности, во много раз умноженные еще его неповиновением королевскому приказу. Нет, это не годилось. Где-то в Англии его ждала Лиз, ждала, чтобы он исполнил свое обещание никогда, если только это в его силах, не расставаться с ней. А Елизавета была способна излить всю свою злобу на беззащитную голову Лиз.

От мыса Финистерре он плыл назад по фарватеру с пустыми руками и с тяжелым сердцем.

Прибыв в Лондон, Ралей задержался только для того, чтобы помыться, переодеться и надушиться перед тем, как явиться пред ясны очи Елизаветы в Хэмптоне, куда она, вероятно, сбежала из-за теплой погоды. Прием был абсолютно формальным, что еще больше усилило его подавленность и не предвещало ничего хорошего. Он едва успел выразить свое уважение и доложить о провале своей миссии, как королева, которая просто не слушала его, обернулась к прислужнице и сказала:

— Пригласите сюда сэра Артура Трогмортонна.

Брат Лиз явился из приемной, и, хотя у него в руке не было дубинки, вид у него был достаточно грозный.

— Сэр Уолтер, — сурово произнесла королева, — этот человек клянется, что вы изнасиловали его сестру. Что, по прошествии столь долгого времени, вы имеете сказать?

— Просто...

— Только без вранья. У него есть свидетель. И хотя сама девица нема как могила, и так достаточно ясно, что хотя бы часть ее истории имеет под собой почву.

Уж не хотела ли королева в этой экстремальной обстановке, пребывая в холодном бешенстве, которое пострашнее ее вспышек гнева, уберечь его от позора прослыть лжецом в глазах всех здесь собравшихся?

— Просто я хотел сказать, что он лжет. Елизавета Трогмортон — моя жена.

Все, кто мог наблюдать за королевой, видели, как отхлынула вся кровь с ее лица и румяна яркими пятнами обозначились на щеках, отчего ее подбородок, нос и лоб сделались белыми, как кость. Это было лицо женщины, получившей смертельный удар, хотя она и пыталась не выдать себя.

— У вас есть доказательства? — сказала она наконец, и ее голос не дрогнул. Она не могла контролировать бледность своего лица, но королева долго и упорно тренировалась, чтобы голос всегда был послушен ей.

— Сколько угодно, — ответил Ралей.

Королева подозвала к себе одну из фрейлин — все они отошли на некоторое расстояние от нее, но не настолько далеко, чтобы не слышать происходящее. Никто не мог сказать наверняка, когда королеве взбредет вдруг в голову впасть в истерику и пинками отогнать от себя тех, кто окажется у нее под рукой.

— Кузен сэра Уолтера ожидает внизу, приведите его сюда, и быстро!

В зале все хранили молчание, пока в дверях не появился Джордж Кэрю в сопровождении взволно-

ванной женщины. Все отчетливо слышали тяжелое дыхание королевы.

У Елизаветы не было времени на Джорджа Кэрю, хотя в кои-то веки он понадобился ей. Она коротко приказала:

— Отдаю в ваши руки этого человека. Возьмите двух стражников и препроводите его в Тауэр. Поместите и содержите его в Кирпичной башне, пока не поступит новых распоряжений; вы отвечаете за него своей головой.

Ралей поклонился ей, повернулся, чтобы идти, но засомневался и снова повернулся к ней.

— Умоляю, уделите мне частичку вашего милосердия, скажите, где она?

— В таком же надежном убежище, но не в Тауэре, — произнесла королева и отвернулась от него.

Первые июньские цветы украшали сады Хэмптона и берега реки. Среди полян стояли бело-розовые кусты боярышника, служившие убежищем для кукушек, которые, всюю голося, носились в пространстве между зеленой землей и голубыми небесами, когда Ралей обратился лицом к Тауэру. Последние слова королевы означали, что Лиз находится под стражей. Ее заключили в тюрьму в таком месте, которое подобрала для нее ревнивая женщина как раз в то время, когда Лиз особенно нуждалась в свежем воздухе, в том, чтобы ее окружали друзья, чтобы рядом с ней находился ее муж. Он застонал про себя — такое вот испытание уготовила им их любовь. И он оказался так плохо подготовлен к этой катастрофе.

Кэрю, который был главным смотрителем Тауэра, мог бы сказать ему, — потому что, конечно, знал это, — что с каждым своим шагом Ралей приближается если не к ней, то хотя бы к месту, где она находится. Но, как это частенько бывает, кузены недолго любили друг друга, поэтому лучшего надзирателя для Лиз трудно было бы найти. Кэрю не захотел говорить ему ничего. И когда он проходил в ворота Тауэра, ничто не подсказало ему, что Лиз была заключена в одном из крыльев замка в Северном бастионе. Бастион был виден из окна той комнаты, куда его поместили, он загораживал ему вид наружу, и Ралей возненавидел его. Несомненно, и Лиз, глядя в свое узкое окно, видела Кирпичную башню и тоже ненавидела ее, но по другой причине.

Уолтер пытался угадать, когда наступит час родов для Лиз. Он вернулся из изгнания в январе. У нее появилась уверенность — если бы она не была уверена, она не стала бы писать ему, — в начале апреля. Прошел май; сейчас начало июня. Освободится ли он через четыре или пять месяцев? Выйдет он из тюрьмы уже, естественно, не фаворитом, но зато свободным человеком, имеющим право и силы отыскать свою жену. Как долго еще продлится гнев Глорианы? Ралей очень быстро сообразил, что иного пути отсюда, кроме как по воле королевы, не будет. Кэрю хотя бы сказал ему о том, что распоряжения о заключении его в тюрьму не было; не было выдвинуто никаких обвинений против него, иначе его бы вызвали на допрос, где он смог бы оправдаться. Ничто, кроме недовольства королевы, не являлось причиной его заключения в это место, и ничто, кроме ее прощения, не сможет вернуть ему свободу.

Кончился один из самых длинных дней его жизни. С каждым вечером время, которое солнечный свет оставался еще на стенах Северного бастиона, становилось короче; с каждым утром все позднее луч солнца забирался на его постель и пробуждал его ото сна. Кончился август, и пришел наконец день, когда, выглянув из окна, он впервые увидел затмившую его взор пелену утреннего осеннего тумана. Это потрясло его. Ралей убедил себя, что это ему показалось. Лето еще не прошло. Как первая ласточка не делает весны, так и первый туман не делает осени. Но Уолтер был потрясен: он уже достиг того возраста, когда первое слабое напоминание о приближающемся окончании года наводило на него тоску по прежним временам, будило воспоминания о том, как все они канули в забвение зимы. К тому же он был поэт, и поэтому все первое в природе — первый снег, первые розы, расцветшие на диких кустах вдоль дороги, первый осенний туман или первые зимние заморозки — все это всегда пробуждало в нем тревогу: голоса многих умерших, кто когда-то наблюдал и любил все это, теперь уже не звучали больше.

За все время своего заключения он ни разу не написал Лиз и в письмах своих не упоминал ее имени. Любое напоминание о ней только подлило бы масла в огонь королевской ярости. К тому же Ралей не мог рассчитывать на то, что адресованное Лиз письмо дойдет до нее без перлюстрации. Эти его меры предосторожности говорили о том, что он еще не потерял надежды.

Ралей написал немало слезных просьб, в которых в доступных ему выражениях немилосердно льстил королеве. Когда она как-то собралась в поездку по

стране, он написал ей: «Никогда не был я так глубоко повержен, как сегодня, когда узнал, что королева отбывает в столь дальнее путешествие, королева, которую я сопровождал всюду на протяжении столь долгих лет со всей моей любовью и вожделением, а теперь брошенный во тьме тюремной камеры совсем один...»

Что побудило ее оставить незамеченными слова «с любовью и вожделением», написанные человеком, которого она засадила в тюрьму за его любовь к другой, — тщеславие? Во всяком случае, ничто не говорило о том, что она прочитала их или вообще получила от него хоть какие-то послания.

Наступил день, когда стало известно, что королева отправляется на своей галере в плавание по реке. Ралей бросился к своему кузену с мольбой позволить ему, хотя бы под маской, выйти на реку только для того, чтобы взглянуть на эту красоту, от которой он был оторван на такое долгое время. Кэрю возражал — он, мол, не смеет этого делать. Тогда Ралей в отчаянье и решимости выхватил свой кинжал и с его помощью пытался уговорить Джорджа выполнить его просьбу. Все это было глупо, и кому, как не Ралею, было знать это? Но в рапорте Кэрю все это выглядело довольно занятно, особенно его собственное добавление о том, что он боится, как бы его подопечный не сошел с ума, если королева будет по-прежнему гневаться на него.

Однако Елизавета была в одинаковой мере нечувствительна как к лести, так и к драматическим жестам. Она вернула свою благосклонность Эссексу. Его пре-

ступление мало чем отличалось от преступления Ралея, но он был моложе. В этом было главное различие. Эссекс мог в порыве юношеской страсти надевать глупостей, оставаясь при этом в глубине души верным ей — как он сам и объяснял свой поступок. Ралею исполнилось сорок, он был достаточно взрослым человеком, чтобы устоять против ясных глаз и натуральных кудрей, если бы его чувства к ней были достаточно сильными. Его роман — который она могла бы еще простить — и его женитьба — которую простить она никак не могла — оскорбили ее до глубины души, потому что она никогда не испытывала в отношении него материнских чувств. Он был почти что сверстником ее и посмел пренебречь ею. Так что, когда она послала сказать Кэрю, чтобы он освободил пленника, не из какого-то чувства к нему она это сделала — хотя и с обидой, — а из чисто меркантильных соображений.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава тринадцатая

ДАРТМУТ. СЕНТЯБРЬ 1592 ГОДА

С грузом павлинов и обезьян
И слоновою костью, сандалом,
Кедрами, сладостями и белым вином...

На протяжении всего пути по обочинам дороги дрок пламенел своими листьями, и зеленый кустарник был украшен красными ягодами шиповника и боярышника. Ребятишки, погрузившиеся в заросли ежевики с руками и ртами, вымазанными пунцовым соком ягод, выглянули на дорогу при звуке топота копыт и усталились на двух проезжавших мимо них всадников. Один из всадников был чудесно одет, и его плащ цвета ежевикowego сока развеялся у него за спиной, обнаруживая при этом серебристо-серую подкладку. Он то и дело улыбался на скаку, и дети,

которые видели его, восхищенные его пышным нарядом и веселостью, махали ему вслед своими грязными ручонками. Он махал им в ответ, и солнце играло на разноцветных украшениях его перчаток. Его спутник не улыбался и не махал рукой, он продолжал невозмутимо свой путь и хмуро смотрел на мир.

Уже ранним утром в тот день, когда он зашел в Тауэр к Ралею, то с угрюмым видом произнес:

— Королева приказала вам приготовиться к поездке в Дартмут со мной. У нее там есть дело для вас; но вы по-прежнему остаетесь арестантом и должны относиться ко мне как к вашему стражнику.

— Как скажете, Блаунт,— с улыбкой ответил Ралей.— Какое же дело ждет меня?

— Это мы вскоре узнаем. Лошади готовы.

— И я сейчас буду готов, вот только переоденусь. Мне совсем не хотелось бы навлечь позор на своего стражника.

Блаунт, одетый нарочито просто и заурядно, нахмурился и с нетерпением поглядывал, как Ралей надевает на себя свой самый нарядный камзол, накрахмаленные брыжи и свои лучшие, из русской кожи сапоги для верховой езды. Нетерпение Блаунта было напрасным: Ралей так рвался в путь, что у него руки дрожали, и не прошло и десяти минут, как он весело накинул себе на плечи свой пурпурно-серебряный плащ, что для наблюдателя сей процедуры представлялось прямым оскорблением в его адрес, и сказал:

— Ну вот я и готов.

И теперь он мчался в Дартмут на какое-то задание, для выполнения которого среди всех своих слуг королева не нашла никого лучше, чем он; и скакал

по широкой дороге, вдыхая воздух свободы. Как же было не улыбаться и не махать рукой.

Запах дыма делал воздух терпким и возбуждал кровь. Стайки птичек, собираясь в дальний перелет на юг, щебетали на крышах сараев и на стогах. Он улыбался и им. Они ведь были путешественницами, они были свободны. Ралей вдруг почувствовал жалость к птицам, посаженным в клетку. Их вид теперь уже никогда не оставит его равнодушным.

День превратился постепенно в теплое золото, потом потускнел до виноградно-цикламеновых тонов сумерек, и в ближайшем городе они решили остановиться и подыскивали гостиницу. Тут кто-то узнал это узкое лицо, на котором так сильно выделялась черная бородка на фоне все еще покрывавшей его тюремной бледности. А уж тогда, как ни старался Блаунт поддержать свой статус стражника, сделать это стало невозможно. В дверях и в окнах маленькой лавочки столпились люди, только бы взглянуть на знаменитого человека. Ралей с удовольствием переживал подаренный ему таким образом короткий миг былой популярности. Он был человеком, женившимся на своей возлюбленной вопреки воле самой королевы. Рослые горожане взирали на него с восхищением; краснолицые женщины заглядывали в окно, страстно желая увидеть его. Кто-то счел момент подходящим и помчался к дому мэра, чтобы сообщить ему, что выдающаяся личность остановилась в гостинице «Одинокый бык». Мэр в это время сидел дома в домашних тапочках с кружкой в руке. Он просипел пришедшему: «Тс-с!», — чтобы тот замолчал, потому что жена находилась в

соседней комнате, а она всегда ввязывалась во все государственные дела. Выходя, он предупредил ее:

— Я тут по делу выйду на минутку, любимая,— и поднялся на цыпочках наверх за своей цепью и шляпой. Он надел их уже на улице, завязал шнурки на ботинках, застегнул пуговицы у себя на камзоле и поспешил со своим осведомителем, буквально наступавшим ему на пятки, к гостинице «Одинокый бык». Хозяин рассыпался перед ним в приветствиях и указал на дверь комнаты, где сэр Ралей вкушал свой ужин. К негодованию Блаунта, Ралей приказал зажечь свечи и не запахивать занавески, чтобы все граждане Тенмора, кому это нравится, могли видеть, как питается великий человек. Те, кто находился поближе к окну, получили дополнительное удовольствие от лицезрения того, как мэр с его блистающей золотом цепью, в камзоле с неправильно застегнутыми пуговицами украдкой заглянул в дверь и затем с трудом протиснул в нее свой кругленький животик. Он торопливо поклонился несколько раз и сказал (к сожалению, граждане города не могли слышать этого):

— Ваш покорный слуга, сэр Уолтер, ваш покорный слуга. Я мэр. Я пришел приветствовать вас, сэр Уолтер, примите наши горячие приветствия от всех граждан нашего древнего города.

— Очень мило с вашей стороны, ваша милость,— ответил Ралей, с улыбкой разглядывая комичную фигуру мэра.— Очень мило. Не присядете ли, не выпьете ли с нами вина? Мой... друг и я, мы ужи-наем.

На столе для мэра не оказалось кубка, но прежде чем Ралей успел распорядиться, сам «его милость»

подошел к двери и прокричал распоряжение. И когда оно было выполнено и вино разлили по бокалам, главный гражданин города Тенмора устроился у окна на виду у всех так, чтобы те, кто был ниже его по положению, могли наблюдать, как он свободно общается с великими мира сего. Тогда они, может быть, поймут, что их мэр не простой человек, а это, в свою очередь, подвигнет твердолобый городской совет провести в жизнь его решение о запрете мусорной свалки на Кук-стрит. Он потягивал свое винцо, привставая и расплываясь в улыбке при каждом взгляде Ралея на него.

Сэр Уолтер, хотя и чувствовал усталость после славного, но тяжелого дня скачки на свежем деревенском воздухе, был доволен оказанным ему приемом в «Одиноким быке», восхищен ужином и всем на свете, а потому осыпал гостя любезностями, и маленький толстяк был вне себя от полученного удовольствия.

— Когда бы мы знали, сэр Уолтер, когда бы мы только знали, мы оказали бы вам достойный прием и предложили бы мой небогатый, но гостеприимный дом к вашим услугам. А как обрадовалась бы моя жена, как бы она обрадовалась!

— Я тоже бы обрадовался.

О, если бы при этом присутствовали Эдмунд, или Уилл, или Лиз: любой из них, перехватив его взгляд, не мог бы не оценить его иронию. А если бы была королева... она не меньше других позабавилась бы.

Тем временем толстячок, взбодренный выпитым вином, решил приступить к удовлетворению своего любопытства.

— И что же, сэр Уолтер, если позволите, что привело вас в наши края?

— Дела королевы, ваша милость. С первыми петухами я отправляюсь завтра утром в Дартмут.

— Уж не связано ли ваше дело с кораблем «Матерь Божья»?

— «Матерь Божья»? — озадаченно повторил за ним Ралей.

— Большой корабль, прибывший в Дартмут две недели назад. Он так называется, правда, это по-английски. Виноват, но испанское название мне не по зубам.

— «Мадре де Дьос?» — спросил наудачу Ралей.

— Совершенно верно, сэр Уолтер, именно так. Большой корабль с непонятным грузом, с которым, по всей видимости, никто не знает толком, что делать. Думаю, за вами послали, чтобы расспросить вас о некоторых товарах, найденных на корабле, или для того, чтобы расплатиться с матросами. Они оказались в пиковом положении. Не побоюсь сказать вам, что сэр Роберт Сесил уже проехал той же дорогой, что и вы. Сам я его не видел, но слышал, что он останавливался в этой же гостинице, чтобы поменять лошадей, и отобрал у хозяина две серебряные вилки, которые тот купил у моряка двумя днями раньше. Как мне говорили, сэр Роберт объяснил, что эти вилки из того самого груза и что тот моряк не имел на них никакого права. Однако моряк свои деньги получил, а хозяин остался ни с чем. Вот все это и навело меня на мысль, что вы отправляетесь туда по тому же делу.

Ралей взглянул на Блаунта: если тот в курсе этого, он должен как-то отреагировать на слова мэра.

Информация толстячка не могла ничем повредить предприятию независимо от того, верна она или нет; все равно скоро станет известно, действительно ли в этом состоит его задача. Но Блаунт уткнулся носом в свой бокал с вином и оставался так же замкнут, как прежде.

— Что ж, ваша милость, кому, как не вам, знать, что в государственных делах надо проявлять осмотрительность.

— Будьте уверены, как не знать,— согласился с ним государственный человек.

— Так что больше не будем касаться моего задания, если вы не возражаете.

В полном убеждении, что он попал-таки в точку, «его милость» лукаво улыбнулся в знак полного взаимопонимания.

Прошло совсем немного времени, но гость заметил, как Ралей подавил зевок, и, проявив невиданный такт, поднялся, чтобы попрощаться.

— Это была восхитительная встреча, сэр Уолтер, просто восхитительная. И если вы надумаете возвращаться тем же путем, умоляю вас, будьте моим гостем. А пока, прошу вас, не оплачивайте свое проживание здесь, окажите честь городу Тенмору, позвольте ему расплатиться за вас.

— Буду счастлив. Было очень мило с вашей стороны зайти к нам на огонек. Я, несомненно, дам вам знать в следующий раз, если буду проезжать через ваш город. Спокойной ночи.

Маленький человечек выскочил из комнаты и отправился домой, придерживаясь самого высокого мнения о себе, которое почти нисколько не пострадало от вида неправильно застегнутых пуговиц на

камзоле. Он запасся таким количеством материала для рассказов в кругу близких друзей, и детей, и внуков, которого должно было хватить еще на много лет. А Ралей в минуту хорошего расположения духа обрел неожиданно для себя сторонника, готового прошагать многие мили на своих толстенных, коротеньких ножках, только бы услужить ему.

Везде, где они впоследствии останавливались, события развивались примерно тем же порядком и сопровождались добрыми пожеланиями и любопытствующими вопросами, и вот наконец они прибыли в Дартмут, в гостиницу «Сокол». Они прискакали во двор «Сокола» в полдень, и как только прозвучал топот копыт по мостовой, полная женщина в широком белом переднике выбежала навстречу им.

— Вы сэр Уолтер Ралей? — спросила она немного приглушенным от низкого поклона голосом.

Ралей кивнул и спрыгнул с коня на совсем одеревеневшие ноги. От прежней веселости не осталось и следа. Но он оставался в хорошем настроении, хотя Блаунт надоел ему до смерти, а ноги были стерты в кровь седлом.

— Там, в доме, вас дожидается сэр Джон Хоукинс, — сказала ему встретившая их женщина.

— Неужели он? Прекрасно. Ведите меня к нему и приходите затем с бутылкой канарского.

— Вино-то уже там, сэр Уолтер. Сэр Джон позаботился об этом.

Хоукинс начинал ощущать бремя своих шестидесяти семи лет, он с трудом выбрался из своего глубокого кресла и пошел по-моряцки враскачку навстречу Ралею, который устремился к нему с рас-

крытыми объятиями. Старик стиснул Уолтеру руку и похлопал его по спине.

— Дьявольщина, как же здорово снова встретить тебя! Пойдем сядем и выпьем за твое освобождение.— Но, заметив в коридоре Блаунта, он добавил, понизив голос на столько, на сколько был способен, а это означало, что он слышен был даже в конце коридора: — Этот мрачный тип, он ведь Эссексов дружок? Что, он тоже должен войти в эту комнату?

— Боюсь, что да. Видишь ли, в настоящее время он исполняет роль моего стражника.

— К черту стражника, мне нужно поговорить с тобой, Уолтер.

Хоукинс по возможности избегал пользоваться при обращении титулами. Только то обстоятельство, что его визиты к королеве были очень редкими и всегда официальными, мешало ему называть ее просто «Елизавета» или даже «Лэсс». Он обратился к Блаунту голосом, которым способен был перекрычать любой шторм:

— В конце коридора есть очень удобная комната, сэр, где вы можете спокойно устроиться и продолжать выполнять свои обязанности. У меня с Уолтером большой разговор.

Ралей довольно улыбался, наблюдая, как Блаунт надменно отвернулся и проследовал в другой конец коридора. Поскольку на протяжении всего их путешествия Блаунт оставался нем как рыба, теперь он заслуженно был оставлен в одиночестве, в то время как Ралей выслушивал новости.

Как только за ними закрылась дверь и бокалы наполнились вином, он сказал:

— Теперь расскажи мне обо всем. Этот болван не сказал мне ничего о том, ради чего меня сюда послали, кроме того, что это дело королевы.

— А как он мог? Он ведь друг Эссекса. Они теперь по глотку в грязи оттого, что я выручил тебя из Тауэра.

— Ты?

Хоукинс энергичным кивком с явным удовлетворением подтвердил новость.

— Я тебе все понемногу выложу,— пообещал он, поднимая бокал.— Восьмого — я запомнил число, потому что это был день рождения королевы,— Фробишер вернулся из похода с «Мадре де Дьос» на буксире. Корабль шел из Малабара и имел на борту груз, лучше которого наши берега еще не видели. Корабль достался им нелегко. На нем было до восьми сотен человек, и сражение продолжалось шестнадцать часов кряду. Но ты знаешь, чего стоит старый бульдог Мартин: уж если он вцепился во что-то своими зубами, то не выпустит свою добычу никогда, так что в конце концов португальцы сдались. Но на этом схватка не закончилась. Фробишер и Берг, его заместитель, сцепились из-за сокровищ и спорили на протяжении всего пути назад, и когда команда высадилась на берег, они продолжали спорить. Большая часть товаров была выгружена прямо на пристань — атлас и слоновая кость, жемчуг и рубины,— тебе наверняка не приходилось видеть столько добра сразу, и тут матросы, которым ничего не заплатили за поход, позаботились о себе сами. Но к тому времени слухи о грузе достигли ушей королевы, а поскольку она дала на эту экспедицию и корабли и свои деньги...— Тут Хоукинс поднялся и заговорил совсем

другим тоном: — Однако все это тебе и так известно, ты же был поставлен командовать флотом, не так ли, и командовал им, пока она не послала за тобой... Ну, она, конечно, ухватилась за свою долю — кто бы поступил иначе? Королева послала в Дартмут этого дурака Сесила сказать, чтобы ничего не трогали. Тогда же прибыл сюда и я. Я спустился в гавань просто посмотреть, что там творится, и, знаешь, увидел такое — около сотни тонн специй, валяющихся и рассыпанных прямо под солнцем, будто это грязь какая. Всех матросов и торгашей интересовали только драгоценности и серебро. А вокруг толпы людей громко доказывали свои права, и моряки орали, что им ничего не заплатили. Такого бедлама ты наверняка никогда не видел. И знаешь, я написал письмо; тебе известно, как я ненавижу писанину, но тут я постарался, чтобы не было ни одной ошибочки и мне не пришлось бы переписывать его заново; в нем я говорил, что в Англии есть один-единственный человек, который разбирается в цене всех этих специй, шелка и маленьких штучек, с таким искусством вырезанных из кости. Я написал что есть один-единственный человек, с чьим мнением будут считаться и моряки, и торговцы, и что этот человек — ты.— И он ткнул Ралея в грудь своим волосатым пальцем.— И вот теперь ты здесь, такие вот дела.

— В таком случае я твой должник и вряд ли смогу расплатиться с тобой когда-либо,— торжественно заявил Ралей.

— погоди, не говори ничего, пока не увидишь всего того, что лежит в гавани. Этого добра хватит, чтобы расплатиться не с одним долгом, а я являюсь

пайщиком в этом деле,— сказал хитрый старый пират.— Но не подумай, что я ради этого старался,— серьезно продолжал он, перехватив взгляд Ралея.— О, ни в коем случае. Ты никогда не угадаешь, что заставило меня приняться за то письмо.

Он откинулся на спинку стула — посмотришь и скажешь — прекрасный человек сидит. Однако, подумал его собеседник, как же мало у этого человека друзей и как много врагов, и за ним числится репутация типа со скверным характером.

— Ты имеешь в виду причину, не имевшую ничего общего с моей ролью в этом деле?

— Ага, именно не имевшую ничего общего. Парень, да если бы я не любил тебя, из меня никакими клещами никогда не вытянули бы упоминания твоего имени. Я тебе скажу...— Он наклонился вперед, будто собирался доверить Ралею строжайшую тайну.— Ты, может быть, и не помнишь этого, но как-то, вернувшись из очередного плавания, я рассказал тебе, что слышал о дереве, на котором вместо листьев растут устрицы, и о стране, у обитателей которой головы растут прямо из груди, а не из плеч. И ты не стал смеяться надо мной. Эту же байку я рассказал другим людям — ты их не знаешь,— и они подняли меня на смех. А ты обещал мне, что расскажешь ее какому-то драматургу, своему другу, потому что это довольно интересно для одной из его пьес. А мне-то как хотелось, чтобы мои слова были напечатаны! Если бы у меня было время и хоть немного умения владеть пером, я сам написал бы целую книгу.

— Да, по-моему, ты лучше всех во всей Европе владеешь пером,— вполне серьезно заметил Ралей.

И он представил себе, что́ это была бы за книга — полная невероятных приключений, и кровавых событий, и отчаянных подвигов. Превосходное чтение.

На окно упала тень прохожего, и Хоукинс презрительно фыркнул.

— Вот и этот окаянный крючокотвор Сесил. Устраивай свои дела сам, Уолтер, не принимай его во внимание.

Сэр Роберт Сесил открыл дверь, и Ралей поднялся, чтобы поздороваться с ним. Хоукинс оставался сидеть и благодарил Бога, что он моряк, а не какой-то там государственный деятель и ему не надо притворяться вежливым, коли он не чувствует в этом никакой надобности, и он не имел ничего против того, чтобы Сесил догадался, как он не любит и презирает его.

Ралей и Сесил не виделись с того самого дня, как королева обнаружила тайну отношений между Уолтером и Лиз. Когда только-только разразилась во дворце гроза после того, как Трогмортон обвинил Ралея в изнасиловании сестры, Сесил все это слышал и присоединился к общим выражениям протеста против фаворита, назвав его поведение «скотским». Это слово не раз повторяли в адрес Ралея, и оно глубоко ранило его. Он-то думал, что в любом, самом тяжелом случае Сесил останется его другом — если не из любви к нему, то хотя бы из ненависти к Эссексу. Сесил писал ему в Тауэр, уверяя, что его чувства к нему остались неизменными, что слово это относилось к насилию, а не к женитьбе, о которой он в то время не знал. Ралей принял его извинения, написал, что понимает его, но теперь пристально

рассматривал сына лорда Беркли. Он припомнил, как Лиз предупреждала его как-то: «Беркли ничего не стоило сказать своему сыну: «Бойся быть как Ралей»», и ему страстно хотелось прочесть мысли, скрывавшиеся в этой длинной, похожей на лисью голове, за взором этих глаз, один из которых был гораздо меньше другого.

Но приветствие Сесила было таким радушным, что лучшего и желать нельзя было.

— Как же я рад видеть вас, сэр Уолтер,— начал он,— рад за вас и за себя. Решить эту проблему абсолютно не в моих силах. Там есть такие товары, само наименование которых неизвестно мне. Надписи на сундуках все сделаны на португальском языке, что только добавляет трудностей. Это дело под силу разве что Геркулесу, самому Геркулесу.

Хоукинс посмотрел на Ралея, улыбнулся и поднял мохнатые брови, как бы говоря: «Дурак ненормальный».

Но хотя Ралей улыбнулся ему в ответ, в душе он не был согласен с мнением Хоукинса. Если судить поверхностно, сына лорда-канцлера можно было принять за «ненормального» и нерасторопного, нервничающего из-за возложенной на него ответственности, но он был умен и хитер — иначе и быть не могло: в нем текла кровь Беркли.

Следом за Сесилом в комнату вошел сэр Джон Гилберт, депутат от Девона, и превзошел всех в экспрессивности своего приветствия. Он вошел и застыл на месте, будто язык проглотил, хотя все видел, как под его плохо накрахмаленными брыжами ходит кадык. Гилберт протянул обе руки к своему родственнику и затем повис на его плечах, не сты-

дьясь катившихся из глаз слез. Ралей хлопал его по плечу и целовал в щеку.

Немного оправившись от охвативших его чувств, Гилберт сказал:

— В странное время мы живем — человека сажают в тюрьму только за то, что он женился на своей молодке. Это же хуже инквизиции!

— Шш! — шепотом — как ему казалось — произнес Хоукинс.— В этой комнате присутствуют длинные уши и не менее длинный язык в придачу к ним. Нам бы не хотелось, чтобы вы угодили в Тауэр.

— Отправимся-ка лучше в гавань,— поспешил заявить Сесил, который прекрасно слышал каждое сказанное Хоукинсом слово.

«Неотесанный негодяй,— думал про себя Сесил,— мы сейчас от него избавимся, он не член Комиссии и не имеет права вмешиваться». Но Хоукинс не отставал от них, пока они шли по коридору, и он единственный из всех вспомнил о Блаунте, оставленном в комнате в другом конце коридора.

— Пошли с нами, если не хотите оставить без присмотра своего арестанта,— прокричал он, открывая дверь,— мы отправляемся в гавань.

Поскольку никто не решился предложить сэру Джону, чтобы он отстал от них, старый адмирал сопровождал их всю дорогу, и по его осанке вполне можно было предположить, что именно он возглавляет Комиссию. Пристань маленького приморского городка была усыпана всеми теми сокровищами, которые когда-то Ирод предложил Саломее. Из сандаловых сундуков высывалось их содержимое, и в смеси с этой красотой в воздухе витал аромат великого множества разных специй. Некоторые сундуки

были варварски вскрыты, и товары из них разбросаны на камнях.

Тут были все сокровища Востока. Сказочные богатства, которые увлекли корабли Колумба в плавание на запад. Драгоценности, из-за которых в разные времена во всем мире были совершены все преступления, значащиеся в каталоге сатаны.

— Чувствуете аромат специй? — спросил Хоукинс. — Их-то безмозглые свиньи и бросили портиться на открытом воздухе, на солнце. Там есть такие ковры, которые станут наследственными святынями и переживут всех нас, а их даже от дождей не урыли.

Все пятеро прошли через ограждения, установленные по приказанию Сесила, и принялись рассматривать награбленное добро. Среди прочего тут были драгоценные камни, которые несчастные рабы под свист кнута добывали в тайных месторождениях; вышивки, над которыми женщины гнули спины, пока не становились слепыми; ковры, сплетенные руками детей, которые представления не имели, что такое игры, и чьи тела никогда не разовьются как следует из-за согнутого положения, которого от них требовал их труд. Была там и слоновая кость, ради которой люди охотились на слонов и валили их, осыпая сотнями стрел, каждая из которых таила на кончике своем медленную смерть; и мускатный орех, который доставляли из рощ континента на побережье моря на жестких спинах терпеливых осликов.

Ралей осмотрел все. Он один из всей этой маленькой компании мог прочесть трагические истории, связанные с добытыми сокровищами, понять, сколько пота, и крови, и боли, и риска для жизни

содержалось в процессе обретения всех этих богатств. Но ему было не до этого, его поджимало время. Сейчас они были для него всего лишь ценой благосклонности ее величества, залогом нового расцвета. Он взял в руку несколько жемчужин, добытых каким-нибудь черным искателем жемчуга из морских глубин, кишащих акулами. Он вспомнил, как Дрейк рассказывал ему однажды о том, что искатели жемчуга, проработав три года, умирают, выхаркивая куски своих зря растраченных легких. Но перед его глазами не появились темнолицые призраки, он взирал на сверкающие шарики, которые скоро заблестят на шее, и на пальцах, и в ушах королевы, для которой он тут же их и отобрал.

Торговцы, которые при первом же известии о прибывшем в Дартмут грузе явились сюда, примчались на пристань, чтобы предложить свои цены после долгого, нетерпеливого ожидания отмены эмбарго Сесила. Им Ралей продал самые обычные, хорошо известные изделия. На аукционе по продаже перца в тот же день он выручил сто тысяч фунтов. Затем он расплатился с моряками. Они подходили по очереди, один за другим со своими загорелыми, жесткими лицами и странной татуировкой на руках и груди, чтобы получить причитавшиеся им деньги. Ралей целый день простоял у входа в заграждение со списками экипажей кораблей, выкрикивал имена матросов, выплачивал им положенные суммы и вычеркивал из списков имена тех, кто получил деньги. Затем он составил скрупулезный список оставшегося добра: хрусталя, фарфора и ладана, гобеленов, янтаря, атласа, корицы; жемчуга и серой амбры; ковров, слоновой кости, гвоздики и изделий из сан-

дала. На третью ночь Ралей вернулся в гостиницу «Сокол» с этим и еще одним реестром, в котором перечислялись имена пайщиков и доля каждого из них, закрылся в своей комнате от всех посетителей — даже от Хоукинса — и сел за подсчеты весьма интересовавшей его суммы.

К вечеру стало прохладно, в камине тихо потрескивали дрова, добавляя освещения к горящим свечам. Ралей разложил перед собой оба списка, разжег свою длинную трубку и, опершись подбородком на руку, задумался. Доля королевы насчитывала примерно двадцать тысяч фунтов. Немалая сумма, но в восторг ее не приведет: хотя эти деньги и представляли большой интерес, но их в таком случае было как раз столько, сколько ей полагалось, ни на цент больше. Он должен как-то извернуться и повесить ее пай, но под пристальным наблюдением Комиссии за каждым его действием сделать это было нелегко. Он обозвал про себя Фробишера круглым дураком. Если бы тот в свое время установил контроль над тем, что так славно захватил, не понадобилось бы никакой Комиссии... Но нет, Бог мой! Тогда бы и Ралей тут не понадобился, он по-прежнему оставался бы в Тауэре! При этой мысли капли пота выступили у него на лбу, и Ралей поспешил вместо проклятия вознести благословение на тупую, упрямую башку Фробишера. Он выбил свою трубку и озадаченно уткнулся носом в бумаги.

Часть доходов причиталась и ему самому за его «Роубака», но если он пожертвует свой пай королеве, то тем самым нарушит свои собственные планы на будущее. Можно, конечно, отдать ей половину... Потом еще Хоукинс: он включил в состав флотилии

свой «Стэллион» и таким образом получил право на тридцать шесть тысяч фунтов. Но урезать его долю нельзя, отчасти потому, что он точно знает сумму своего пая, но главное потому, что Хоукинс оставался его другом и именно он порекомендовал на роль поверенного по разделению добытого добра его, Ралея, и вдруг ограбить его... но...

Хоукинс...

В его ушах вдруг явственно, как три дня назад, прозвучал рокочущий бас Хоукинса: «Ты — единственный человек в Англии, кто знает истинную цену специй, шелка и вырезанных из слоновой кости красивых штучек».

Боже милостивый! Вот оно, счастье!

Он снова заправил табаком трубку и принялся обрабатывать первый список. Фарфор, атлас, шелк, серую амбру и ладан он оценил значительно ниже, чем они стоили в действительности. Более ходким товарам, таким, как слоновая кость и ковры, драгоценности, гвоздика и мускатный орех, он назначил их подлинные цены. Затем он распределил добро между всеми пайщиками. Когда он закончил подсчеты, согласно бумаге королеве причитались ее двадцать тысяч фунтов, но настоящая цена доли королевы, как с радостью констатировал Ралей, теперь составляла восемьдесят тысяч фунтов, то есть в четыре раза больше причитавшегося ей пая.

Плутовская, кривая улыбка на губах Ралея сделала его лицо похожим на лисью мордочку Сесила. Он налил себе вина и выпил бокал за свой острый ум.

Затем он подвинул к себе чистый лист бумаги и написал наверху: «Дартмут, двадцать восьмое сентября 1592 года» — и приступил к письму королеве. В

нем он рассказал о своих трудах последних нескольких дней. Он открыл ей настоящую цену выделенных ей товаров и подробно, со всей точностью доложил о том, как он это организовал: если бы он позволил ей думать, что кто-то другой помог ей получить так много, все его усилия пропали бы даром. И в заключение он написал:

«...ни один человек до сих пор не добывал для ее величества такое огромное богатство. Если Господь Бог доставит его в качестве выкупа за меня, смею надеяться, что ее величество с ее безграничным великодушием примет его. Если ее величество не вычеркнула меня окончательно из своего сердца, я еще, уповая на ее добрый нрав, льщу себя надеждой, что искренно привязанный к ней человек не будет отторгнут ею...»

На следующий день остальные члены Комиссии подписали список паев, и Джон Хоукинс укатил во-свояси со своими тридцатью шестью тысячами фунтов, благословляя сэра Уолтера и счастливую мысль, которая пришла ему, старику, в голову в тот сентябрьский день.

— Если когда-нибудь доктора пропишут мне пи-явки, я пошлю за вами, Блаунт,— послал он прощальный привет Блаунту, который ни на шаг все это время не отпускал от себя Ралея.

Его слова заставили Ралея задуматься, что он должен делать теперь, когда его труд окончен. Должен ли он вернуться в Тауэр? Или рискнуть и отправиться в Шерборн?

Королева уже получила его письмо и должна, должна была сменить гнев на милость. Однако если он вернется с Блаунтом в Тауэр, он там и останется, забытый и всеми покинутый. Уж лучше рискнуть.

В тот день, когда все было готово к их отъезду, за завтраком он спросил Блаунта:

— Так, а теперь что вы намерены делать со мной?

— Я взял вас из Тауэра, и теперь мой долг вернуть вас в Тауэр.

Ралей рассмеялся.

— Вам придется позвать кого-нибудь себе в помощь, потому что мой труп будет достаточно тяжелым. Я уезжаю в Шерборн.

— А мне здорово достанется за то, что я отпустил вас,— с горечью заметил Блаунт.

— Совсем не обязательно. Поедьте со мной в Шерборн. Предлагаю вам все гостеприимство моего бедного дома. А как обрадуется моя жена, как обрадуется!

Блаунт не улыбнулся в ответ на передразнивание Ралеем толстенького мэра Тенмора. Он был сыт по горло насмешками сэра Уолтера и его обществом.

Расстались они во дворе гостиницы «Сокол».

— Вы присматривали за мной восхитительно. Благодарю вас. Прощайте! — прокричал Ралей, садясь на коня.

Блаунт проворчал что-то и тоже сел на лошадь, чтобы скорее вернуться в Лондон и как можно злобнее доложить о своей миссии королеве. А Эссексу сказать, что Ралей гораздо опаснее, чем они считали его: у него есть такой подход к простому люду, о котором его враги могут только сожалеть.

Ралей поскакал в Шерборн. Его сильно разочаровало молчание королевы, зато он был в восторге от собственного издевательства над облеченным властью Блаунтом, что весьма облегчило его подверженную переменам душу, и он запел на скаку.

Насмешливое упоминание о своей жене пробудило в нем бывшее влечение к ней. Скоро они будут вместе: восемьдесят тысяч фунтов — неплохой выкуп за двоих.

Осень шагала уже по всей стране. Из-под копыт его коня вздымались тучи сухих листьев; на фоне бледного неба желтыми всполохами горели клены. В окрестностях Шерборна буки приветствовали его красными кострами своей листвы, и он окончательно воспрянул духом. Притомившийся конь рысью одолел подъездную дорожку к дому и даже марш белых ступенек у самой двери. И когда он остановился, свершилось чудо. Дверь распахнулась, и Лиз отяжелевшей походкой, торопливо, но, соблюдая осторожность, спустилась с лестницы и кинулась в его объятия. Уолтер какое-то время крепко прижимал ее к своей груди, потом обхватил голову жены руками и внимательно заглянул ей в лицо.

— Каким чудом ты оказалась здесь?

— Меня выслали. О, Уолтер, какое счастье снова видеть тебя!

— Правда? А кто же выслал тебя?

— Уже четыре месяца прошло с тех пор, как я последний раз видела тебя. Да королева же. Появилось сообщение или что-то там еще, что ты скоро должен быть здесь. Но я точно не знаю, что это было. О, Уолтер, мы вместе! Мы свободны!

— Мы вместе, и мы свободны,— повторил он с отсутствующим видом.

Королева, получив его письмо, освободила Лиз. Это, конечно, прекрасно, но (он глубокомысленно

погладил свою бородку), что же получается — его свобода, свобода Лиз и Шерборн — это единственное его вознаграждение? Это было бы так похоже на королеву. Уолтер словно услышал голос Елизаветы Тюдор: «Ты хотел эту женщину — получи ее, и живи с ней, и не появляйся мне на глаза».

Ралей почувствовал на себе взгляд Лиз. Он выбросил из головы мысли, которые по сути своей были противны ей.

— Я просто ошеломлен,— сказал он в оправдание минутной рассеянности.

И вдруг в порыве дикой радости он схватил ее на руки, взбежал с нею по ступенькам и переступил порог дома.

— Я должен был быть здесь несколько дней назад,— сказал он.

И Лиз, смеясь и протестуя, что, мол, их двоих нести ему слишком тяжело, забыла о промелькнувшей по его лицу тени и про свое кратковременное подозрение из-за того, что встреча оказалась не такой радостной, как она того ожидала.

Глава четырнадцатая **ШЕРБОРН. 1594—1595 ГОДЫ**

I

Лиз, сбегая по лестнице вниз и стараясь уравновесить свою тоненькую фигуру с весом сидевшего на руках малыша, увидела загорелого незнакомца, уже допущенного в дом, и остановилась как вкопанная. По его одежде, походке и голосу она сразу поняла,

что это был моряк, а у моряка в этом доме могло быть только одно дело.

— Бежим, бежим дальше! — кричал малыш Уолтер, которому понравилось спускаться таким манером по лестнице. Но мать только приказала ему:

— Успокойся, — и больше не обращала на него внимания. Дальше Лиз спускалась уже медленно и как бы в раздумье. Она посадила мальчика на сундук в холле и сказала:

— Если посидишь здесь тихо, пока я не вернусь, мы еще поиграем с тобой. И чтобы никакого шума, иначе тут же отправишься в кровать.

Уолтера, который уже привык к ее непреклонному тону, ничуть не испугало ее предупреждение, он взглянул на нее широко открытыми глазами и сказал:

— Уолтер сидеть.

Лиз прошла через главный вход и резко повернула налево, к террасе. Она не слышала барабанной дроби, которую освоил Уолтер, принявшись стучать своими маленькими красными ботиночками по стенке пустого сундука. На террасу, в самом ее конце, выходило окно кабинета Ралея. Вдоль окна поднимался розовый куст, без цветов, с листвой бронзового цвета в это время года, и, скрываясь в его тени, она могла заглянуть в комнату без риска быть замеченной. Частенько в дни прошедших весны и лета она стояла там, наблюдая, как ее муж, склоняясь над столом, читает книгу, или рассматривает карту, или поглощен сочинением очередного письма Елизавете или Сесилу.

Имя моряка, которого она пока еще не знала, было Уиддон; он сел в кресло с высокой спинкой у

края стола. Напротив него сидел ее муж на стуле, который сильно наклонился вперед, когда он потянулся за бумагами, протянутыми ему гостем. Она не слышала ни слова из их беседы сквозь закрытое окно, но видела, как Уиддон ткнул своим темным пальцем в какое-то определенное место на карте. Ралей вскочил со стула и направился к полке за книжкой. Быстро перелистав ее, Ралей вернулся к Уиддону и положил книгу перед ним, при этом он оперся одной рукой на спинку кресла, где сидел моряк. Две головы, одна квадратная и рыжая, а другая узкая и черная, склонились над страницей, и Лиз почувствовала, что ей становится нехорошо. Что-то задумывалось в этой ярко освещенной солнцем комнате, что-то, в чем ей отказано было участвовать. Сейчас Уиддон был всем для Ралея, она же — ничем. Лиз протянула руку, и свесившаяся в сторону ветка розового куста коснулась кисти и поцарапала ее. Она приложила царапину ко рту и удивилась, почувствовав, как холодна ее рука. Тут она сообразила, что стоит на ноябрьской стуже без плаща и шляпы уже четверть часа, и вспомнила о маленьком Уолтере, оставленном в холле. Да и все равно — делать здесь было нечего. Лиз повернулась и направилась легкой, мягкой походкой к ожидавшему ее сыну. Все время, пока она одевала его и натягивала на себя плащ и перчатки, он не переставал болтать, на что она в ответ время от времени говорила ему «Да» или «Нет», не слыша, а потому и не отвечая на его вопросы.

Сегодня наступил кризис, которого она ждала и боялась весь прошедший год. Она видела, как нарастает недовольство и тревога в душе Уолтера, но еще надеялась, что Шерборн повлияет на него так же,

как он повлиял на нее. Казалось, он заинтересовался экспериментами с картофелем и табаком, был доволен, когда опыты с картофелем удавались, и расстраивался, когда табак оказывался не таким сладким, каким он вырастал под горячим солнцем Виргинии. Ралей разводил лошадей и соколов и хорошо справлялся с делами в своих поместьях. Стремительно вышагивая по парку, Лиз думала: такая жизнь удовлетворила бы любого мужчину. Даже тот, кто с юных лет был поражен микробом честолюбия, мог бы прекрасно устроиться здесь в свои сорок три года и, оглядываясь назад, вспоминая мечты своей юности, считать их не более как глупым мальчишеством. Комфорт и достойная жизнь в доме, авторитет, интересные занятия и упражнения вне его стен — что еще надо человеку? Но она понимала, что обращается с проповедью к вероотступнику; ей было хорошо в Шерборне, Уолтеру — нет. Она видела, как при любом упоминании королевы или Эссекса он отодвигал от себя блюда нетронутыми. Много долгих ночных часов провела она рядом с ним, притворяясь спящей, когда он ворочался с боку на бок и стонал, и оттого, что Уолтер пытался скрыть от нее свои страдания, они были не менее тяжкими. И вот появился этот моряк с его указующим перстом и морскими картами, он явно подстрекал Уолтера на что-то. В этом она была уверена.

Лиз яростно вонзила свои каблучки в мягкий дерн и раздраженно велела маленькому Уолтеру, отбежавшему немного в сторону, немедленно вернуться к ней и идти рядом. Он покорно подошел к матери с ручонками, полными буковых орешков, и с удивлением посмотрел ей в лицо. Она всегда была строга

с ним, но редко сердилась на него по-настоящему, а мальчик отлично сознавал, что в это утро он не озорничал. Они встретились глазами, и в неожиданном порыве чувств Лиз подняла его на руки. От теплоты его маленького тела, прижавшегося к плечу, и от чудесного ребячьего запаха ее затопило чувство нежности, от чего она еще острее ощутила досаду на те обстоятельства, которые сделали ее только что такой злой и несправедливой. Лиз прищурилась и немного оттопырила нижнюю губу. Какие бы тайные планы ни вынашивал там сейчас ее Уолтер, она постарается помешать их осуществлению. Раз он может писать Сесилу, то и ей это не заказано. Оставалось только по возможности выяснить, что именно он задумал.

Малыш Уолтер устал от крепкого объятия и молчания матери и стал вырываться из ее рук. Она пересаживала его себе на плечи и поскакала, изображая норовистую лошадь, и галопом влетела с ним в дом.

Уиддон оставался у них всю ночь и весь следующий день, но все, что удалось узнать об их деле хозяйке, это услышать случайно оброненное слово «Гвиана». Но когда Ралей провожал его к дверям, она тоже оказалась там с самым невинным видом и с улыбкой на губах и слышала, как ее муж при прощании сказал:

— Я обращаюсь за патентом немедленно, и, будьте спокойны, я его получу. Сесил еще не забыл Дартмут...

После ухода Уиддона Ралей с полчаса повозился с малышом, резво подпрыгивая с сидящим на нем верхом ребенком по пледу из медвежьей шкуры, и в это мгновение никак нельзя было сказать о нем,

что он собирается доставить своей жене совершенно не заслуженные ею тревоги. Но вот он поднялся. Страхнул пыль со своих штанов и пригладил растрепавшиеся волосы.

— Пойду напишу несколько писем, — сказал он. — Не ждите меня.

Он, как и подобает доброму мужу, поцеловал Лиз, потрепал по головке сына и отправился в свой кабинет.

Лиз тут же передала сына няне и поспешила в свою комнату. Не так уж много в своей жизни писала она писем, и несколько минут ушло у нее на то, чтобы приготовить все к этому процессу, но скоро все было готово, зажжены добавочные свечи, она села и принялась за письмо к Сесилу. Ее и его отцы были большими друзьями, ее брат Артур был его закадычным другом, и она и подумать не могла, что ее письмо останется втуне. Своим неразборчивым, готическим почерком она строчила строку за строкой: «...Если уважение ко мне или любовь к нему не забыты вами, покорнейше умоляю вас — не подталкивайте его на это предприятие, а скорее остановите его...» И дальше все в том же духе — мольбы, напоминания, уговоры... и в конце: «...чем вы обяжете меня навеки».

А этажом ниже в другой части дома, в кабинете, свет из которого падал на пол террасы — Лиз, отодвинув занавеску, видела его отблеск, — Ралей обращался к тому же человеку с просьбой использовать свое положение и повлиять на королеву ради него. И он тоже умолял, напоминал, уговаривал.

А Сесил, глубоко погрузившись в собственные двуличные планы, читал оба письма и думал про себя, как некий израильский царь: «Что я, Бог?»

II

Патент пришел в январе, как и предполагал Ралей. Королева уже не могла устоять против его назойливости. Новое слово «Гвиана» захватило ее воображение. Он выбросил из головы Виргинию: теперь уже поздно думать о ней, и он, и Елизавета слишком стары, чтобы связывать свои надежды с рискованным делом в стране, которая должна развиваться и расти долго, как растет ребенок. И королева не так уж сильно любит своего наследника, кто бы им ни оказался, чтобы тратить время и деньги на приумножение его наследства.

Новейшим девизом Ралея стало — золото. В своих письмах к Елизавете и Сесилу он не уставал повторять обещания, содержащиеся в этих странных, древних морских картах, которые увлекали людей на погибель: «Здесь много золота». Он был достаточно умен, чтобы понимать, что сердце последней из Тюдоров недоступно чувствам и убеждениям, глухо к поэзии и мольбе, тем более один из них должен был постоянно подогревать его, а другой без конца, как попугай, твердить о золоте.

И в конце концов Ралей оказался прав. Наконец-то он держал в своих руках бесценный документ. Он давал ему право проникать на территорию Ориноко, исследовать ее и населять земли, еще не попавшие во владение христианских монархов. Патент был адресован «Нашему слуге, Уолтеру Ралею». Намеренно пропущенные общепринятые в подобных документах слова «верный» или «возлюбленный» дали ему понять, что он остается никем для королевы. Тяжелым ударом по его гордости было это новое оскорбле-

ние — его и так задело за живое долгое, нетерпеливое ожидание этого решения. Теперь нельзя было терять ни минуты. Нужно сейчас же довести это до сведения Лиз. С патентом в руках он отправился на ее поиски.

Лиз сидела в гостиной, придвинув поближе к разогретому камину свой станок с пяльцами, и занималась вышивкой. За окном медленно угасал короткий зимний день, бросая красные блики заката на темно-серые стволы буков. Огонь очага окрашивал одну сторону ее светлой головы в медный цвет, а на ее янтарного цвета бархатном платье плясали теплые отблески пламени. На ее вышивке павлин ярко-зеленого и синего цвета разгуливал по лугу, усыпанному маргаритками. Это был уже четвертый экземпляр, все они предназначались для кресел в столовой.

Лиз подняла глаза на вошедшего мужа и сразу поняла — по пергаменту в его руке и по выражению лица, — с чем он пришел к ней. Но она постаралась не выдать себя. Взглянув на него, она тут же снова опустила глаза на свою работу и продолжала трудиться. Сердце бешено стучало у нее в горле, пальцы дрожали, но она казалась совершенно спокойной.

Минуту-другую Ралей потоптался возле ее пялец, подергал за нитки на изнаночной стороне вышивки. Потом подошел к огню и пошевелил его ногой. Одно полено сдвинулось. Он поправил его, не спуская с Лиз глаз. Но, хотя треск огня в камине заставил ее встрепенуться, она не повернула к нему головы. Туда-сюда, туда-сюда сновала иголка.

— Лиз, — не выдержал наконец Ралей.

— А,— откликнулась она и еще ниже склонилась над последним стежком.

— Я только что получил патент королевы на поход в Гвиану.

— Гвиану?

— Ты, должно быть, слышала. Я говорил о ней. Это в Южной Америке. Говорят, там-то и есть Эльдorado.

— И ты этому веришь?

— Конечно. И королева верит. А иначе она не стала бы посылать меня туда.

— Можно посмотреть?

— Разумеется.

Уолтер со скрипом развернул пергамент и протянул его жене. Она, аккуратно приколов иголку к материи, оставила свой станок и с пергаментом в руке пересела на низенький стул поближе к огню.

Довольно долго Лиз сохраняла молчание и сидела, повернувшись к огню так, что ему не видно было ее лицо. Затем она вернула ему манускрипт.

— Смертный приговор в вежливых выражениях,— сказала она безразличным тоном.

— Милая, ты преувеличиваешь.

— Ты так считаешь?

Лиз обернулась к нему и подняла на него свои синие глаза. В них не было ни страха, ни удивления, ни гнева, в них было такое, чего он никогда раньше не видел — что-то вроде насмешливой жалости, порожденной какой-то особой ее мудростью.

— Преувеличиваю? А что случилось с Орелиано? С Диего Ордасом? С Педро д'Ошиа и Агири? Я назвала только четверых, судьбы которых мы знаем. А сколько еще таких, чьи имена не попали ни в

какие списки, но кто отправился в эти дальние страны и умер там от лихорадки, от ран или в результате вероломства?

Валаам не был так удивлен, когда его ослица повернулась к нему и заговорила человеческим голосом, как удивился Ралей, услышав эти давно известные ему имена из уст Лиз.

— Что ты знаешь о них?

— То же, что и ты. Все, что можно вычитать из твоих книг.

Ралей как ошпаренный выскочил из своего кресла. Разговор принимал совершенно неожиданный оборот. Он-то думал, что Лиз зальется слезами, что он обнимет и успокоит ее. Но к этим спокойным, бесчувственным доводам он не был готов. Ралей нервозно заходил по комнате, бросая отрывистые фразы, будто разговаривал с посторонним женщиной.

— Допустим — они умерли. Дорога к успеху всякого рискованного предприятия вымощена смертями. Магеллан отправился в кругосветное путешествие и был убит. Это отпугнуло Дрейка? Стоит одному человеку задуматься о несчастной судьбе других людей и остановиться, как другой человек отставит тарелку, не дотронувшись до еды, от одной только мысли о том, сколько людей до него было отравлено за столом. Каждый день люди умирают от простых царапин: гвоздь в ноге, вредные испарения — все может стать причиной смерти. Смерть тех, кого ты сейчас назвала, не была по меньшей мере бессмысленной. Это была смерть во имя подвига.

— Но для чего все это, скажи мне, Уолтер? Можешь ты объяснить мне?

Ралей постоял некоторое время в задумчивости, прежде чем ответить.

— Это зов,— сказал он наконец,— и только те, кто слышат его, могут это понять. В Англии тысячи людей, которые могут жить так, как я жил до сих пор. Зачем это нужно? Рот, который легко заткнуть жратвой, две ноги, чтобы обхватить ими бока лошади. Жизнь требует от человека большего. Здесь, окруженный комфортом и надежной охраной, я похож на собаку, которая поплелась за прохожим, предложившим ей косточку. Хозяин свистнет, и она, хотя и знает, что получит не косточку, а пинок в бок, покорно возвращается к его ноге.

— Так что же, наша жизнь здесь, наш дом, наш ребенок — все это не более, нежели косточка случайного прохожего для тебя?

Ралей сообразил, что разговаривает с женщиной, принимающей, как и любая другая на ее месте, каждое его слово близко к сердцу.

— О, Лиз,— сказал он,— это было неудачное сравнение. С женщинами вообще невозможно говорить. Они все понимают так буквально. И еще не родилась такая женщина, которая способна была бы поверить, что мужчина может любить ее и тем не менее покидать ее, или хотя бы понять, что наступит конец света, если при столкновении любви и дела дело не сможет побеждать хоть иногда, хоть изредка.

— Будучи всего лишь женщиной, я припоминаю, как однажды любовь встала на пути карьеры — а

именно это ты подразумеваешь под словом «дело» — и любовь, юная и сильная, победила на какое-то время. Теперь пришла очередь карьеры. Когда-нибудь, когда ты станешь стариком — если ты станешь им, — ты поймешь, что карьера — это сплошная фальшь. И будешь рад, что любовь победила ее.

— Я люблю тебя, Лиз. И всегда буду любить тебя. Но есть вещи сильнее меня. И теперь, когда королева с таким презрением и так холодно отнеслась ко мне, я поеду в Гвиану, хотя бы самая страшная из всех смертей грозила мне.

— Знаю. Ради того лишь, чтобы хорошо выглядеть в ее глазах, ты готов сделать вдовой меня, а сына — сиротой. Ни к чему мне спорить с тобой, Уолтер. Смиримся с тем, что есть.

Она немного помолчала. Если бы обычная, хорошенькая женщина грозила занять ее место в его жизни! С женщиной можно бороться женским же оружием. Но против этого коварного врага в лице его неумного честолюбия и стремления снова завоевать положение любимца королевы у нее не было средств. Золотые волосы, нежная кожа, гибкое тело — все это ничего не значило в данной ситуации.

Когда она заговорила снова, ее тон изменился. С неподдельным интересом она спросила его:

— Что в ней такого, что делает ее мнение таким весомым? Для любви — слишком стара, для идеала — слишком фальшива и тщеславна, и тем не менее ей все должны поклоняться и льстить. Что же в ней такого?

Раскрыть секрет притягательности — возможно ли это? Способен ли Уолтер, с его умом и умением все так хорошо объяснять на словах, облечь это в такую

форму, что ее можно было бы изучить и затем примерить к себе?

— Я не могу объяснить это, Лиз. Сомневаюсь, что сможет кто-либо другой. На нее можно злиться, но это все равно что злиться на Всевышнего — себе же хуже. Можно ублажать ее самой невероятной лестью и презирать ее за то, что она ее принимает, сознавая при этом глубоко в душе, что ее нельзя обмануть. С ее флиртом и скаредностью она может выставлять себя в самом смешном виде. Но несмотря на все это, она обладает таким достоинством, которое не может быть унижено ничем, даже ее собственным поведением. Она — Королева. Она — сама Англия. И если бы я вызвал хотя бы улыбку на ее устах или если бы она сказала в мой адрес «Хорошо сделано», я бы не стал подсчитывать, чего стоили мне эти ее слова... Но все это не имеет никакого отношения к тебе, любимая. И то, что я делюсь с тобой своими мыслями, только подтверждает это. Ты — это я, и поэтому ты должна понять меня.

И он посмотрел на нее своим долгим, неотрывным взглядом, от которого в недавнем прошлом у нее сердце переворачивалось в груди, но на этот раз она устояла и перед ним.

— Я понимаю. Понимаю также, насколько правильно поступают католики, требуя от своих священников дать обет безбрачия. Набожный человек, фанатик, предан он Богу, или Королеве, или Подвигу, не годится для таких простых вещей, как семейный очаг, собственный дом.

— Горечь твоих слов говорит о твоём негодовании против меня.

— Напротив, я жалею тебя, как жалела бы любого больного человека. Ты болен. Ты бросаешь женщину, которая любит тебя, чтобы служить той, которая тебя презирает. Ты покидаешь Шерборн ради страны, где за каждым кустом тебя подстерегает смерть. Если это не болезнь... Прекратим разговор на эту тему.

Она зажгла свечи и снова села за свою работу. Туда-сюда, туда-сюда сновала иголка. И так же безотчетно сновали мысли женщины, которая начала познавать, насколько ненадежны узы любви. Неведомое взывало к мужским сердцам. Оно было повинно в том, что однажды Ралей сел за нее в Тауэр, оно же повинно в том, что теперь он не может остаться с нею в Шерборне. За четыре года совместной интимной жизни рассеялось бывшее очарование... А не в этом ли секрет притягательности королевы? При этой мысли Лиз застыла с иголкой в руке. Никто понастоящему не знает королеву. Ходили всякие слухи о том, что ее тело так же загадочно, как и ее ум. И Лиз вдруг твердо поверила в постоянно дискутируемую девственность Елизаветы.

Вполне вероятно, подумала Лиз, королева полна желания удержать при себе мужчину, но не способна овладеть им. Что в таком случае она, Лиз, должна предпринять? Ответ напрашивался сам собой. Что сделала сестра Елизаветы для того, чтобы удержать в Англии Филиппа Испанского? Привязала его к себе байками о своей беременности, и он в них поверил и ждал до бесконечности рождения ребенка, который никогда не был зачат. Не попытаться ли и ей поступить так же? Сможет ли это удержать Ралея при ней? Вряд ли. Может, на какое-то время это и рас-

строит его планы. Однако не только планы, но и его веру в нее, и радость общения с ним. Слишком дорогая цена.

Лиз в одинаковой мере почувствовала себя и измученной, и несчастной. Устало поднявшись, она отставила в угол станок и ушла спать.

Спустя час или чуть позже Ралей потянулся к ней и хотел привлечь ее к себе. Он мечтал о примирении и о любви в те короткие мгновения, что еще оставались у него. Но Лиз отвернулась от него и молча отодвинулась на самый край широкой постели. Он был слишком гордым и щепетильным человеком, чтобы повторить попытку примирения.

На следующий день ранним утром он покинул Шерборн и отправился собирать корабли и товары, подыскивать людей, готовых разделить с ним трудности путешествия.

Третьего февраля сквозь непроходимый снежный буран он вернулся в Шерборн проститься. Лиз, которую на протяжении этих трех недель раздирали противоречивые чувства любви и ненависти к нему при воспоминании об их расставании, теперь на минуту заколебалась, прежде чем поцеловала его по приезду в Шерборн. Ралей за дорогу продрог и устал; он ожидал, что она обрадуется его появлению, но заметил заминку при встрече и вдруг ужасно рассердился. Сбросив плащ, он резко приказал:

— Пришли мне сюда еду. Сейчас подойдет Миер, чтобы получить последние указания.

Он быстро прошел по коридору в свой кабинет и на весь остаток вечера заперся в нем со своим управляющим.

Лиз безутешно слонялась вокруг его одежды и книг, которые он собирался взять с собой и которые со всей присущей ей тщательностью она упаковала. Она вынула из ящика со стружкой нелепого Будду и вгляделась в его непостижимую улыбку. Все мы идолопоклонники, подумала она. Уолтер был моим идолом, но он не был так несокрушим, как этот твердый зеленый бог. Пожалуй, впервые Лиз поняла, что из них двоих она — слабейшая и что, если она не добьется примирения с ним и не признает свое единодушие с его целями и интересами, ее дальнейшая жизнь будет искалечена навсегда. В его жизни было так много интересов; у нее было только три: Уолтер, ребенок и Шерборн. И самым важным для нее из этих трех был первый. Она осознала это сегодня, когда он уронил поднятые для объятия руки и улыбка сошла с его лица. Сейчас Лиз готова была на все, лишь бы вернуть то мгновение и изменить его. Это было невозможно, но впереди еще маячила ночь.

Она зашла на минуту к Уолтеру-младшему и поправила сползшее с него одеяло. Потом медленным шагом вошла в спальню. Распустила свои волосы и долго расчесывала их. Она прислушивалась к тишине в доме и слышала, как уходил Миер, как он желал удачи хозяину и обещал ему, что тот, вернувшись, найдет все в полном порядке в своем поместье. Она слышала, как муж накинул засов на дверь, прислушалась к его шагам по лестнице. И не услышала их. Сначала она подумала, что он убирает

свои книги и бумаги и гасит свечи. Но прошел тот короткий промежуток времени, который был необходим для этого, и не прозвучало ни звука.

Лиз уже разделась, и теперь сквозь ночную рубашку ужасный холод пробирал ее до костей. Она взглянула на постель. Остатки прежней Лиз убеждали ее лечь и, если сможет, заснуть или притвориться спящей, если заснуть не удастся. Но рожденная этим утром новая женщина при этом предположении чуть не умерла от страха. Это значило бы, что Ралей всю ночь проведет внизу. Нельзя, чтобы последние их часы так пролетели. Завтра она просто не сможет подойти к нему. А сколько еще таких «завтра» ждет ее впереди? Для ее рук, для ее голоса он будет недостижим. Мысль об этом стала еще мучительней, когда она вспомнила о его достоинствах. Он был всегда добр. В век, когда на людях демонстрировалось рыцарство, а в интимной жизни царила жестокость, он всегда был с нею нежен и предупредителен. Он никогда не давал ей повода для вульгарной ревности. Он женился на ней и тем самым разрушил свою карьеру, которую теперь такими отчаянными мерами пытается восстановить. И в конце-то концов получается так, что это она своими собственными руками посылает его в эту опасную авантюру. Лиз зажгла свечу и босая сбегала вниз по лестнице и по коридору к нему в кабинет.

Он сидел у догорающего огня в камине. На столе стояли погасшие свечи, а те, что были на каминной полке, должны были вот-вот погаснуть. Уолтер сидел, опершись локтями в колени и положив подбородок на руки, и глядел на тлеющие угольки.

Он повернулся на звук открывающейся двери. Лиз не успела произнести заготовленные слова, как Уолтер, увидев ее босые ноги, вскочил с криком:

— Любимая, бедные твои ножки!

Он обнял ее за дрожащие плечи и усадил в свое кресло; взяв в руки ее ноги, он подержал их над огнем. Лиз уже не могла сдерживаться. Она в слезах уронила свое лицо ему на плечо, обхватила руками его голову, так что почувствовала уколы его жестких черных волос у себя на пальцах. Ралей так крепко прижал ее к себе, что пуговицы от его камзола оставили синяки у нее на груди. Их губы встретились в поцелуе, и он ощутил соль от слез на ее губах. Не было нужды ни в каких объяснениях. Он просто отнес ее наверх, в спальню.

И свою последнюю ночь они провели как любовники. А утром, накинув на голову шаль и взяв на руки малыша, она стояла под непрекращавшимся снегопадом и смотрела, как он садится на коня. Ралей наклонился к ней, в последний раз поцеловал ее и сжал ее руку своей теплой, ласковой рукой.

— Не бойся за меня, любовь моя. Человек обычно заранее чувствует, если идет на смерть. Я вернусь к тебе.

Он отпустил ее руку и надел перчатку.

В конце подъездной дороги Ралей обернулся в седле и помахал ей рукой. Она подняла пухленькую ручку мальчика.

— Помаши, Уолтер.

И вскоре пелена густого снега и стволы деревьев скрыли его. Сильный ветер рвал с нее шаль. Лиз повернулась и, покрепче прижав к себе малыша, поднялась по ступенькам в притихший дом.

Глава пятнадцатая
ГВИАНА. 1595 ГОД

Еще немного — и они поймут. Трещали от напряжения мускулы на груди гребцов, когда они налегали на весла; их голые торсы блестели от пота, и его прогорклый запах смешивался с запахом тухлых продуктов на барже.

Ралей встал и помахал руками.

— Это большая река, ребята. Это Ориноко.

— Все тридцать миль шириной, если измерить! — испуганно прокричал Кеймис.

— Зато она ведет в самое сердце «золотого города»! — крикнул Ралей.

Баржа и лодки вышли на сверкающее лоно великой реки, и все, в том числе и их лидер, облегченно вздохнули. Это была настоящая река, можно теперь и в «золотой город» поверить. День за днем, многие дни их мучили сомнения, а есть ли вообще большая река. Они блуждали среди бесконечных протоков, которые, казалось, текли во всех направлениях, даже вспять, по плоским, заросшим джунглями землям. Они задыхались, пробираясь на своих лодках сквозь зеленые туннели мрачной растительности, огромные деревья смыкались своими вершинами у них над головами, неба не видно было за множеством лиан, которые сплели живую, цветущую крышу из своих ветвей, переброшенных с одного берега на другой. Встречались такие места в этих протоках, где приходилось прорубать топорами путь через сплетение лиан. Но эта большая река протекала по открытой местности, и у людей, которые сникли было от недостатка воздуха, теперь захватило

дух от жуткой радости, и они продолжали продвигаться вперед.

Неожиданно их развлек вид голых индейцев, плывших на каноэ впереди них.

— Догоните их,— приказал Ралей,— они могут указать нам путь или по крайней мере продать свежие продукты.

Индейцы, явно смертельно напуганные, гребли что было силы, но, поняв, что от белых пришельцев им не уйти, выгребли быстро к берегу, вскарабкались на него и исчезли.

Лодки подошли вплотную к брошенному каноэ, и гребцы увидели, что в нем полным-полно каких-то плоских лепешек, напоминающих хлебные изделия, и сверкающей чешуей рыбы, еще копошащейся на дне лодки серебряной живой массой.

— Я выйду на берег,— сказал Ралей,— и осмотрю все вокруг. Вы тоже можете высадиться, разжечь костер и пожарить на нем рыбу. Если найду аборигенов, расплачусь с ними за нее.

— Не ходите один,— настаивал юный Гилберт, собираясь последовать за Ралеем,— они очень коварны.

— Если я пойду один, они увидят, что я не собираюсь им навредить,— возразил Ралей.— Оставайтесь здесь и проследите, чтобы справедливо распределили еду. И мне немного оставьте,— добавил он, потому что его соратники уже с жадностью набросились на плоские лепешки после нескольких недель диеты, состоявшей из наспигованных долгоносиками сухарей и жестких, как полено, кусков солонины.

Взбираясь на берег, он заметил, как менялся цвет почвы из темно-красного в голубоватый. Он сделал

зарубку в своей памяти, отметив про себя, что именно в таком грунте они должны искать золото. Ралей легко забрался на берег и совсем близко от него обнаружил индейскую деревню, очень хитро расположенную в расщелине, так что с реки ее невозможно было увидеть. Грязные маленькие хижины напоминали улы и по размеру были ненамного больше них. Возле некоторых из них, у низкого лаза горели небольшие дымящиеся костры, вокруг валялись разукрашенные глиняные горшки, там, где их в ужасе побросали обитатели домишек, когда всего пять минут назад подняли тревогу прибежавшие с реки рыбаки.

Ралей огляделся. Все дома пустовали, но он знал, что у индейцев не было времени уйти далеко, и он кожей ощущал, что из-за каждого куста, из-за каждого дерева, окружавших поляну, за ним наблюдают. Он сел на обугленный пенек и подумал, что дерево, которое за отсутствием топора свалили с помощью огня, теперь, возможно, было тем самым каноэ, которое они оставили на плаву возле берега. Он разложил перед собой ножи и резак, которые принес в знак доброй воли, и закурил трубку. Прежде чем она раскурилась, из-за кустов осторожно высунулись сначала одно коричневое лицо, за ним второе, потом еще и еще и уставились на него.

Вдруг откуда-то вылетел камень и ударил его прямо в висок. Он приложил руку к месту удара и, окровавленную, снова опустил ее, потом протянул обе руки, показывая, что безоружен, хотя у него под рукой блестили резак. Он постарался улыбнуться предполагаемому противнику. 'Снова наступила пауза.

Наконец из кустарника на открытую поляну вышел человек, робея, но исполненный любопытства.

Ралей не шевельнулся, хотя теплая, липкая струйка крови из пораненного виска стекала ему за воротник.

Скоро образовался круг голых, коричневых зрителей. Тогда Ралей сказал по-испански:

— Я пришел к вам как друг.

Но при звуках этого вызывавшего ужас языка почти на всех лицах отразился испуг. Он отрицательно покачал головой и повторил те же слова по-английски. При этом Уолтер улыбался и, снова протянув обе руки, показывал им на разложенные на земле подношения.

Никто даже не шевельнулся. Тогда он встал и отошел на некоторое расстояние, снова сел и наблюдал за ними. То один, то другой, потихоньку, индейцы подобралась к разложенным на земле товарам и стали с явным интересом и удовольствием рассматривать ножи и топоры. Но когда он опять поднялся и направился к ним, они быстро побросали вещи и разбежались.

Ралей поднял один из ножей и, держа его за лезвие ручкой вперед, предложил его таким образом ближайшему к нему человеку. После продолжительного колебания тот осторожно потянулся рукой за ножом. Рука еще повисела нерешительно в воздухе, потом обхватила ручку ножа и, когда Ралей отпустил лезвие, рванула его к себе. Индеец с любопытством рассматривал подарок. Его соплеменники окружили его, быстро лопоча что-то на своем языке. Он дал одному из них подержать нож, а сам бросился к своему дому.

Индеец тут же вернулся с клохчущей курицей под мышкой. Приблизившись к Ралею, он открутил ей голову и, еще трепыхавшуюся, положил к его

ногам. Затем он отступил на несколько шагов и стал наблюдать. Ралей поднял курицу и знаками показал, как он ее ошипывает, ест и после этого, улыбаясь, стал поглаживать свой живот, проявляя при этом все признаки истинного наслаждения. Тут наконец и индеец улыбнулся и что-то прокудахтал по-своему — мол, понял вас. Осмелели и все остальные, и скоро на месте ножей, резаков и топоров, мгновенно исчезнувших, лежал разнообразный набор рыбы, лепешек, кур и кусков свинины.

Затем индейцы собрались в большую толпу, как подумал Ралей, для того, чтобы представить ему свои подношения, но спустя некоторое время, в течение которого они что-то кричали и чуть ли не дрались, из толпы вышли два человека, держа за руки третьего. Пленник бурно и многословно протестовал. Один из державших его за руки наклонился и поднял с земли камень, которым недавно ударили в висок Ралея. Он вложил его в руку пленника, потом быстро несколько раз ткнул пальцем в индейца, потом в камень, потом показал на камень и на рану, причиненную им, досконально, жестами доказывая вину захваченного ими человека. Затем два надзирателя дали такого пинка виновному, что тот отлетел и упал на колени прямо в ноги англичанина. Индеец дико вращал глазами, испуганно смотрел на пришельца и что-то без конца тараторил. Ралей вытащил из-за пояса маленький кинжал с серебряной ручкой, несчастный страшно завопил и поднял руки, но не сделал никакой попытки как-то защититься или убежать. Гладкая серебряная ручка кинжала мягко легла в его расprostертую руку, Ралей дружески похлопал индейца по дрожащему плечу. Индеец робко

поднялся на ноги и кинулся бежать, а за ним и все остальные индейцы вскочили и с криками, как зайцы, пустились в другой конец поляны. Там они выстроились в круг и прошлись, кланяясь и отбивая голыми пятками ритм. Потом круг распался, и жители деревни последовали за другой группой людей, которая медленно направлялась к Ралею.

Во главе шествия выступал старик. Годы сильно согнули его, и он шел, опираясь на искусно распи-санный посох. Его длинные волосы, белые как лунь, свисали ему на плечи, образуя удивительную рамку для его коричневого, испещренного морщинами, как яблоко двухлетней давности, лица. Хотя все следо-вавшие за ним индейцы были абсолютно голы, он носил набедренную повязку, а плечи его покрывала материя того же цвета, что и набедренная повязка. На макушке у него развевался пучок из разноцвет-ных перьев. Без страха и без любопытства направ-лялся он прямо к Ралею, и ни его голые, покрытые пылью голени, ни явная дряхлость не могли унижить определенного достоинства, свойственного ему. Ста-рик остановился в пяти шагах от Ралея и на довольно сносном испанском языке проговорил:

— Я есть Топиавари, король Арромайи. Если ты пришел с миром, будь желанным гостем.

— Я пришел с миром,— очень серьезно ответил Ралей.

— От испанцев?

— Нет. Я из Англии.

— Ага. Я слышал об этой стране и о королеве, которая правит там. Она — враг Испании.

— Это верно. Думаю, это не помешает мне быть вашим желанным гостем, Топиавари.

Старик покачал головой, но продолжал настойчиво следить за ним.

— Незнакомец, который приходит к нам с миром, всегда наш желанный гость. Ты один?

— Тут недалеко еще с сотню моих людей, но все они мирные люди. Они едят вашу пищу.

— Вели им подняться сюда,— сказал старик, обернувшись в ту сторону, куда указывал Ралей,— и мы поедем все вместе, как принято у друзей.

Он повернулся к своим подданным, которые во время беседы тихо стояли в стороне, и сказал им что-то на своем языке. Индейцы кинулись к своим домам, кое-кто из них стал дуть на угли затухающих костров, другие взяли глиняные кувшины и отправились за водой, остальные убивали и ощипывали цыплят, нанизывали их на острые палки и держали над огнем. Скоро над всей деревней распространился аромат готовящейся пищи. Английские моряки оставили внизу свои лодки и поднялись в деревню. Старый Топиавари с раздувающимися как у хорошей гончей ноздрями ходил среди них, рассматривая их одежду, оружие, даже деньги в поисках признаков их испанского происхождения. Он склонял голову набок, прислушиваясь к их разговорам, в расчете уловить какое-нибудь испанское слово или выражение, которое выдавало бы их. Но к тому времени, когда зашло солнце и все было готово к празднику, он, казалось, успокоился, вернулся к Ралею, и разговор между ними пошел уже более доверительный.

Праздник устроили на открытом воздухе, потому что в деревне не было дома, который мог бы вместить всех местных жителей и восемьдесят человек

гостей, и, хотя преобладали дружественные чувства, оказалось, что как индейцы, так и белые лучше чувствовали себя в компании себе подобных. Ралей, Топиавари и Кеймис с двумя индейцами, которые пришли сюда вместе с королем, уселись немного в стороне от всех, и их обслуживали первыми и приносили им отборные блюда. И рыбу, и цыплят, и свинину раскладывали на разложенных на земле листьях или на круглых глиняных плошках. Глиняная посуда, на которой лежали лепешки и в которой подавали вино, была раскрашена в тех же тонах, что и первая трубка Ралея. Маленькие, тоже расписанные орнаментами плошки, наполненные маслом с плавающими в нем фитилями, освещали эту фантастическую сцену.

Выбирая самые простые испанские слова, понятные старому королю, Ралей рассказывал ему о взятии города Сент-Джозеф.

При упоминании имени Беррео старик нахмурился и плюнул в темноту за своей спиной. Когда он услышал, что город Беррео был разрушен, он засмеялся; а когда Ралей сказал ему, что испанец теперь его пленник, он стукнул кулаками по земле и захихикал.

— Беррео плохой человек. И жестокий. Он убил моего племянника, который был как сын мне. Конечно, никакой индеец не станет воевать за него. Он крал наших девушек или покупал их за дрянные топоры, которые после первого же удара ломались, а потом самых красивых и молодых продавал на Островах по сто пятьдесят песо. Все испанцы плохие и жестокие. Я, как видишь, старый человек. Каждый день я слышу зов смерти, но однажды они держали

меня, как собаку, на цепи семнадцать дней, три из них — без воды.

Ралей посмотрел на старика, такого трогательно-го в своей дряхлости и наделенного таким достоинством. Его поразительная фраза «каждый день я слышу зов смерти» запала в сердце Ралея-поэта. Он подумал о том, какому жестокому обращению подвергались тысячи таких, как Топиавари. Припомнил он и давние рассказы Харкесса о том, как индейцев загоняли во мрак подземных шахт, откуда они уже никогда не возвращались на свет Божий.

Сидя на зеленой поляне с куриной ногой в одной руке и лепешкой в другой, Уолтер окончательно решил, что когда эти земли будут заселены и он станет управлять ими — а Ралей был уверен, что наступит такой день, — с индейцами будут обращаться со всей возможной добротой и справедливостью.

— Вы что-нибудь слышали о золотом городе на западе? — спросил он Топиавари, вспомнив о своей настоящей миссии при мысли о планах на будущее.

— О да. Славный золотой город инков, в садах которого все цветы и листья из металла, который белые люди ценят выше всего. Это город Маноа, которым сейчас владеют испанцы.

— Вы уверены, что это действительно город?

— Насколько я знаю, да. Но мне говорили те, кто знает, что дальше на запад есть город, еще богаче этого. Они говорили, что он принадлежит умершему племени. Но у всех народов есть такие сказки. Когда я был у испанцев, я слышал о таком городе, они называли его Рай, там души праведников летают на крыльях, как птицы, над цветами, у которых никогда не опадают лепестки, а дороги на улицах вымощены

жемчугом. Слышал я и о другом городе, в котором все улицы пылают огнем и души грешников день и ночь ходят по пламени и не сгорают. Этот город называется Ад. Вы, наверное, слышали о нем?

— Я слышал о них обоих,— совершенно серьезно ответил Ралей.— Но мы попадаем в них только после смерти. А Маноа — реально существующий город. Я читал о нем в книге Мартинеса. Я буду рад посетить его.

— До него далеко отсюда, и, черт бы его побрал, в нем много испанцев. Я бы не хотел посетить его.

Ралей наклонился поближе к королю и, глядя ему прямо в глаза, заговорил тоном, самым убедительным, на какой только он был способен:

— Пошлите людей во все подчиненные вам племена и деревни, соберите всех ваших воинов, в том числе и женщин, которые владеют копьем, и тогда мы с вами, Топиавари. Ваши люди и мои, вместе мы сметем всех испанцев до единого с земли Маноа. И в обмен на золото ваш народ обретет мир.

Старик покачал головой.

— Это невозможно. Твоих людей, пусть они храбрые и хорошо вооруженные, слишком мало, и они состоят всего лишь из плоти и крови. Моих людей больше, но они стали слабы духом. Они, так же как и я, столкнулись со свирепостью и жестокостью испанцев и боятся их до смерти. И я слишком стар, чтобы сражаться, а моего племянника, который мог бы возглавить войско, убил Беррео. Это невозможно.

— Для смелого нет ничего невозможного.

— Так говорит человек, которого никогда не били. Мы не посмеем выступить против испанцев, даже ради того, чтобы воздать им за несправедливость.

Арромайя теперь может рассчитывать только на то, чтобы за то время, что ей осталось жить, не было войны и чтобы не осталось наших детей на страдания. Друг, посмотри внимательно вокруг. Много ли ты видишь малышей? Никого. Но наши мужчины здоровые, сильные, и наши женщины очень добрые. Но мы не пускаем пчелу на цветок, не пускаем все эти двенадцать лет. Лучше совсем не родиться, чем родиться и жить рабом, говорим мы. К тому времени, когда он,— король указал пальцем на одного из индейцев из его свиты,— достигнет моего возраста, Арромайи не будет. А ведь мои прапрапраотцы правили племенем еще тогда, когда луна была не больше звездочки.

Голос его задрожал, и он умолк. Вождь отвернулся от англичанина и тихо плакал. Ралей был потрясен, он положил свою руку на дрожащую руку старика.

— Держитесь, друг, и поведем наших воинов на Маноа. Клянусь, вы станете свободными, и еще успеете увидеть столько детей возле себя, сколько звезд на небе.

Снова Топиавари затряс головой, но теперь в его глазах был непреодолимый страх.

— Нет-нет. Мы битые люди. Юные народы, как солнце, поднимаются на Востоке, и как солнце, старые народы умирают на Западе. Где теперь инки, или ацтеки, которые были до них, или майя? Их больше нет. Не будет и Арромайи. Вы можете разбить испанцев и стать правителями вместо них. Но придет более молодой народ и разобьет англичан, и тогда, увидев тело сына своего, вы поймете, что то, что я сказал тебе сегодня вечером, правда. Не неволь меня больше.

— В моей стране говорят, что старый конь борозды не портит, Топиавари, и урожай бывает хороший. Я предлагаю тебе оружие и мужество молодой нации. Немного мужества — и вы получите свободу для своего народа.

Но Топиавари сказал свое последнее слово:

— Не неволь меня больше.

И теперь страх переполнял его голос. Настойчивость Ралея подавляла его. Он, по всей видимости, чувствовал, что его втягивают в бессмысленную авантюру, которая лишит его народ даже той крохи мира, которая сохраняется лишь благодаря их кротости и безвестности.

Но, несмотря на то, что его чувства были омрачены страхом, по отношению к Ралею они оставались дружественными.

Масло в плошках кончалось, и ночь неумолимо надвигалась на их крохотный круг света. Топиавари коснулся своим коричневым пальцем виска Ралея в том месте, куда попал брошенный индейцем камень. Он обратился к одному из своих приближенных и что-то сказал ему на своем языке. Тот встал и поспешил в один из домиков. Он вернулся с глиняным, закупоренным пробкой кувшином в руках — изумительно раскрашенным и разрисованным изделием. Индеец осторожно вложил сосуд в руку короля и снова присел рядом. Топиавари откупорил сосуд и понюхал его содержимое.

— Это секретная мазь, — сказал он и протянул его Ралею. — Не скупясь наложи ее на рану или на места укусов насекомых, которые ты и твои спутники так по-глупому расчесываете, что превращаете их в гноиники. Я расскажу тебе, как приготовить такую мазь.

Об этом мы никогда не говорим испанцам. У них один клич — золото, и они, ради того чтобы выудить из нас будто бы известные нам сведения, пытали нас самым мучительным образом. Но они никогда не спрашивали у нас, что мы знаем о травах, и мы никогда не говорили им об этом, хотя это могло бы спасти жизнь многим из них, это надежное средство против ран, способных разбить сосуд жизни. Есть у меня еще и смесь, которая излечивает все болезни тела, а родить ребенка с его помощью все равно что сорвать с дерева зрелый плод. И про это лекарство я расскажу тебе, потому что ты разочаровался во мне за то, что я отказался отправиться с тобой в это отчаянное путешествие, и для того, чтобы, когда ты вернешься в свою страну, ты вспоминал Топиавари и не совсем презирал его при этом.

И человек, который сделал все — сначала чтобы установить дружеские отношения с индейцами, а затем обратить их в своих союзников, сел писать под диктовку Топиавари способы изготовления различных снадобий. Обманутый в своих ожиданиях, Ралей страдал и от разочарования, и от усталости, но, видя перед собой в гаснувшем, неверном свете лицо старика, он понимал, что индеец делится с ним чем-то очень ценным для себя; и отчасти из жалости к старику, отчасти из простого любопытства заставлял себя аккуратно записывать рецепты лекарств и переспрашивал индейца, просил объяснить ему все, что сразу не схватывал.

Но даже это показалось старому вождю мало для возмещения нанесенной им, как он полагал, обиды. Так что, когда наконец праздник закончился и индейцы, обитавшие в этой деревне, стали делиться

своими одеялами и циновками с теми, кто пришел к ним вместе с Топиавари посмотреть на странного белого человека, король подошел к Ралею и сказал:

— Пойдем со мной.

Он привел его в хижину, стоявшую немного поодаль от остальных, и, пригнувшись, они прошли в низкую дверь. Три маленьких светильника слабо освещали ее внутренность, но казались при этом яркими бриллиантами после царившей снаружи крошечной тьмы. На грязном полу сидела юная индианка и нанизывала на нитку алые бусы. Поднимаясь с пола, она уронила их на пол, и они рассыпались у ее ног. Индианка робко приблизилась к Ралею.

— Испанцы забирают наших женщин и страшно оскорбляют нас,— сказал Топиавари.— Но эта девушка принадлежит мне, и я приготовил ее для тебя. Было время, когда я предложил бы тебе выбрать любую из дюжины, но едва ли найдутся теперь среди них девственницы. Однако возьми. Она твоя.— Перейдя с испанского на родной язык, он тут же что-то сказал девушке. Она кивнула в ответ и прошептала несколько слов. Топиавари взял ее за подбородок и приподнял ее голову.— Она прекрасна,— сказал он, удивляясь молчанию Ралея.

— Да, она прекрасна,— повторил за ним Ралей.

Он смотрел не на ее плоское испуганное коричневое лицо. В желтом свете ее только что умащенное маслами тело блестело, подобное бронзе, у нее были стройные коричневые ноги, а бедра и грудь были как у той девушки, которая когда-то давно на постоялом дворе лишила его невинности. Лиз была далеко от него, да и, возможно, пройдут месяцы,

прежде чем он вновь увидит ее. Ралей почувствовал аромат масел, которые делали ее тело таким блестящим; и от сладострастного запаха у него закружилась голова. Он уже не был мальчиком и, хотя его любовь к Лиз одержала верх над его амбициями, не относился к числу тех мужчин, для которых женщины значили все. Но здесь, в этой чужой стране, в компании с королем, для которого подарить девственницу гостю значило то же, что в знак гостеприимства накормить его хорошенько мясом и напоить крепкими местными напитками, он вдруг ощутил в себе дикаря, который как-то умудрялся прятаться за одеждой и речами цивилизованного человека. С какой вековой мудростью готовили ее для него! Каким крепким и податливым будет ее тело! В какое-то мгновение он возжелал ее, готов был, как говорил сам Христос, на прелюбодеяние. Но не воспоминание о Лиз остановило его, его остановила мысль о его миссии.

— Я не один, со мною восемьдесят мужчин, Топиавари, и наша цель стать друзьями индейцев. Ради достижения этой цели я запретил всем моим товарищам, как бы их ни соблазняли, дотрагиваться хотя бы пальцем до ваших женщин. И я не могу нарушать правила, которые установил для всех остальных. И тем не менее оттого, что я не могу принять вашего подарка, моя благодарность не станет от этого меньше.

— Кто узнает? — лукаво спросил старик.

— Я сам буду это знать, Топиавари, и тогда в моих приказах будет недоставать убедительности.

— Из таких, как ты, выходят короли, — сказал индеец просто.

Девушка стояла, наблюдая за ними. Она не понимала, о чем они говорят, но каким-то образом до нее дошло, что ту обязанность, о которой говорил ей Топиавари, ей не придется выполнять. Она склонилась над полом и стала подбирать рассыпавшиеся алые бусы. Вид узкой коричневой спины и согнутых маленьких коленок побудил Ралея опять обратиться к старику.

— Скажите ей, что виновато табу, а не она, что она вполне пригожа,— попросил он.

Топиавари перевел ей слова Ралея, и она одарила его ослепительной улыбкой в ответ.

Они вышли из хижины, и король пожелал доброй ночи своему гостю.

Ралей долго не мог уснуть. Он лежал на спине на мягкой шкуре, которую ему постелил один из индейцев, и глядел в усеянное звездами небо. В темноте из-за деревьев слева поднялась луна, большая и красная, потом она пожелтела, поплыла над поляной и, наконец, скрылась за деревьями справа. Он думал о Лиз, о том, как лежит она теперь в одиночестве, бледненькая, беспомощная и далекая, как цветок, утопленный в глубоком пруде. Но в то же время она была менее реальной для него сейчас, чем манящий к себе город на не обозначенной ни на каких картах реке или королева, которую он видел внимающей его рассказам о взятии города. Он думал о Топиавари и его печальном смирении перед падением его народа. Так и сам он мог остаться в ожидании своего смертного часа в Шерборне. Что же это такое, что так неодолимо влечет к себе некоторых людей? Была ли

это жажда похвал со стороны соотечественников, такая банальная и проходящая, как с горечью отзывалась о ней Лиз? А может, это предначертание, согласно которому они должны сыграть свою роль в драме человечества? Предположим, Колумб предпочел бы остаться на одной из узких улочек Генуи, чинить там сети и попивать вино или Христос удовлетворился бы жизнью сапожника в лавочке Назарета... Нет, его жизнь, образец всех человеческих жизней, была предначертана во всех ее деталях, с самого ее зарождения, со всеми странствиями, со всеми трапезами, со всеми произнесенными им словами она была предопределена и известна где-то там, кому-то, даже еще до того, как Мария почувствовала всколыхнувшуюся в ее чреве жизнь. Если это мог один, почему не могут все? И кто же этот режиссер, который наделяет некоторых людей такими трудными ролями? Например, этих индейцев; или рабов из Марокко на галерах; или гугенотов во Франции. Уж не для развлечения ли все это какого-нибудь бессмертного театрала, который и сейчас смотрит на эту Богом забытую поляну среди диких лесов и, видя, что он не спит, думает: «Ралей разговаривает сам с собой»?

От старания разгадать непостижимое голова у него пошла кругом. Он оставил свои тщетные попытки, как до него делали многие другие философы, перевернулся на бок и заснул.

Ралей не слышал, как индейцы Топиавари тихо перебирались от хижины к хижине, поднимая спавших, не слышал и их крадущихся шагов, когда они, нагруженные едой и скарбом, пробирались мимо него

на тропу, ведущую через скалы и заросли кустов в деревню короля. Когда проснулся первый из англичан, весь поселок был пуст. Топиавари ненавидел испанцев и готов был полюбить Ралея, но любовь его не была настолько сильной, чтобы победить страх, и ни один из его индейцев не проявил желания сесть в одну из лодок англичан для похода с ними вверх по реке и тем самым навлечь на свое племя гнев испанцев.

— Простите, сэръ Уолтер,— сказал Кеймис,— но так думают все, и я согласен с ними.

Ралей, трясущимися руками удерживая подбородок и стараясь не стучать зубами, с трудом проговорил:

— Прошу, еще один только день, Кеймис. Город не дальше, чем на расстоянии одного дня пути. В конце концов, это всего лишь дождь, ну и гром иногда. Это не может повредить им.

— Ну хорошо, доберемся мы туда, и что потом? Половина наших людей больна, и все мы умираем от голода. И подумайте о себе наконец: при такой лихорадке вам надо лежать в постели.

— Мне необходимо там побывать. Кроме нескольких мешков с золотом я должен привезти в Англию еще кое-что. Ну пожалуйста, еще один день, Кеймис. Я бы сам поговорил с матросами, но мне ненавистна сама мысль, что они увидят меня в таком состоянии.

Кеймис посмотрел на вздувшиеся воды реки, мчавшиеся мимо их лодок, которые не могли продвигнуться вперед против течения ни на дюйм. «Он совсем

сошел с ума,— подумал Кеймис,— но надо как-то успокоить этого сумасшедшего».

— Ладно, сделаю все возможное,— сказал он.

Ралей сжал обеими руками голову и продолжал неотрывно смотреть вверх по течению реки.

Прошли сутки.

Кеймис заявил:

— Простите, но с нас хватит. Последний шторм окончательно доконал нас. На каждого человека осталось по полпорции хлеба, и если вы не отдадите приказ поворачивать назад, я сделаю это за вас. С нашей стороны было безумием разрешить вам так далеко завлечь нас.

Ралей встал. Дрожащим голосом, перекрывая рев реки и шум дождя, он прокричал:

— Вам кажется, что вы пропадете здесь и умрете с голоду? Я докажу вам, что вы не правы. Я пешком доберусь до Маноа и принесу вам еду. Кто со мной?

Ни один голос не раздался в ответ, только по-прежнему редела река и шумел дождь. И вдруг юный Гилберт, пока еще не растерявший ни чувства жалости, ни фанатизма, встал:

— Я пойду.

И вслед за ним бас старого Уиддона:

— Раз уж ты такой дурень, я с тобой.

Прошло еще шесть часов.

— Вон там, впереди. Неужели не видите? Хрустальные и гиацинтовые ворота, и двадцать четыре башни из слоновой кости, и серебряные коло-

кола на них. Они звонят, приветствуя нас. Маноа, Маноа!

— Бери его за ноги, Гилберт. И Бог нам в помощь! Мы с тобой вымотались окончательно.

Они вытащили Ралея из грязи, уже засасывавшей с бульканьем его тело, и, по колено в этой хляби, а иногда и проваливаясь в нее по грудь, побрели к берегу и притащили командира к лодкам, которые уже выстроились, чтобы плыть вниз по реке.

Через три дня бушующие коричневые воды реки вернули их к месту расположения индейской деревни.

— Гребите к берегу,— велел Ралей,— цепляйтесь за него с помощью весел, веток и всего, что под руку попадет. Тут мы по крайней мере достанем еду.

Весь дрожа с головы до пят от лихорадки, он кое-как выбрался с баржи и вскарабкался на берег.

На маленькой поляне стояла знакомая деревня, абсолютно пустая. «Индейцы, вероятно, бежали от реки подальше на время дождей»,— подумал он и содрогнулся от ужаса. Если так, он стал невольным убийцей восьмидесяти человек, доверивших ему все, вплоть до своей жизни. До Тринидада, несмотря на бешеную скорость речного потока, они доберутся не раньше, чем умрут с голода. И все-таки стремительный поток стал их спасителем. Он пронес их со скоростью больше ста миль в день вниз по реке, с ужающей силой швыряя суденышки от берега к берегу, грозя каждую минуту поглотить их.

Ралей пригнулся у входа в крайнюю из хижин и приподнял край соломенной циновки, спасавшей ее

от непрекращающегося ливня. Он ничего не смог разглядеть: воздух внутри хижины был такой спертый и продымленный, что Ралей почти ослеп от слез и уже подался было назад в отчаянии от вновь постигшего его разочарования, когда раздался голос женщины. При этом звуке Ралей чуть не зарыдал от радости. «Топиавари»,— сказал он. Это было единственное слово на их языке, которое он знал, и оно должно было помочь ему объяснить ей, пусть даже на английском языке, что он не совсем чужой им. Но и на этот раз фортуна была на его стороне. Не сказав ни слова, женщина отвязала циновку от притолоки и, укрыв ею голову, словно большой, квадратный гриб, вышла наружу и знаком предложила Ралею следовать за ней. Они прошлепали по грязи до какой-то хижины, женщина остановилась и указала англичанину на дверь. Ралей приподнял циновку и лицом к лицу столкнулся с королем.

— Мой друг,— воскликнул старик,— как ты поживал?

— Дьявольски плохо,— сказал Ралей,— и если вы, Топиавари, не накормите нас, мы все умрем с голоду.

— Это счастье, что я оказался здесь. Я пришел сюда двенадцать дней назад, чтобы уладить тут кое-какие споры, и не смог уехать из-за дождя. Но расскажи мне, как ты поживал.

— Мои люди с невероятным трудом удерживают лодки у берега,— сказал Ралей.

Топиавари тут же встал.

— Я прикажу, чтобы каждый дом выделил по горсти муки,— сказал он.— О большем я не могу просить их. У них самих осталось очень мало, а в такую

погоду мужчины не могут выйти на охоту. Боюсь, ни мяса, ни рыбы не будет.

Он подошел к двери и прокричал что-то. Появился человек с циновкой на голове и тут же убежал выполнять поручение.

— Ну а теперь скажи мне — дошли вы до города? — спросил король.

Ралей покачал головой.

— Нет. У нас кончилась еда, и пошли дожди. Люди были напуганы — и не мне винить их за это. Я попытался дойти до него по суше, пешком. Я точно знал его местоположение. Но меня свалила лихорадка, и если бы два верных товарища не притащили меня обратно к лодкам, я бы умер там. Но все это уже позади. В будущем году я приду сюда с более солидными запасами продовольствия и с большим количеством людей и снова буду у вас, Топиавари, и вы присоединитесь ко мне.

Старик покачал головой.

— Для такого старого человека, как я, глупо строить планы на год вперед. В будущем году я встречусь со своими покойниками. А за своих соплеменников я ничего не могу обещать. Пуганный бык ярма не сбросит. А ты даже можешь навлечь на нас беду. В присутствии какого-нибудь испанца, который понимает твой язык, ты случайно можешь сказать: «Топиавари накормил нас. Он был беден, но дал нам то, что сам имел». И тогда испанцы сразу же нападут на нас со словами: «У вас хватает еды, чтобы раздавать ее налево-направо? Тогда отдайте ее нам». Или: «Такое гостеприимство говорит, что ты богат, Топиавари; покажи нам, откуда берутся твои богатства, или мы выколем тебе глаза». И когда в будущем году ты

вернешься, ты не найдешь среди моего народа ни одного человека, который пожелает тебе добра. А, ладно, ты, должно быть, не видишь в нас ничего другого, кроме радушно предложенной тебе горстки еды или, возможно, нашего ночного набега на твоих врагов.

Сидя на полу, он сложил свои тонкие руки у себя на груди и, казалось, целиком погрузился в себя. В его голосе, позе, полных безысходности, было для Ралея что-то невыразимо трагичное. Его чувства, обостренные собственными неудачами и физической слабостью, натолкнули его на мысль, что король индейцев взвалил на свои щедедушные плечи груз всех просчетов его племени, вопли всех потерпевших крушение на этой земле. Дождь продолжал шелестеть по крыше, просачиваясь через дырки на глиняный пол хижины. Казалось, опустел весь мир и остались только манившие в трясину болотные огни.

Индеец, посланный королем за милостыней для Ралея, вернулся, неся в каждой руке по полной корзине. Он поставил их перед англичанином, и они немного посторонились, чтобы Ралей мог разглядеть темную маисовую муку, находившуюся в них.

— Не могу передать вам, как я благодарен. Но я за нее заплачу, если не вам, то вашему народу, — сказал Ралей.

— Не за что, — сказал Топиавари, его удрученное лицо осветилось улыбкой.

Ралей вдруг вообразил себя в своем кабинете в Шерборне, горели свечи, Лиз сидела за своим вышиванием, и на мягкой шкуре медведя перед ярким огнем очага играл маленький Уолтер. Даже если королева отвергнет его поползновения и с презрением

откажет ему в своем обществе, все это останется при нем, а также его поля, его книги, его друзья и его неистребимые надежды. У Топиавари не было ничего. Ни его доброта, ни его необычайный интеллект, ни его врожденное достоинство — ничто не могло утаить того факта, что он всего лишь почти абсолютно голый дикарь, восседающий в грязи в ожидании собственной смерти. И, однако, будучи сам беден как церковная крыса, он наделил едой пришельцев, которые не могли ему дать взамен ничего, даже слабой надежды.

Самый саркастический и тонкий человек Англии, бывший любимец Елизаветы, завсегдатай самого блестящего, циничного двора Европы, видел мысленным взором, как горсти грубой, темной муки сыпались из рук людей, настолько нищих, что ни один европеец не смог бы по-настоящему понять это слово в применении к индейцам. Он вообразил, как коричневые руки голодных индейцев горстями вынимают свои сокровища из полупустых кувшинов, возносят их над корзинами и разжимают ладони. Подобно мучившей его тело лихорадке, что-то больно сдавило ему горло. Ралей снял со своего похудевшего пальца кольцо со своей печатью и, приподняв трясущуюся руку Топиавари, надел его на один из его грязных пальцев. Потом он обнял сутулые плечи короля и поцеловал его в обе щеки.

— Друг мой Топиавари, я вернусь в будущем году. И со мной будет большое войско, и я освобожу тебя. Живи ради меня и ради этого дня.

— Да расцветут все твои надежды, да будет каждый твой день радостным для тебя, и да почиешь ты в мире! — сказал ему старик.

Подняв с пола нагруженные корзины, Ралей наклонил голову, выбираясь наружу через низкую дверь хижины. Слеза — то ли от слабости, то ли от только что пережитого — скатилась по его щеке. Ему нечем было смахнуть ее — обе руки были заняты, — и дождь поглотил ее, как и его следы, оставленные им на обратном пути к барже.

Наблюдая за своими жадно поглощавшими мокрую муку и при этом не прекращавшими борьбу со взбесившейся рекой соратниками, он подумал о том, что у него есть что предъявить королеве и обществу в доказательство его трудов: его карты, образцы золота, налаженные с индейцами дружеские отношения. Нельзя считать их экспедицию полностью провалившейся. И всегда остается еще и завтрашний день.

Корабли стояли там, где он оставил их. Когда Ралей поднялся на борт, его встретил Флаудье.

— Все в порядке, сэр, и мы готовы отплыть. Докладывать не о чем, кроме...

— Кроме чего еще? Не держите меня в неведении.

— Сбежал Берreo, сэр. Трое наших спустили лодку, чтобы пойти порыбачить. Разразился шторм, и они укрылись от него на берегу. Когда шторм кончился, они не нашли ни лодки, ни пленника. Мне ужасно жаль...

— Да ладно, — сказал Ралей, — я и так не знал, что с ним делать. Формально мы не находимся с испанцами в состоянии войны, и у нас нет права брать пленных. Так что — скорее в путь!

И он бросился на свою узкую койку. И не было в мире постели мягче этой.

Глава шестнадцатая
ЛОНДОН. 1595 ГОД

Шекспир ласково погладил обложку книги «Открытие Гвианы».

— Хотел бы я, чтобы мой еврей так же переплетал мои книги,— с чувством зависти сказал он.— Испытываешь наслаждение, беря ее в руки, да и при чтении не меньшее.

Ралей печально улыбнулся. Он сам написал книгу и сам же выбирал для нее переплет и шрифты с таким же тщанием, с каким составлял ее текст. Весь этот труд он готовил как подарок королеве, но до сих пор не услышал от нее ни слова и был в неведении, видела ли она вообще его книгу.

— Вы мне позавидовали? — спросил он.

— О, страшно,— ответил Шекспир.— Я долго поджидал вас в «Русалке», чтобы сказать, как сильно я вам завидую. Но вы все не приходили, и я вынужден был отыскать вас в вашем логовище.

— Рад, что вы сделали это. Я чувствовал себя одиноким и страдал от скуки, но в «Русалку» я больше не пойду. Один раз я дошел до самых ее дверей. Но клубы созданы для молодых людей, не для таких, как я: мне в каждом кресле мерещится привидение.

Шекспир бросил на него пронизывающий взгляд. Ему показалось, что Ралей имеет в виду Марло. Он успел забыть о Сиднее и обо всех других, кого из любимых мест их юности отозвали смерть или бизнес. Было время, когда и он стал избегать «Русалку», время, когда из темного угла таверны вдруг выглядывало лицо Марло и по лестнице разносился его крик: «Подожди меня, Уилл, я с тобой». Потому что

смерть Марло тяжким бременем легла на его совесть, как будто он своею собственной рукой нанес ему роковой удар. Уилл знал, — но знал один он! — что если бы захотел, то мог бы спасти Марло. Было время... Но мозг художника подсказал ему лекарство от подобных переживаний. Страшные события своей жизни он стал обращать на пользу себе же, и сцена «На пиру» в «Макбете» навсегда изгнала дух Марло из его жизни.

«Сгинь! Скройся с глаз! Вернись обратно в землю!
Застыла кровь твоя, в костях нет мозга...

...Исчез!

Я снова человек...—

писал Шекспир, и не кривил душой. Больше Марло не насмеялся над ним из темноты, и на лестнице «Русалки» не звучал больше его голос. И он спросил Ралея:

— Ты имеешь в виду Марло? Он сам накликал на себя смерть. Разве я сторож брату своему? Нет места призраку его за моим столом.

Ралей не упустил пронизывающего взгляда Шекспира и был поражен его скоропалительным предположением о том, что разговор идет именно о Марло. Он вспомнил, что слышал о том, что Марло убили во время драки в таверне, но как-то не придавал этому особого значения. По манере поведения Шекспира он понял, что что-то в этой истории было такое, что давало основание Уильяму упрекать себя, но тут же он позавидовал ему, как человеку, умеющему так контролировать свои чувства, что ему даже не приходится притворяться невинным. «Нет места призраку его за моим столом» — звучит как заклин-

нение. Но если он может заставить замолчать свою совесть, почему бы ему, Ралею, не усмирить назойливое честолюбие, которое грызет его день и ночь?

— Я не знаю, как все это было, Уилл,— сказал Ралей,— но расскажите, как вам удалось избавиться от его призрака?

Шекспир, прежде чем ответить, взял в свою прекрасную руку стакан из венецианского стекла и вновь наполнил его вином.

— Доверьте лежащему перед вами листу бумаги то, что не дает вам житья. Если вы наберетесь терпения и выслушаете меня, мы с вами разберем ваш случай. Вам покоя не дает желание свершить что-то великое, желание прославиться — или иначе: вас будоражат ваши честолюбивые притязания. Если вы назовете себя другим именем, поставите наделенного этим именем человека в какие-то иные обстоятельства и напишете его историю, историю амбициозного человека с вашими честолюбивыми устремлениями, но с его мотивировками, ничуть при этом не щадя себя, тогда ваши честолюбивые притязания заживут самостоятельно на этом листе бумаги. А поскольку ничто не возникает из ничего, ваши страдания смягчатся, потому что часть их от вас перейдет к описанному вами герою. Возможно, это не совсем обычная концепция, но я на собственном опыте доказал ее дееспособность. Человек способен распилить дерево или соорудить скирду и остаться при этом, если не считать выступившего у него на теле пота, точно таким, каким он был до того, как взял в руки пилу или вилы. Но с явлениями, не столь материальными, касающимися нашего разума, дело обстоит совсем иначе. Разве сам Христос не сказал:

«Добродетель исходит от меня», когда женщина с сильным кровотечением коснулась его одежд? В том случае благодать поступала по какому-то невидимому каналу, который, хотя и был так же реален, как русло Темзы, возможно, не был так достоверен для людей. И я писал о любви, пока во мне не осталось ни капли любви; я был молод тогда и жалел, что так должно случиться. Но теперь, в зрелом возрасте, я радуюсь возможности написать, пока талант писателя еще не оставил меня, о том, что угнетает мою душу, и таким образом освободиться от этого.

Он поднял свой стакан и залпом осушил его.

— Но тогда,— сказал Ралей,— если следовать вашей теории до конца, можно дописаться до своего полного опустошения. В вас не останется ничего из того, что составляет вашу сущность. Со временем вы превратитесь в ничто.

— Отнюдь. Мозг человека это вам не свиной пузырь, который ребятишки, привязав за бечевку, гоняют по улицам. Скорее это грифельная доска. Что касается моей «грифельной доски», с нее постоянно все стирается. Но жизнь снова заполняет ее своими письменами, и человек возрождается, но уже совсем другим.

Ралей обдумывал услышанное; в чем-то Шекспир был прав, а в чем-то и заблуждался.

— Уилл, как это вы, такой умный человек, так невероятно равнодушны к своей карьере? — произнес он наконец.— Если бы я умел писать так, как вы, я постарался бы заставить весь мир валяться у меня в ногах. Я добился бы того, чтобы меня принимали в королевском дворце. Я голодал бы день и ночь, только бы завоевать признание королевы.

Растущая постоянно куча рукописей у меня на столе раздражала бы меня, как заноза в заднице.

— Всею свое время,— спокойно заметил Шекспир, опять поднимая стакан с вином.— А если когда-нибудь тщеславие начнет терзать меня, я его опишу на бумаге. Я напишу о карьеристе, который разрушил собственную жизнь из честолюбия; возможно, прототипом будет Уолси. И я разоблачу тщеславие, я напишу: «ангелы пали от этого греха». И шлюха будет подглядывать через мое плечо и скажет: «Этот человек слишком хорошо разбирается во мне», и исчезнет с глаз долой.

Первый психолог страны наклонился над каминной решеткой и выбил свою трубку; затем он повернулся к хозяину дома и улыбнулся.

— Но я пришел сюда не для того, чтобы говорить о себе. Я пришел сказать вам, что прочитал ваше «Открытие» с большим интересом и с удовольствием. Королева как-нибудь отозвалась о книге?

— Нет. И никогда этого не сделает.

— Возможно, в открытую и не сделает. Однако есть и некое утешение для вас, если вы в нем нуждаетесь. Если бы королева не знала ничего о вас, если бы она в глубине души не опасалась, что если увидит вас, то забудет свой гнев, она бы послала за вами. Будьте уверены, каждое написанное вами слово о том, как можно завоевать Гвиану и удерживать ее в своих руках силами трехтысячной армии, глубоко запало в голову королевы, в ее хранилище идей. Пока вход в него для вас закрыт, там бушует ярость, царит ералаш, но придет час, когда возникнет нужда, и она обратится к своему хранилищу и обнаружит там ваше имя. Она, возможно, холодно посмотрит на

него, но вытрясет из него пыль и воспользуется им. Запомните мои слова.

Ралей посмотрел на своего гостя. Он вдруг понял, что перед ним сидит человек, знающий о мыслительном процессе других людей и о собственной мыслительной деятельности больше, чем дано простому смертному. И при мысли об этом он вдруг увидел перед собой лицо пророка. Большой широкий лоб, на котором уже появились залысины, а эти огромные, ясные, внимательные глаза могли бы принадлежать и Моисею, и Самуэлю. Удивительно приятно было сознавать, что Шекспир верит, что королева когда-нибудь вспомнит о нем, Ралее. Неведомо как, но Уилл, возможно, знал это. И в этом же его проникновении в суть вещей, вероятно, заключалось объяснение тому, что он, всегда оставаясь в неизвестности и с пустыми карманами, спокойно смотрел на свою судьбу и нищету и при этом говорил: «Все мое время». Самому Ралею никогда в голову не приходили ни такие мысли, ни такие слова. Как в свои двадцать лет он нетерпеливо ждал признания своих заслуг, так и теперь, в свои сорок три, он был так же нетерпелив. Уолтер с грустной усмешкой вспомнил, как он горько переживал, когда Лестер не упомянул его имени в своем рапорте в связи с захватом фургона с золотом герцога Альбы. И с тех пор в той или иной степени горечь подобных переживаний всегда оставалась при нем.

— Все это хорошо для вас, Уилл,— сказал он, отвечая скорее на свои мысли, а не на последнюю реплику гостя.— Ваш труд такого свойства, что может и подождать. Ведь еще не рожденные поколения будут читать ваши книги и играть ваши пьесы, на

слаждаться вашей поэзией и черпать мудрость из ваших произведений. А я, если уже сейчас не достигну того, к чему стремлюсь, войду в историю — если вообще войду — как человек, настолько ослепленный любовью к королеве, что бросил в лужу перед ней свой плащ, чтобы только она не замочила свои ножки.

Шекспир расхохотался.

— Вы на самом деле так поступили? Ну, с такой очаровательной историей вас никогда не забудут. Особенно если ваши летописцы еще и добавят: «Ударив галантного юношу своей тростью по плечу, королева воскликнула: — Вставайте, сэр Уолтер». Надеюсь, этого не случилось?

Ралей тоже невольно рассмеялся.

— Едва ли. Ну а теперь, что вы думаете о ней? О королеве, я хотел сказать. Вот и работка для вашей проницательности.

— Она просто обычная, разумная женщина с головой на плечах. Половина деяний, из тех, что все называют ее макиавеллиевским государственным правлением, на самом деле не больше, чем женские хитрости, но хитрости королевы. Коварная женщина! И, не будучи такой уж умницей, один раз она все-таки провела меня. Сэр Уолтер, мужчины были мудры, когда оставляли женщин за закрытыми дверями нянчить маленьких детей. Спаси нас Господь, если они выйдут оттуда. Судья-женщина, например, перехитрит самого сатану.

Взглянув на Шекспира, Ралей вдруг заметил, как странно изменилось его лицо. Глаза расширились, и в них мелькнула вспышка, мгновенно погасшая. Драматург быстро поднял стакан и осушил его. За-

тем, явно не желая продолжать беседу, он встал со стула и, сам будто во сне, пожелал Ралею спокойной ночи.

Откуда было знать Ралею, что это Порция, словно Минерва из головы Юпитера, родилась в тот миг в полном своем облачении в голове Шекспира.

Глава семнадцатая

КАДИС И ЛОНДОН. 1596 ГОД

I

На полированный стол, за которым сидели члены Тайного совета, падал слабый январский свет. В обоих концах зала в каминах горел огонь, едва ли прогревая воздух, который казался холодным и тяжелым, как вода в проруби. Королева сгорбилась и потихоньку терла и согревала свои руки у себя на коленях. Беркли произносил речь, и она смотрела на него, прислушиваясь к его рассказу о болезни короля Испании, но видела перед собой что-то иное, а не хитрое старческое лицо министра. Она видела перед собой новые длинные галереи Эскуриала и умирающего в них мужа вечно недовольной своей сестры Марии, слышала его последний вздох и вместе с ним — его призыв к народу поспешить и последним усилием сокрушить этого ренегата — протестантскую Англию, чтобы клятва его не осталась невыполненной после его смерти. Он ведь поклялся, этот медлительный, очень серьезный человек, что вернет истинную веру и церковь в Англию, и во имя достижения этого, подумала Елизавета, слегка вскинув

подбородок, он устроил этот брак без любви с бедной Марией, а потом напрашивался в поклонники к ней, ее сестре, но, будучи отвергнут, согласился на роль непримиримого ее врага. И вот теперь он умирал. И на какое-то мгновение в ней пробудилось что-то, похожее на жалость к нему. Будто заболел почти что друг — так хорошо она знала его. Его сомнения, припадки решительности, даже упрямая, старомодная привязанность к своим громоздким, тяжеловесным галионам в тот миг показались ей, женщине, которая занозой сидела у него в мозгу, милыми чертами его характера. И тем не менее его следовало разгромить. Она отбросила прочь мысль о том, что она и все эти люди собрались тут, чтобы затеять войну против человека, который сейчас, может быть, уже мертв. Какая чепуха! Филипп мог умереть. Но есть Медина-Сидония, есть приближенные короля — доны Испании, и аббаты, и кардиналы, и за всеми ними — архивраг, сам папа, все они остаются жить, и они могущественны и опасны. Беркли закончил речь, и королева подняла руки и стукнула ими по столу, затем ровным, бесстрастным голосом, специально припасенным для выступлений на Совете, она начала говорить.

— Я согласна с мнением лорда Беркли, которое он с такой неохотой воспринял. Войне быть. Но я не считаю, что мы пойдем на нее в одиночку. Как вы только что слышали, король Испании намерен напасть на Ирландию. Он полагает, что это самое уязвимое место в нашей обороне. Но у него самого есть еще более уязвимое место. Нидерланды. О нет, — быстро отреагировала она, услышав возгласы на другом конце стола: «опять эти 82-й и 85-й годы», —

я не предлагаю снова проливать кровь англичан у Зютфена. На сей раз, я полагаю, Нидерланды должны помочь нам. Мы уже не раз предоставляли в их распоряжение наших солдат и деньги. Они должны нам солидную сумму. Берега нашей страны всегда служили убежищем для их иммигрантов. В Левинхэме они производят свое сукно, в Норвиче красят свои шелка.— Ей незачем было напоминать лордам о том, что это их гостеприимство было отнюдь не благодеянием. Фламандский шелк и фламандские ткачи принесли немалую пользу Англии, распространив по стране познания в области этих ремесел, но королева предпочитала считать присутствие голландцев постоянным бременем, несчастными, бездомными беженцами, живущими за счет благотворительности англичан.— Мы обратимся к Нидерландам, напомним им о наших прошлых благодеяниях и о наших нынешних дружеских отношениях и обещаем в обмен на их солдат и корабли простить им — но только на время, это должно быть четко оговорено — на время! — деньги, которые они задолжали нам; если же они не пойдут на сделку, потребуем деньги немедленно, чтобы снарядить в поход собственные корабли. У них есть корабли, что же касается денег — тут я не уверена. Думаю, у них не будет особого выбора... И тогда мы нападём на испанцев на их собственной территории, возможно, через Кадис.— Члены Совета выразили свое согласие, и королева продолжила: — А сейчас мы могли бы определить состав команд, так чтобы ко времени, когда мы получим ответ от Нидерландов, наш флот был готов и вышел бы в поход без всяких проволочек.

Беркли вооружился пером, и благонравная атмосфера зала заседаний превратилась в сплошное столпотворение, где разные предложения и контрпредложения, согласие и несогласие сталкивались, вызывали споры, сотрясая холодный воздух, заполнявший помещение. Королева не принимала участия в дискуссии. Она сидела на своем конце стола, прямая и безмолвная, спрятав замерзшие руки в широкие рукава своего платья. Наконец Беркли отложил в сторону перо и протянул ей совершенную копию листа, который лежал перед ним, со всеми фамилиями и пометками, где одни имена заменялись другими, какие-то новые вносились, какие-то вычеркивались.

Елизавета взяла бумагу и отошла с нею к окну. Зрение у нее понемногу ухудшалось, а на улице уже наступали сумерки; и хотя обычно она избегала нелестный для ее лица свет из северного окна, у которого она сейчас стояла в профиль к членам Совета, Елизавета всегда достаточно хорошо владела своими чувствами и своим тщеславием, чтобы оставить их за порогом зала заседаний. Она пробежала глазами список. Эссекс и Хоуард Эффингем в одной команде — это хорошо, кивнула она. Этим назначением она потрафит честолюбивому Эссексу, а совместное с Эффингемом командование охладит несколько его неукротимый нрав. Командовать наземными войсками, если высадка состоится, назначили Вира и Клиффорда. Сэра Джорджа Кэрю поставили командующим артиллерией. На этом имени она споткнулась, нахмурилась — она не любила Кэрю; однако он знает дело. Томас Хоуард — командующий флотом под присмотром своего родственника Эффингема.

Елизавета посмотрела в окно, оперлась подбородком на руку, насупила брови, поджала губы, постукала ногой по полу — для тех, кто знал ее и наблюдал за нею в тот момент, все это было признаком того, что она готова принять какое-то решение. Королева посмотрела на другую, чистую сторону листа, быстро свернула его и вернулась на свое место за столом. Отыскав свое золоченое павлинье перо, она мазнула им по своим губам, опустила его в чернильницу и вписала чье-то имя после имени Хоуарда, заключила оба имени в скобки и передала бумагу Беркли. Старик взглянул на элегантно написанное, еще блестящее невысохшими чернилами имя и недоуменно поднял брови. Он взглянул на королеву, задохнувшись, готовый произнести свое несогласие; но Елизавета не спускала с него глаз, и в ее мерцающем, наполовину насмешливом, наполовину враждебном взгляде он прочел такую решимость, которая при первом же намеке на протест обернется неудержимым гневом. И на том вдохе, который он приготовил, чтобы выразить свой протест, он произнес:

— Сэр Уолтер Ралей назначен вместе с сэром Томасом Хоуардом командовать флотом.

По залу пронесся шорох, вроде шелеста зрелой пшеницы под порывом ветра, но голоса не подал никто. Королева внимательно, одного за другим, обожала взглядом всех присутствовавших на Совете. Ни один из них не принял вызова королевы.

Итак, в назначенный час, во главе с Эффингемом на его старом, еще времен разгрома «Непобедимой армады» ветеране «Арк Ройял», с гордо поднятым над ним алым флагом вошедшим в Канал, вошли и

корабли его флота; плескались флаги: сразу за алым — красно-коричневый флаг Эссекса, когда-то приведший его к дуэли, за ним — сверкающий на солнце синий флаг лорда Томаса, и затем шел Ралей на «Духе войны» под своим белым, развевающимся на ветру флагом. Уолтер Ралей вышел в море во всем своем блеске. Внизу, в каюте, на книгах, которые повсюду сопровождали его, сияло золотое тиснение, и смешной Будда сидел, уставившись на покрывало на койке, которое было точно такого же бронзового цвета, как и он сам: Лиз с трудом отыскала его у какого-то торговца шелком. И сердце так и прыгало в груди Ралея. Он должен в этом походе вернуть себе свою честь, выжать ее, как говорил Уилл, «из этой бледнолицей луны».

II

Белостенный монастырь Богородицы Всех Скорбящих стоял на небольшом возвышении в центре города, и из его верхних окон были хорошо видны улицы, расположенные между монастырем и портом, и сама гавань. Весь предыдущий день сестры украдкой наблюдали за битвой и шепотом, потихоньку обменивались впечатлениями. Но сегодня выглядеть в окошки или рассуждать о превратностях войны не было времени: монастырь превратился в госпиталь, и сестрички, которые зареклись смотреть на мужчин и тем более дотрагиваться до их тел, были призваны матерью настоятельницей проявить все свое милосердие в уходе за изуродованными в сражении солдатами, а тех монахинь, которые содрогались при

виде крови и от ее запаха, она убеждала, что солдаты «пострадали за то же дело, что и сам Христос». Из кладовых, из келий девственниц вытащили все узкие соломенные тюфяки и рядами разложили в залитой солнцем, южной крытой аркаде, и в течение всего дня сестры семенили туда и обратно, накладывая на зияющие раны мази, настоянные на травах, перевязывая сломанные суставы полосами от простыней, и настоем из лимона и красного клевера поили раненых, чтобы предупредить воспаления.

От тех из своих подопечных, кто мог и хотел говорить, к вечеру они узнали обо всех подробностях сражения, о двух сумасшедших англичанах, которые начисто порушили все планы обороны испанского города. Один из них, высокий, на корабле с красно-коричневым флагом, в возбуждении сбросил свою шляпу за борт корабля и приказывал спускать на воду лодку за лодкой с солдатами, с тем чтобы высадиться на берег. Но Бог помешал ему совершить это, начавшийся бурный прибой потопил лодки уже в гавани. Другой был капитаном корабля с белым флагом; он тоже был как одержимый; именно он начал брать испанские корабли на абордаж, вслед за ним сделали то же и другие; они бросали абордажные крюки за борта огромных новых галионов с благочестивыми именами двенадцати апостолов, и тут уж испанцам не осталось ничего другого, как поджечь свои превосходные суда в надежде, что огонь с них перебросится на корабли противника и уничтожит их. Сестры иногда прерывали свое занятие, прислушиваясь к стрельбе и канонаде, и когда появлялись новые страдалцы, теперь частенько не только с пулевыми ранениями, но и с ожогами, они

с трепетом спрашивали их: «Как вы думаете, они высадутся на берег?» И в конце концов, когда уже стемнело и стал ясно виден ослепительный свет горящей пристани, появился солдат, который вместо привычного ответа на их вопрос: «Конечно нет», произнес страшные слова: «Они уже высадились».

Вряд ли кто-нибудь спал в ту ночь в монастыре, да и в любой другой части города. Даже в темноте сражение продолжалось на баррикадах, спешно сооруженных на улицах города. Английские и фламандские матросы, распаленные грабежами, кровью и добычей, буйствовали на улицах, они вламывались в винные магазины, и к безумию победителей добавлялось безумие опьяневших от незнакомого им вина людей. Женщины и дети с воплями устремились в не занятые пока районы города или, полные решимости отстоять свое добро, свешивались с балконов высоких белых домов и бросали в солдат тяжелую медную кухонную утварь, камни, стулья, лили кипяток и швыряли на головы завоевателей горящую паклю.

«Они будут здесь к утру», — на ходу перешептывались монашки и снова спешили к своим раненым, и разные чувства — в зависимости от темперамента каждой — овладевали их умами под скромными монашескими чепцами. Порой это бывала смесь самых противоречивых чувств: страх, смирение, бесстрашие, смутный плотский интерес. Англичане выставили своих монахинь из монастырей в светский мир, а с монахинями побежденного врага — чего только они не сделают?

Но даже перед лицом такой угрозы положение служительниц Бога обязывало выполнять свой долг, и наутро сестры, бледные и измученные, потому что

не ложились в постели всю ночь, разносили в южной галерее монастыря миски с супом, банки с мазями и рулоны матерчатых полос. Мать настоятельница приказала закрыть ворота и накинута на них засов, сама же устроилась у подъемной решетки, чтобы решить, когда их нужно открыть. Хотя и важно было не допустить внутрь англичан, но не менее важно было и не обидеть никого из тех, кто нуждался в помощи. Но в то утро больше уже никто из раненых не поступил в монастырь, потому что в результате поражения наступил хаос, и теперь каждый раненый мог рассчитывать только на свои силы или просто оставаться лежать там, где его настигла беда. И в конце концов, поняв это, мать настоятельница покинула свой пост у ворот и вернулась в свой временный госпиталь. И ни монахини, ни раненые не знали о прибытии целой партии пьяных моряков до той самой минуты, пока они не вторглись во двор через маленькую дверь возле ворот.

Это было похоже на нашествие дьяволов: все они прокоптились до черноты, и многие из них были покрыты спекшейся кровью. Крепкие английские головы, привыкшие к легкому элю, распались от выпитого ими диковинного вина. Они волокли за собой узлы с добычей прошедшей ночи, дурацкие вещи, вроде медных ламп, отрезков шелка, испанских сапог и кухонной посуды. Один из моряков воткнул в свою взъерошенную бороду дамский гребень, и у большинства из них на их коротких пальцах было по несколько колец, зачастую належавших лишь на первую фалангу пальцев. Женщин они не пощадят, подумала настоятельница, поднимаясь с тюфяка, и, пытаясь навести хоть какой-

то порядок, обратилась к пришедшим с вопросом, чего они хотят. С тем же успехом она могла обратиться к глухим. Моряк с гребнем в бороде схватился левой рукой за ее четки, сразу порвал их и, крепко обняв ее за плечи правой рукой, впился в ее губы своим бородатым ртом. Она на какое-то время оказалась совершенно обезоруженной, как физически, так и умственно, но затем ужас и неожиданный поворот мысли обрели свой голос в молитве: «Боже, избавь меня, нанеси ему смертельный удар!» — и в то же мгновение она решила, что Бог услышал ее молитву и помог ей, дополнив длинный список своих чудес еще одним чудом. Но избавление пришло от рук одного из тех, кого она опекала минуту назад: потянувшись со своего тюфяка, он сумел дернуть за ноги моряка, и тот свалился, с грохотом ударившись головой о каменный пол галереи. («Все равно это Бог помог мне через своего посредника—человека», — всегда после того ужасного дня говорила себе настоятельница.) Но при виде творившегося вокруг нее безобразия она чуть было не пожелала, — что было бы большим грехом, конечно, — чтобы ее молитва звучала иначе: «Нанеси мне смертельный удар».

Раненые испанцы, которым их раны позволяли подняться на ноги, пытались защитить сестер, но вопли несчастных говорили о тщетности их усилий, и паника все возрастала, вплоть до того, что раздалось истерическое хихиканье сестры Агаты, которая оказалась такой ненадежной — мать настоятельница всегда боялась за нее. Абсолютно безотчетно и не надеясь ни на что, она бросилась на помощь Агате, так как если вопящей монахине грозит опас-

ность, то хихикающая монахиня способна совершить грех. Но она так и не добралась до потенциальной грешницы: залп из нескольких ружей обратил весь этот ад в скульптурную, массовую группу. Настоятельница обратила свой взор к входу в галерею. Там стояли четверо мужчин, трое из них с еще дымящимися мушкетами в руках, четвертый опирался на палку, импровизированную трость из неровной серой ветки оливы. Все присутствующие, в том числе и все монахини, тоже смотрели на них, а нагрянувшие в монастырь моряки, пошатываясь, постепенно приходили в себя. Человек с палкой говорил с ними резко, энергично, на не понятном для нее языке. Но она увидела, как моряки поспешно построились парами и в относительном порядке промаршировали к воротам. Человек с палкой посторонился, пропуская их мимо себя, а двое из трех мушкетеров направились вслед за парнями, которые неожиданно превратились из вселявших ужас дьяволов в обычных пьяных людей. Третий человек с мушкетом остался стоять у ворот, а четвертый с трудом сделал шаг-другой вперед, и настоятельница увидела, что он ранен в ногу. Грубая повязка на его ноге ниже колена промокла, и кровь капала на его шелковые чулки.

Направляясь к ней, он снял с себя шляпу и, остановившись на почтительном расстоянии, поклонился ей.

— Я прошу у вас прощения, мадам, за недостойное поведение некоторых моих соотечественников. В этом виновато ваше вино. Надеюсь, ваши страдания ограничились кратковременным испугом.

У него прекрасный испанский язык, подумала настоятельница, да и лицо, хотя и бледное и искаженное от боли, тоже прекрасно.

— Это было ужасное потрясение,— просто призналась она.— Мне страшно подумать, что бы стряслось со всеми нами, если бы не появились вы. Сказать, что мы благодарны вам,— значит не сказать ничего о том, что мы на самом деле чувствуем.

Она заметила, что вокруг нее собрались монахини и не спускают глаз с человека, да и у нее самой сердце забилося от восхищения, когда она впервые увидела его. Настоятельница повернулась к сестрам и сказала:

— Вернитесь к своим обязанностям, наверстывайте упущенное время.

Робкие, как лани, монахини подчинились ее приказу, подобрали с пола, куда они от страха побросали, все свои тарелки, банки и перевязочные материалы и возобновили заботы о раненых, как будто ничего здесь не произошло. Настоятельница снова обернулась к англичанину, чтобы продолжить выражения благодарности, но вместо этого ей пришлось броситься вперед, чтобы подставить стул незнакомцу, которого качало из стороны в сторону и к которому с тревожным выражением на лице устремился уже единственный его сопровождающий.

— Это всего лишь слабость, вызванная потерей крови, мадам. Не беспокойтесь, пожалуйста,— сказал ей чужестранец.

— Как я могу не беспокоиться о таком добром друге, когда вижу его страдания,— твердо заявила маленькая женщина.— Вам не трудно будет прилечь? Эй, кто-нибудь,— обратилась она к лежащим перед

ней на тюфяках раненым,— проявите благородство, отдайте ему свой матрас.

— Да нет же. Я не нуждаюсь в постели. Мне уже лучше, подобная слабость быстро проходит.

В ответ на обеспокоенный взгляд настоятельницы он улыбнулся ей, такой внимательный и так похожий на ребенка со своей грязной белой повязкой на ноге.

— Тогда что-нибудь стимулирующее,— предложила она, и скорее для того, чтобы порадовать ее, нежели из доверия к ее безобидному лекарству, он согласился.

— Это и в самом деле не помешает.

Он был приятно удивлен, когда настоятельница с необычайной резвостью — если принять во внимание ее длинные одежды,— сбегала и принесла ему маленький серебряный бокал с отборным бенедиктином. Увидев, с каким удовольствием гость выпил напиток, настоятельница решилась предложить ему сменить повязку на его ноге, но он отказался.

— Вы очень добры ко мне, но у меня нет больше времени. Одному Богу известно, что еще могут на творить эти ребята.

— А доктору вы покажетесь в ближайшее время? — настаивала она.

— Скорее всего, нет. Он начнет пускать мне кровь. И попытается успокоить боль, что уже сделано. Кривые сабли ваших парней одновременно и ранят, и лечат.

Англичанин снова улыбнулся ей, и она едва ли слышала, как он уверял ее, что больше нечего бояться нового нашествия банды. На рассвете он арестовал тех моряков и считал, что после них никто не

посмеет сунуть носа в монастырь. А ей так хотелось, чтобы этот человек задержался в солнечной галерее среди ее пациентов. Как было бы хорошо поухаживать за ним, принести ему меду, зажарить курицу из монастырского курятника ему на обед! Глупая и грешная мысль. Надо будет наложить на себя епитимью. А он снова кланялся ей, собираясь уходить, когда настоятельница вдруг решила спросить:

— Не скажете ли вы мне ваше имя? Вы чужестранец и до сих пор были нашим врагом, но сегодня вы стали другом, и мы будем молиться за вас как за друга.

Человек улыбнулся, и она тут же поняла, что он не из тех темных людей, которые с презрением относятся к молитвам верующих.

— Мое имя Ралей. Уолтер Ралей. И я счастлив и горд, что был полезен вам.

Он надел шляпу и, тяжело опираясь на оливковую палку, медленно, но твердо зашагал к дверям и вышел на площадь.

Миниатюрная мать настоятельница постояла немного, повторяя про себя резкие и труднопроизносимые слога, составлявшие его имя. Затем медленно подошла к двери и закрыла ее за ним. Эта входная дверь закрылась легко, а вот другая, в ее голове... многое она дала бы за то, чтобы и она захлопнулась, но она оставалась открытой. Она часто думала о нем и так же часто наказывала себя за это. И она считала частью наказания то, что лик Иисуса Христа, ясный и сияющий в ее воображении, теперь то и дело заслоняло другое лицо, бледное, узкое и искаженное болью, но улыбающееся. Иногда над лицом возникала изящная, с пером шляпа. И тогда настоятель-

ница застывала в ужасе. Слыхано ли такое, чтобы Господь Бог был в шляпе? Какое смятение чувств и путаница поселились в голове этой серьезной и простой женщины! Но время и постоянные епитимьи понемногу освобождали ее память от образа чужестранца, и только изредка, по каким-то таинственным и нечестивым каналам памяти лик Христа в ее воображении возрождал имя «Уолтер Ралей».

III

Прошло двадцать четыре часа после сражения, когда лорд Хоуард Эффингем уселся в своей каюте за неприятное для него дело — рапорт о проведенной акции. По стариковскому обычаю, оставаясь в одиночестве и чувствуя раздражение, он вдруг начинал разговаривать с самим собой и теперь то и дело повторял: «Баловень судьбы», «Фат», «Дурак неотесанный». Вся трудность написания официального документа состояла в том, чтобы не допустить, чтобы все эти выражения оказались зафиксированными в нем: он слыл честным старым человеком и имел обыкновение в большинстве случаев резать правду-матку в глаза. Однако Эффингем был достаточно прозорлив для того, чтобы видеть, что теперь в этом достаточно деликатном отчете он не должен нападать на Эссекса, который был, как известно, куда милее королеве, чем любой другой участник экспедиции. Но именно этот молодой глупец, думал старик, снова ворча себе под нос ненужные слова и отложив в сторону перо, целиком виноват в гибели такого множества людей. Разгневанный донельзя,

Эффингем снова вспомнил, как вел себя Эссекс, приказывая спускать на воду эти несчастные лодки. Он приказал спустить не менее четырех, и все они были потоплены, и все, кто в них находились, утонули. И не потеря лодок или людей больше всего раздражала Хоурда: лодки для того и строятся, чтобы потом потонуть, а люди рождаются для того, чтобы умереть; но преждевременные попытки высадиться на берег довели до сведения граждан Кадиса, что англичане не собираются вступать в морской бой, что они намерены вести сражение на земле. В результате все ценное было вывезено из города задолго до того, как Ралей, применив абордаж, обеспечил успешную высадку десанта. И после разграбления города Кадиса удачливый командир должен теперь сидеть за столом и докладывать своей королеве, что вся их добыча далеко не окупит затрат, связанных с экспедицией. Из Перу, из Вест-Индии, с Востока галионы с сокровищами прибывали в этот город, чтобы сложить на его каменной пристани в королевском складе все эти богатства, однако англичане обнаружили в нем всего лишь несколько сотен фунтов среди скрытых запасов и что-то из церковной утвари — серебро и немного вещей сомнительной ценности. «Столько-то мы могли бы получить и от голландцев», — проворчал Хоурд. С каким облегчением он вздохнул бы, если бы мог написать: «Милорд Эссекс провалил финансовую часть экспедиции, и если бы не сэр Уолтер Ралей и я не остановили его, натворил бы еще Бог знает что». С какой радостью он запечатал бы письмо, содержащее эту фразу! Но он устоял перед искушением. И ему хватало аргументов для объяснения своих действий: ведь они с Эссексом

были объединены для общего командования экспедицией и поэтому должны были придерживаться одной линии в своих отчетах, а именно, что испанцы каким-то образом получили предупреждение о предстоящей атаке и вывезли из города сокровища. Ему придется забыть о длинном караване повозок, запряженных мулами, за которым они наблюдали в течение часа после первого, преждевременного приказа Эссекса спускать лодки на воду. Но, подумал Эффингем, снова берясь за перо, его никто не посмеет обвинить в том, что он в своем послании похвалил ее любимчика. Нет уж, все похвалы в нем будут относиться только к тому человеку, который так стремительно приплыл на лодке со своего корабля «Дух войны» на его «Арк Ройял» с криком: «Вы что, не видите, к чему ведет этот глупец? Если вы, адмирал, не прикажете ему сейчас же прекратить это, он потопит всех наших солдат, не дав им шанса вступить в бой. Нам сначала надо заняться их кораблями, потом уж городом».

Уолтер Ралей становился героем послания адмирала. И вполне возможно — неисповедимы пути твои, Господи! — это даже понравится ее величеству. В конце концов, когда-то она обожала Ралея и в этот поход сама его назначила. К тому же он мог бы послужить неплохим оружием против Эссекса. «Хотя и он тоже самонадеянный тип, но по крайней мере не такой отпетый дурак, как этот Эссекс. Он мне нравится намного больше. Но в наше время именно таким открыта дорога в рай», — подумал старик, после чего раздул ноздри и презрительно фыркнул. В следующий раз он скажет вслух эту заковыристую, но, как он думал, полную достоинства фразу.

Но пока Хоуард писал, и останавливался, и бранился, и оттачивал свои выражения, сэр Джордж Кэрю описывал свои собственные впечатления о состоявшейся схватке вероломному лорду Сесилу. Кэрю писалось легко, и хотя он не был приверженцем Ралея, он четко осознавал, куда дует ветер. «Должен заверить вас, ваша светлость, что сэр Уолтер был выше всех похвал, и многие из его прежних врагов вынуждены были отдать ему должное в своих высочайших суждениях о нем». Говорил ли Кэрю от себя или от лица кого-то другого? «Ничто не могло сравниться с тем, что он сделал на море». Из уст кузена Кэрю такие слова звучали высшей похвалой Ралею, и Сесил, всегда готовый ставить палки в колеса, когда дело касалось Эссекса, с удовольствием читал письмо и строил собственные приятные планы.

Ралей вернулся в Дархем-хаус, нянча свою ногу и свое разочарование по поводу ничтожности награбленного в Кадисе, и одним из первых его посетителей был возбужденный, хитрый, дальновидный человек, которому так приятно было извиниться перед Ралеем за его не к месту сказанное слово, когда речь зашла о мере ответственности.

IV

Приехала Лиз. Приехала, не желая того, потому что так же сильно ненавидела Лондон, как сильно любила Шерборн. Лондон был обиталищем враждебности, тревог и опасности; Шерборн — мирной жиз-

ни. Она не забывала никогда, как небрежно оброненное слово бросило их обоих в Тауэр, и каждое мгновение ее пребывания здесь было омрачено страхом, как бы королева не прослышала о нем, не вспыхнула бы от вновь проснувшейся ревности и не произнесла бы еще раз роковые, небрежные слова. И все же она приехала. Она мечтала увидеть Уолтера, подлечить его изуродованную ногу и показать ему сына. Такими причинами она объясняла свое трудное путешествие и встречу с ненавистным городом. Но гораздо более серьезная причина была спрятана так глубоко в ее душе, что даже самой себе она не признавалась в ней.

Маленький Уолтер из нежного дитяти вырос в крепкого мальчугана с кудрявыми волосами и с хохлом на макушке. Летний загар еще не сошел с его лица, и с его чудесными волосами и ресницами он выглядел как маленькое золотое изображение мальчика. Сначала он стеснялся отца, но очень скоро по улыбкам и ухмылкам узнал в нем своего старого товарища по детским играм.

Ралей, ползая по полу с Уолтером на спине, забыл и о своем возрасте, и о всяких церемониях. Лиз наблюдала за ними и пыталась понять, преуспеет ли малыш в том, в чем она сама явно проигрывала, сможет ли он завлечь отца обратно, в мирные поля Шерборна? Она много говорила о поместье, рассказала о только что собранном урожае, о скотине и о лесах; но хотя Ралей слушал с учтивым интересом, ей ясно было, что его мысли витали где-то далеко и что ее слова не пробуждают в нем желания вернуться в Шерборн. Так, он стал перечислять ей вещи, которые она должна была

передать Миеру, управляющему поместьем. Спроси его об этом, напomini ему то-то. И каждое его указание, направленное этому спокойному и умелому человеку, было на самом деле стрелой, пущенной в самое сердце ее надежды, пока она окончательно не погибла, как Эдмунд под стрелами датских варваров. И когда надежда умерла, она смогла говорить.

— Королева уже посылала за тобой, Уолтер?

— Нет еще.

— Думаешь, придет?

— Уверен в этом. Сесил хлопочет за меня.

— За тебя! С каких это пор он стал другом кого-то, кроме себя самого?

— Не злись, родная. Если бы ты знала, как злость искажает твои губы, глаза. Ты становишься чужой.

— Я и есть чужая. Но кто в этом виноват? Мои губы, говоришь... Знал бы ты, как тяжело у меня на сердце от наших разлук...

— Нам нет необходимости разлучаться. Этот дом такой же твой, как и мой. Оставайся в нем.

— Я ненавижу Лондон. Мальчику хорошо в Шерборне. К тому же поместье требует своего хозяина. Каждый день случается такое, в чем можешь разобратся только ты или я в твое отсутствие. Все сельские угодья страдают оттого, что их владельцы предпочитают подхалимничать при дворе вместо того, чтобы заниматься хозяйством, как им надлежало бы.

— Но тебе же нравится это дело, Лиз?

— Какое?

— Быть маленькой королевой Шерборна?

— Почему ты обо всех женщинах судишь по ней?

— По кому?

— По ней. По Елизавете Тюдор. И если уж ты меряешь всех нас ее меркой, подумай обо мне. Неужели ты считаешь, что если какая-нибудь девица, моложе и красивее меня, какой я сама являюсь по отношению к королеве, отберет тебя у меня, я смогу когда-нибудь простить ее? И она никогда не простит меня. Все это время, пока я буду здесь, она глаз с меня не спустит... и в один прекрасный день... Ты помнишь Эми Робсарт и лестницу? Я не могу оставаться здесь, Уолтер.

— У страха глаза велики, родная моя, и он лишает тебя всякой логики. Лестер был любовником королевы, так говорит весь свет.

— А ты?

— Лиз!

— Прости меня! Я сказала, не подумав. Но, с другой стороны, что еще я могу думать? Почему твою женитьбу она встретила так в штыки, что вот уже четыре года не хочет видеть тебя, в то время как Эссексу его женитьбу простила чуть ли не на следующий день? Почему ты должен терять здесь зря время, как какой-нибудь терпеливый проситель, в ожидании ее вызова? Почему я все время чувствую, что достаточно одного ее взгляда, чтобы уничтожить меня?

— Ты все это придумала. Твое одинокое пребывание в Шерборне породило в тебе все эти страхи,— терпеливо объяснял ей Ралей.

Лиз поняла, что он так же далек от понимания ее проблем, как и прежде. Она соскользнула со своего кресла и упала перед ним на колени.

— Послушай меня, Уолтер. Позволь мне один раз сказать тебе все, и я никогда больше слова не вымолвлю. Ты бросил к ее ногам Гвиану как вызов. Она

проигнорировала его. Слава о твоих подвигах в Кадисе у всех на языке. Только она молчит. А ты сидишь и ждешь. Проходят годы. Ты уже далеко не так молод. Временами тебя трясет лихорадка. Ты теперь еще и хромой. Вернись в Шерборн, и будем жить тихомирно. Что тебе до всего этого? Что великие мира сего, что нищие, все они превратились в прах и спят себе, и никто не отличит их друг от друга. Что такое слава, что такое честь? Быстротечная известность в глазах таких же, как ты, слабых и благородных людей. Будет ли хоть один из тех, кого ты называешь «своим другом», любить тебя так, как будет любить тебя Уолтер только за то, что ты подаришь ему час занятий верховой ездой или чтением? Да любила ли тебя королева хоть когда-нибудь так, как люблю тебя я? Дорогой мой, ты весь изведешься в поисках, в ожидании, в стремлении ко всяким глупостям и в результате останешься ни с чем...

Ралей вскочил на ноги и, стиснув руки — по странному совпадению, очень похоже на королеву, когда она гневалась,— зашагал по комнате мимо Лиз.

— Ни слова больше, прошу тебя.— Он говорил умоляющим тоном, и Лиз почувствовала, что ее слова глубоко задела Уолтера, но, когда она взглянула на мужа, что-то в выражении его лица заставило и ее подняться на ноги.— Возможно, в твоих словах много правды. Среди сотни произнесенных слов всегда найдутся и крупинцы истины. Но я выбрал свой путь. Я женился на тебе, потому что полюбил тебя; я люблю тебя и сейчас, но не тебе держать меня в повиновении. Я останусь здесь до тех пор, пока королева не придет за мной. Если ты согласна остаться со мной, оставайся, я буду рад. Все, что

тебе положено, все твое, вопреки королеве, дьяволу или кому угодно еще. Если же ты выбираешь Шерборн, поезжай туда и правь им как моя всегда искренне уважаемая жена. Но, ради Бога, избавь меня от этих разговоров.

Лиз вздернула подбородок. Она потерпела поражение. Ее доводы в пользу его возврата в поместье ударили по ней же самой. Она надеялась увезти его с собой. Но наваждение было слишком сильным. Лиз потерпела фиаско, но не была сломлена. У нее еще оставались Шерборн и мальчик.

— Завтра я уезжаю,— своим обычным, спокойным тоном сообщила она, что прозвучало странно после ее столь страстной мольбы.— Наверняка найдется доброхот, который сообщит об этом королеве. Как она обрадуется!

Ралей хотел заговорить. Нужно было сказать что-то такое, что поставило бы все на свои места; но он так ничего и не придумал. Лиз вышла из комнаты, а он все мучился в поисках нужных слов.

На следующий день она уехала в Шерборн. Они расстались как немного поднадоевшие друг другу друзья. И Елизавета, по-видимому, знала обо всем этом, так как ее шпионы водились повсюду, и очень скоро она прислала за Ралеем.

Глава восемнадцатая **ДВОР В ХЭМПТОНЕ. 1597 ГОД**

Елизавета сидела в окружении своих фрейлин. Одна из них перебирала струны лютни, и рядом с ней пел мальчик:

Еще розы цвели,
Как вернулась зима.
Хлопья снега легли
На золотые леса.

Были розы, как ты,
Холодны, словно лед,
Лепестки приоткрыв,
Будто розовый рот.

И напрасно я ждал,
Как от лета, тепла —
Только холодом льда
Ты меня обдала.

— Ужасно глупая песня, — спокойно заметила королева. — Если лучше этой у вас нет, молчите уж.

На мгновенье наступила тишина, потом Елизавета раздраженно повернулась к музыкантам и сказала:

— Да пойте же! Что мне тут — сидеть со стреноженными болью ногами, ослепнув от головной боли, и не получать никакого развлечения? Найдите песню получше и пойте.

Прошуршали ее шелка, когда королева заворочалась в своем кресле, подняла руку и приложила ее к голове. Девушка с лютней и маленький певец испуганно, шепотом посовещались друг с другом. Потом, уставившись настороженными глазами на свою госпожу, начали снова:

Трепеща и таясь, к нам приходит любовь,
Хей-хо, пой хей-хо!
Он придет — не придет, вам не скажет никто,
Хей-хо, пой хей-хо!

Елизавета поджала губы — казалось, она теряла терпение, но первые слова следующей строфы обнадежили ее.

Честь приходит, уходит куда-то потом,
Хей-хо, пой хей-хо!
Как является честь — вам не скажет никто,
Хей-хо, пой хей-хо!

Королева приложила к голове вторую руку и так впиалась костяшками пальцев в свои виски, будто готова была сокрушить врага. Между тем чистый мальчишеский голос продолжал:

Хорошо быть здоровым, хорошо молодым,
Хей-хо, пой хей-хо!
Где купить себе юность, чтобы боль утолить?
Хей-хо...

Королева вскочила со своего кресла, и это неожиданное резкое движение такой болью отозвалось в ее пульсирующей голове, что она почувствовала себя в такой именно мере свирепой, в какой свирепость была написана на ее лице. Одним прыжком она оказалась рядом с певцом, схватила лютню и разбила ее на кусочки об его голову, осколки же швырнула прямо в лицо аккомпаниаторше.

— Вы что, хуже песни не нашли? Это вы мне назло. Черт бы вас побрал! Да любой сумасшедший лучше вас понимает, что такое петь о боли женщине, которая вот-вот спятит от нее. Все, все идите вон от меня! С глаз моих долой! Катитесь и пойте о розах, и о юности, и о чести тому, кто может, стоя на одной ноге, дать вам другой пинка под зад. Хотела бы я...

И пока свита поспешно удирала из зала, Елизавета с трудом дохромала до своего кресла, сложила руки на спинке кресла и уперлась в них лбом. Ненормальные, воистину ненормальные. Она и сама скоро станет такой же, если не отпустит адская боль

в висках. Сколько же людей, подумала Елизавета, сошли с ума именно из-за такой вот головной боли? Завтра она спросит об этом, и если таковые найдутся, из них уже не будут выгонять бесов с помощью кнута, а уложат в постель в затемненной, прохладной комнате и приложат к голове тряпку, смоченную уксусом... Им ведь не довелось быть королевой Англии, им не обязательно стоять насмерть. Ей стало жалко себя, и по ее накрашенным щекам прокатились и спрятались в морщинистой шее между подбородком и гофрированным воротником несколько слезинок.

Она поняла, что плачет, и немедленно взяла себя в руки. Последнее время она частенько теряла контроль над собой и опасалась, что не сумеет восстановить его. А сегодня вечером у нее должна была состояться встреча, которая, возможно, потребует от нее больше выдержки, чем у нее вообще, возможно, осталось. Елизавета уже раскаивалась, что в гневе выгнала всех своих приближенных. Она хотела, чтобы Ралей, войдя к ней, застал ее, вопреки ее годам и физической слабости, в наилучшем расположении духа, окруженной весельем и болтовней придворных. И вот на тебе — именно сегодня так разболелась голова. И она вдруг твердо решила, что не примет ни его, ни Сесила, который должен был привести его. Стремительно встав на ноги, Елизавета направилась к двери. Тяжелая дверь не поддавалась ей какое-то мгновение, но она успела подумать: «Вот что делает с нами старость, даже дверь мне не поддается». Она вложила все свои силы в свою вторую попытку, и дверь широко распахнулась перед ней, обнаружив Джона Беста с уже поднятой рукой, что-

бы постучать в нее, и стоявших за ним Роберта Сесиля и Ралея.

Явление королевы — без свиты и явно в спешке — озадачило их всех. Джон Бест открыл было рот, но не успел и слова вымолвить, как Ралей оттолкнул его и пал на колени перед Елизаветой.

Почти машинально королева протянула ему руку. Он схватил ее и поднес к своим губам. Все еще молча Елизавета оперлась другой рукой на створку двери, которая оставалась закрытой.

— Благодарю вас, сэр Роберт, я вас больше не держу, — милостиво произнесла она, и, положив руку на плечо все еще стоявшего на коленях Ралея, она каким-то непонятным, одним движением подняла его на ноги и ввела в комнату. Дверь захлопнулась перед лицом двух ошалевших от удивления людей, и Сесил, подняв брови и вздернув плечи, покинул дворец.

А за закрытыми дверями королева встала под светильником с двенадцатью горящими в нем свечами и, взяв Ралея за подбородок, подняла его лицо к свету. Ни одна морщинка, нанесенная временем, и тяжестями жизненного пути, и напрасными надеждами, не ускользнула от ее взгляда. Седые волосы, которые появились у него на висках, вызвали у нее странную улыбку, наполовину нежную, наполовину довольную.

— Четыре года отлучки жестоко обошлись с тобой, Уолтер, — сказала она, и голос ее, за десять минут до того хрипло оравший на фрейлин, превратился в голос воркующей горлицы.

— Они пошли на службу вам, ваше величество, — выговорил Ралей, в свою очередь рассматривая ее.

Он долго, внимательно вглядывался в нее и наконец, сказал: — На вас годы не оставили следов, как, впрочем, и предыдущие двадцать.

— Но они по крайней мере не лишили тебя твоего серебряного языка,— сказала королева, и тут боль, забытая было от волнения, вернулась к ней с удвоенной силой. Она опять приложила к голове руку, довольная даже в таком состоянии, что руки ее все еще выдерживают любой экзамен на красоту, и проковыляла к своему креслу.— Моя голова,— печально пробормотала она,— весь вечер она не дает мне покоя.— Елизавета закрыла глаза, но тут же, почувствовав, что Ралей полез зачем-то в карман камзола, открыла их, настороженная, как кошка. Очень осторожно он вынул из кармана пакетик, в котором, когда Ралей его раскрыл, оказалась щепотка какого-то коричневатого порошка. Он протянул его королеве.

— Если вы положите себе это на язык и проглотите, гарантирую: через пять минут или даже скорее боль пройдет.

Елизавета недоверчиво посмотрела на порошок, потом в глаза Ралею. Ее жизни всегда угрожала смерть либо от кинжала, либо от яда, и осторожность глубоко въелась в ее душу. Кроме того, ее совесть напоминала ей, что она плохо обошлась с этим человеком... и чего можно ожидать от него...

— Что это? — спросила она.

— Индейское лекарство, гораздо более эффективное, чем все известные нам. С тех пор как я впервые применил его к себе, я никогда не расстаюсь с ним.

— Меня предупреждали против незнакомых снадобий,— начала было Елизавета, но очередной, силь-

нейший приступ головной боли заставил ее опустить руку и попросить: — Дай его мне. Что умереть, что страдать от таких болей — не все ли равно?

— Оно абсолютно безопасно. Иначе я не стал бы предлагать его вам,— сказал Ралей.

Елизавета так широко открыла рот, что он смог разглядеть полоску, на которой кончалась губная помада. Порошок лег ей на язык, она с трудом проглотила его и закрыла глаза. Ралей молча стоял рядом. Четыре года он ждал этого мгновения, и судьба распорядилась так, что и теперь он сумел услужить ей. Он мысленно послал свою благодарность старому Топиавари, который познакомил его с этим и другими лекарствами. Молчание длилось не более трех минут, и королева открыла глаза.

— Это чудо,— воскликнула она, и лицо ее выражало одновременно и удивление и облегчение.— Все прошло. И ты давно уже знаешь об этом средстве, Уолтер?

— Уже несколько месяцев. Если бы я знал, что вы так нуждаетесь в нем, я бы давно сам прислал его вам. Даже если бы на следующий день вы приказали отсечь мою самонадеянную голову.

— Тебе нечего бояться этого. Слишком прекрасная это голова и слишком мудрая. Откуда у тебя этот порошок? — Она коснулась пустого пакета своим длинным, тонким пальцем.

— Из Гвианы...

— От Топиавари, короля Арромайи?

— Ваше величество читали мою книгу?

— Читала. Но там есть неувязка, пропуск.

— Какой? — спросил с удивительной робостью автор.

— В книге нет упоминания об этом чудесном порошке, который избавил меня не только от моей безумной головной боли, но и от болей в ноге.

— Да была ли она? — с одной из своих прежних насмешливых улыбок сказал Ралей.

— Сколько крови она мне испортила за это время, — тихо возразила королева.

Ралей рассмеялся, и после небольшого колебания королева присоединилась к нему. Неужели этот человек так легкомысленно относится к ее благорасположению, что напоминание обо всех этих зря потраченных месяцах приводит его в радостное настроение? В ее королевской душе проснулся живой интерес, которого ей так не хватало все это последнее время. Какой изысканный мужчина! На фоне занудной умеренности ее старых советников и мальчишеской запальчивости молодых фаворитов его личность, роскошная и спелая, как хорошо выдержанное вино, прямо-таки воссияла в то мгновение. Она решила, что будет теперь как можно больше времени проводить в его компании.

— А как поживает твоя жена? — был ее следующий вопрос.

— У нее все в порядке. Она в Шерборне.

— В Шерборне, да? — повторила Елизавета, подняв насурьмленные брови. — А дети, они тоже в Шерборне?

— Ребенок. У нас только один ребенок, мальчик.

— Только один? Неужели супружеское ложе так быстро лишилось своей привлекательности?

Ралей густо покраснел. Нельзя же переходить известные рамки, но...

— Лиз не любит Лондон, — коротко ответил он.

Королева провела рукой по рту, будто стараясь стереть так не к месту появившуюся на губах улыбку.

— А ты не любишь Шерборн?

— По правде говоря, я бы так не сказал — ведь Шерборн это ваш подарок мне. Но в Шерборне нет вас.

И, хотя его слова отдавали лестью, они годились в качестве объяснения его привязанности к Лондону, и королева осталась довольна ими, так как они помогли ей создать картинку у себя в голове: она словно яркий источник света, вокруг которого, как мотыльки, вьются мужчины, а их жены в это время остаются без всякого внимания в далеких поместьях вроде Шерборна.

Неожиданно ее мысли переключились на дела, и сразу в ее физическом облике произошла потрясающая перемена. Взгляд стал пронизательным и жестким, руки она сложила на коленях, приготовившись таким образом и говорить и слушать.

— А какие новости из Гвианы с тех пор, как ты вернулся оттуда, сэр Уолтер?

— Плохие,— напрямик ответил ей Ралей.— Мы упустили время. Если бы мы ударили сразу, как я предлагал, с двумя тысячами солдат, земля была бы наша. Я все-таки послал туда Кеймиса с двумя кораблями — все, что я мог предложить,— но они не смогли подняться выше того места, где в Ориноко впадает Карони: на месте их слияния Беррео построил форт.

— Этого не случилось бы ни за что, если бы вы не позволили в свое время Беррео сбежать из плена,— сказала Елизавета, спеша свалить вину на кого угодно, только бы не на себя.

— Возможно, вы правы,— сказал Ралей,— но едва ли я мог взять его с собой в экспедицию; да и сбежал он, пока меня не было. К тому же еще неизвестно, имел ли я право привезти его сюда с собой. Ведь война с Испанией не объявлена.

— Тогда зачем было громить Сент-Джозеф?

— Это было необходимо. Знаете поговорку «На безрыбье и рак рыба»?

— А образцы золота — вы их проверили?

— В половине образцов обнаружено золото. Их месторождения я пометил на картах. Во время следующей экспедиции я не буду зря рыскать в поисках золота в районах с красной почвой.

— А земля действительно так богата им?

— Я уверен, что запасы золота такие, каких свет не видывал.

— А аборигены, они вроде бы были дружелюбно настроены к нам?

— Я постарался, чтобы это было так. Ненависть к испанцам еще до нашего появления там подготавлила для нас добрую почву, а я не забывал поливать ее. Только один раз я взял у них еду и не заплатил за нее, это когда мы умирали с голоду и индейцы накормили нас из милосердия. Я ни разу никого из них не оскорбил, каким бы глупцом ни казался мне человек. Кроме того, я никому из моих мужчин не позволял касаться ни одной из их женщин. В стране полно полукровок; и какими бы чуждыми для нас ни казались их моральные устои, законы этого народа очень строгие, и, по-моему, насильственное искоренение их вызывало гораздо большее их негодование, чем грабеж.

— Но к англичанам они хорошо относятся?

— В отчете Кеймиса, который я получил, это единственное радостное сообщение. Индейцы справлялись обо мне и посылали мне добрые пожелания и слова любви.

— Что ж, я искренне надеюсь, что их лояльность к нам останется надолго. Нам это пригодится. Война с Испанией еще далека от завершения... Завтра, если моя нога будет так же хорошо себя чувствовать, прокатимся верхом и поговорим еще обо всем этом. А тем временем твой заместитель будет счастлив оставить свои обязанности капитана королевской гвардии.

Итак, сбывалась его мечта снова надеть серебряные доспехи и явиться в них пред ее очами. Лиз ошибалась: можно искать, страдать, стремиться к чему-то, но осуществление одной-единственной мечты, оказывается, стоит всего того, что ты сделал за всю свою жизнь.

Ралей и королева ездили бок о бок на лошадях по зеленым лугам, усеянным лютиками и маргаритками, по тропинкам, где запах диких роз смешивался с запахом свежескошенного сена.

Ралей и королева танцевали под тяжелыми светильниками, пока жар от них и собственная усталость не выпроваживали их на свежий воздух, в парк, где под луной поблескивали розы.

Ралей и королева играли в карты, пока в светильниках не истаявали свечи и их надо было менять. И все это время они без усталости разговаривали, и строили планы, и смеялись, два утонченных, редких ума, которым было так одиноко в разлуке.

А далеко в Шерборне Лиз, подоткнув юбки, стремительно неслась за маленьким Уолтером, осваивавшим езду верхом на пони, бока которого были слиш-

ком широки для его сильных, но слишком еще коротких и толстеньких ножек. Она не могла доверить это дело никому другому, так как по мере того, как проходили недели и месяцы со дня расставанья, она все сильнее осознавала, что все, что ей осталось от странного, одержимого, непонятного человека, за которого она вышла замуж, был маленький Уолтер. Тем не менее она должна была воспитать своего сына так, как того хотел бы его отец, если бы его мысли и желания когда-нибудь снова обратились к делам житейским, к своему дому. И она обучала мальчика грамоте, вычерчивая на земле палочкой буквы, или вырезая колечки из яблочной кожуры, или прибегая к помощи сахарных палочек, которые прилежный ученик затем с жадностью поглощал, когда заканчивались уроки. И, проделывая все это, она едва ли сознавала, что готовит, возможно, самое прекрасное жертвоприношение из всех, когда-либо положенных к ногам мужчины. Ралей, вращаясь среди великих мира сего, друг Эффингема, собутыльник Эссекса, «милый Уолтер» королевы, вряд ли нуждался в преданности двух упоенных, взъерошенных созданий, дурачившихся на просторах шерборнских лугов, умиротворенных и веселых, старавшихся поймать резвого, маленького пони, который отказывался признавать время уроков.

Глава девятнадцатая

ДВОР В ХЭМПТОНЕ. НОЯБРЬ 1599 ГОДА

Пробежало лето. Ралей успел побывать с Эссексом в его неудачной экспедиции к Азорским островам, но для себя сумел извлечь все возможные почести из этого обреченного на провал похода.

Кончалась осень, а Елизавета все еще оставалась в Хэмптоне. Обычно она уезжала из Хэмптона ко времени созревания винограда, но в этом году королева замешкалась, явно не решаясь пуститься в путь. Ее раздражал Эссекс. И хотя у Елизаветы не хватало желания, чтобы напустить на него и излить весь свой гнев, постоянное недовольство подтачивало ее здоровье. Она горько сетовала на холод. Порошки Топиавари помогали ей от изнуряющей головной боли и болей в ревматических суставах, но они не могли согреть ее. Елизавета избегала больших помещений, где тяжелые портьеры раскачивались на сквозняке, и присмотрела себе две небольшие комнаты, в которых постоянно поддерживался большой огонь в каминах. Поверх шуршащих шелков и тяжелого шелестящего бархатного одеяния она носила горностаевый плащ с высоким, жестким воротником, плотно прилегавшим к ее шее, в результате чего походила на снежную бабу с карнавальной маской вместо лица.

Такой увидел ее Ралей как-то ноябрьским утром и впервые был потрясен сознанием того, что и она в конце концов всего лишь смертная женщина и что приближается время, когда Елизавета, как сказал однажды старый, грязный индейский король в своей замызанной глиняной хижине, будет «каждый день слышать зов смерти». Сам же Ралей чувствовал себя прекрасно и не вспоминал о своем возрасте. Он ехал в Хэмптон холодным утром, и белый пар лошадиного дыхания смешивался с облачком пара из его собственного рта. Красное солнце поднялось над горизонтом и заблестало на покрытых инеем, мерзлых лугах, а он ехал по дороге по берегу реки и пел песню о

честь, которая приходит и уходит незнамо откуда, и не сознавал, какое жало таится в ней. Кому какое дело до того, как честь приходит и как уходит, если вот она, при нем сегодня? Он держит ее в своих руках, она — его. Мысли Уолтера вернулись в недавнее прошлое.

Ралей высадился на острове Файял, вопреки всем приказам, прежде чем туда прибыл Эссекс, и когда его солдаты отказались идти в атаку против вооруженных до зубов и беспрестанно паливших огнем из пушек испанцев, Уолтер сам, размахивая своим белым шарфом, с криком бросился в атаку. Сначала два, потом десять, двадцать человек присоединились к нему, и за ними, словно овцы, последовали все остальные. Ради одного такого мига стоило жить, и мысленно возвращаться к нему, и снова и снова слышать треск ружейной стрельбы и звуки расплющивающихся о скалы пуль вокруг. И стоило посмотреть на Эссекса, исходившего злобой, когда он прибыл слишком поздно, и грозил военным судом, и, наконец, сдался. Обоюдные извинения и состоявшийся потом обед тоже скрасили ему жизнь. А теперь, после того как он отсутствовал по делам и королева была предоставлена самой себе, она срочно послала за ним, потому что нуждалась в его совете. И вот он, разгоряченный быстрой скачкой, стоит перед ней, а она, протянув одну руку к огню, взмахом другой отправляет своих фрейлин и предлагает ему сесть.

— Я ждала тебя, — брюзгливо начала она.

— Ваше величество, я получил ваше послание вчера в полночь и, как только забрезжил свет, выехал к вам.

— Я обо всей этой неделе говорю. Тебя не было дома всю эту неделю. Где тебя носило?

Если бы она просто спросила его: «Ты был в Шерборне?», смысл вопроса был бы так же ясен.

— Я был на острове Сент-Ив.

— Какого черта?

— Поговаривали об испанской угрозе. Шериф послал за мной, чтобы я ободрил народ, что я и сделал довольно легко.

Королева вглядывалась в него, выставив вперед подбородок, с мрачным видом, тем самым скрывая истинные свои мысли о нем. А он действительно был тем человеком, который способен взбодрить и стадо баранов. Да, он прихрамывал после ранения в Кадисе, да, его мучили приступы лихорадки, да, на висках у него появилась седина, но эти горящие, будто у веселого жеребенка, глаза, в которых почти отсутствовали белки, этот звонкий голос — нет ничего удивительного в том, что на Файяле солдаты последовали за ним. Если бы она сама была из тех женщин, которыми можно руководить, в предводители себе она выбрала бы только его.

— Меня опять выбили из колеи, Уолтер,— пожаловалась Елизавета.— И это святая правда.

— Что случилось?

— За три дня до того, как Роберт прибыл из похода, я пожаловала Хоуарду Эффингему титул графа Ноттингема. Он этого достоин. Адмирал уже старик, и все эти годы верой и правдой служил мне. Теперь в парламенте он занимает более высокое

положение, чем Эссекс, и Роберт скулит, как маленький ребенок. Лишить Хоурда предоставленной ему чести я не могу... но мне нужен покой. Подумай, Уолтер, что тут можно сделать.

Ралей провел рукой по лицу и подпер ею подбородок. Он думал, но совсем не о решении этой ничтожной проблемы. Какой же этот Эссекс глупец! Вечно эти его дурацкие выкрутасы; он ведет себя как капризная юная девица с без ума влюбленным в нее старым сластолюбцем. Поменять их полами — и будет та самая ситуация. Но капризуле ничего не стоит просчитаться, тем более что королева — дочь Генриха Тюдора. Существует некая грань, за которую в отношениях с ней нельзя заходить. Дай волю этому Эссексу, позволь ему думать, что все его самые дикие требования будут удовлетворены, и он, как домашний пес, сам себя и загубит. И в то время как внешне Ралей, казалось, был занят решением проблемы королевы и тем самым укреплением своего положения как фаворита, глубоко внутри шевелилась непрощенная мысль, которая разозлила бы Елизавету сверх всякой меры, выскажи он ее в открытую. Это была мысль о том, что как жаль, что ей, такой старенькой, такой хрупкой, приходится возиться с проблемами приоритета этого молокососа, который по возрасту своему мог бы быть ей внуком. Это была самая правильная, самая человечная из всех занимавших его мыслей, но она не заслуживала его внимания. Она появилась и растаяла, как призрак чуткого созерцателя жизни, каким, вероятно, Ралей был в более нежном возрасте. И как только она испарилась, решение королевской проблемы вырвалось

на первый этаж этого забитого обитателями дома, а именно мозга Уолтера.

— У меня есть идея, — сказал он. — Должность лорда-маршала после смерти Шрусбери осталась вакантной. Предложите ее Эссексу. Ведь звание маршала выше адмирала, не так ли?

Елизавета улыбнулась.

— Ты гений, Уолтер. Я так и сделаю. Тогда, возможно, меня на некоторое время оставят в покое. А теперь — если бы ты придумал что-нибудь, что бы согрело меня!

— Это я могу, только бы вы согласились последовать моему совету.

Королеву передернуло.

— Все что угодно.

— Тогда рюмку рома. А затем выйдем на солнышко.

— Ветер прикончит меня.

— Ни в коем случае. Попробуем?

Он стоял возле нее, пока Елизавета пила обжигающий напиток и приказывала подать ей туфли потолще. Потом с королевой, тяжело повисшей у него на руке (ее собственная рука ощущалась как сучковатая палка), он вышел к старой кирпичной стене, преграждавшей дорогу ветру и скопившей тепло бледного, осеннего солнца. Тут он заставил ее непрерывно двигаться до тех пор, пока она собственными руками не отложила меховой воротник себе на плечи.

— Потеплело? — с улыбкой спросил он.

— Пожалуй, да.

После этого они замедлили шаг, и Ралей, оглядевшись вокруг, заметил на вившейся по стене ветке

розового куста запоздалый цветок, его розовые лепестки покоричневели по краям, а тронутые морозом листья стали пурпурными. Он подпрыгнул и достал цветок; понюхал его и протянул королеве.

— Ни одна роза не пахнет так прелестно, как та, которую тронул морозец, — сказал он.

Взгляд, которым Уолтер одарил ее, произнося эти слова, позволил тщеславной старухе обнаружить двойной смысл, метафору в его фразе. Восстановив силы с помощью ли прогулки, или рома, или общения с ним, она вдруг решила отдать приказ двору завтра же возвращаться в Уайтхолл. Ралей вернулся в свой Дархем-хаус, уверенный в том, что теперь вопрос о назначении его членом парламента был всего лишь делом времени. Эссексу ничего другого не оставалось, как принять небольшое продвижение, которым Елизавета, по совету Ралея, расплатилась с ним, так что место в Совете освободится.

Глава двадцатая

ЭССЕКС-ХАУС НА СТЭНДЕ. 1601 ГОД

Женщина, которая когда-то была Леттис Ноллис, потом леди Сидней, а теперь называлась леди Эссекс, слонялась из комнаты в комнату по Эссекс-хаусу. Она приказала зажечь свечи во всех комнатах и переходах и теперь с застывшим, отрешенным взглядом сомнамбулы безостановочно бродила по ним. Слуги, исполнив ее приказание касательно свеч, сгрудились вокруг огня на кухне, и звони она хоть во все колокола в доме, ни один из них не отважился бы выйти к ней в ту ночь. Вот уже десять дней —

с тех пор, как в предыдущее воскресенье Эссекса забрали на допрос по делу о предательстве интересов Англии и королевы,— она не ложилась в постель, ничего не ела, кроме разве корочки хлеба со стола. Слуги решили, что она колдунья или скорее сама заколдована. Ее бледное, как у призрака, лицо, усохшая фигура и горящие глаза приводили их в ужас, и они под шум ветра и хлопанье распахиваемых ею дверей все теснее жались друг к другу у огня и даже боялись ложиться спать.

Наконец раздался стук в наружную дверь. Никто из слуг и не пошевелился. Госпожа умолила дьявола спасти их господина, и у них не вызывало сомнений, что это сам сатана явился, чтобы заключить с нею сделку. Стук повторился, потому что сэр Роберт Сесил видел с улицы, что во всех окнах горит свет, и не мог понять, почему никто не откликается на его призывы. Но Леттис наконец сама услышала его и подошла к двери. Увидев Сесила, она прижала руку к сердцу и схватилась за косяк двери.

— Мне нужно с вами переговорить,— сказал он.

— И мне с вами,— с угрозой в голосе ответила Леттис.

Она провела его в небольшую комнату, в которой Эссекс занимался обычно своими делами и принимал огромное количество просителей. Камин в ней не горел, а февральский вечер был довольно ветреным и холодным; но Леттис стояла в своем платье с короткими рукавами, недоступная ни холоду, ни усталости.

— Допрос закончился? — спросила она.

Сесил кивнул.

— И каков приговор?

— Самый худший. Повесить и четвертовать...— Леттис закричала истошным голосом, и от этого крика слуги, трясаясь как в лихорадке, схватились друг за друга. Сесил спокойно продолжал: — Но королева смягчит приговор, и ему отсекут голову по всем правилам чести. Я об этом позабочусь.

— Нет возможности отложить исполнение приговора?

— Никоим образом,— сказал Сесил, хотя мог бы повторить свои слова: «Я об этом позабочусь». Но сейчас, когда Эссекс пал, он не собирался вступаться за него, да это уже и не могло спасти графа. Это было абсолютно невозможно.

Прочла ли его мысли Леттис, или почему-то еще, но она сама решила, что пришло время и ей показать зубы. Она запустила руку за пазуху, и Сесил услышал шуршание бумаги.

— У меня есть бумага, оставленная моим мужем, в которой содержится детальный план заговора, который затевали вы и Ралей, чтобы посадить на английский трон инфанту Испании. Сегодня же ночью, если мы с вами не придем к согласию, я передам его королеве.

Она с прищуром рассматривала Сесила, но не обнаружила не только страха, но даже и бледности на этом узком, оливкового цвета лице.

— Это едва ли поможет вашему мужу. Этим поступком вы только заставите замолчать человека, который способен спасти его от потрошения. Да и сомневаюсь, чтобы королева особенно пеклась об этом. Ее величество весьма слабо интересуется, кто унаследует ее трон. Ее беспокоит дата вступления на трон будущего короля.

Леттис не отрывала от него глаз.

— Тогда нам нужно подумать о будущем, моем и вашем. Королеву может не интересовать план заговора сам по себе, но вам он встанет поперек глотки. Это вы допускаете?

Сесил вновь кивнул.

— Вы также согласны — глупо было бы отрицать это передо мной, — что вы ведете переговоры с королем Шотландии, который будет претендовать на английский трон — не важно, добьется он этого или нет?

И опять Сесил склонил голову в знак согласия.

— Тогда вот мои условия. Я оставлю бумагу при себе и буду молчать о ней, пока королева не умрет. За это вы используете все свое влияние для того, чтобы спасти Роберта. А когда шотландец осуществит свое намерение и взойдет на трон, вы приложите все свои силы для того, чтобы уничтожить Ралея.

Сесил задумался.

— В чем причина вашей ненависти к этому человеку? — спросил он наконец.

— Он всегда был врагом Эссекса и моим врагом, — ответила Леттис.

— Понятно. Бумага будет находиться у вас, пока мы не сможем использовать ее против одного Ралея. А я отправляюсь сейчас же к королеве молить о пощаде графу. Так?

На этот раз опустила голову, соглашаясь, Леттис. Потом, подумав немного, она добавила:

— Если приговор будет исполнен так, как он записан теперь, я сойду с ума и в припадке бешенства могу выболтать все как есть.

— Будьте уверены, я сделаю все, что в моих силах, чтобы склонить королеву к милосердию.

Леттис снова впала в свое сомнамбулическое состояние, и Сесил решился покинуть ее и вышел на улицу. Он уже довольно далеко отошел от ее дома, когда вдруг вспомнил, что даже не взглянул на документ. Он уже почти повернул назад, но задумался. Бумага в конечном счете не имела никакого значения, решил он. Он обещал ей только то, что заранее готов был пообещать. Еще до того, как он постучал к ней в дверь, он готов был действовать именно так, как потребовала от него, угрожая документом, Леттис. Роберт Сесил собирался молить всего лишь о приличествующей Эссексу, члену Совета и пэру Англии, казни, иначе эта позорная казнь стала бы опасным прецедентом, и, совершив такое, Елизавета сама бы раскаялась в содеянном; да, он пообещал действовать против Ралея, но и это уже созрело в его голове — стать на пути сэра Уолтера после вступления на трон нового короля, потому что как соперник Ралей был страшно неудобен, хотя и мог служить полезным орудием.

Так что Сесил прямо направился к королеве и не столкнулся с человеком, которого только что, минутой назад пообещал сокрушить. Ралей с сорока своими гвардейцами присутствовал на процессе Эссекса. Он слышал выдвинутые против молодого графа обвинения, сбивчивую и противоречивую его речь в защиту себя; видел, как председатель суда разломил надвое свой жезл, когда произнес ужасный приговор.

В течение всего того дня мысли в его голове метались от прошлого к будущему. Он припомнил

давнее утро, такое далекое, туманом многих лет подернутое утро, когда они с Эссексом, каждый в стремлении пролить кровь соперника, встретились лицом к лицу на поляне, заросшей росной травой. Он вспомнил о женитьбе Эссекса, когда при известии о ней он примчался из Ирландии в Лондон, и тогда наступил второй этап благоволения к нему королевы. Вспомнил Ралей и утро в Хэмптоне, когда он посоветовал королеве сделать Эссекса лордом-маршалом. Как повлияло это назначение на последующее поведение этого юного баламута? Трудно сказать. Эссекс был направлен в Ирландию, потерпел там поражение и вернулся по своей воле, не прощенный. Елизавета еще не была одета, когда он ворвался к ней в комнату, и ему было запрещено являться ко двору. Затем, вместо того чтобы действовать так, как в подобных обстоятельствах поступил бы он, Ралей, — с великой осторожностью и терпением, — он составил какой-то сумасбродный заговор против королевы, и это было его концом. Эссекса отвели в Тауэр в сопровождении палача, который шел за ним по пятам с топором, лезвие которого было повернуто к его предполагаемой жертве. Эта история наводила на грустные мысли — тут было о чем подумать, — и Ралей, отводя своих гвардейцев с места судилища, ничего не замечал вокруг себя. Его, как поэта, трогала судьба юноши и такой неожиданный конец блестящей и мимолетной, как полет метеора, карьеры; он по-человечески сожалел о настигшем Эссекса роке — расплате за его глупость; но, оставаясь при этом самим собой, он был чрезвычайно доволен тем, что в Совете теперь образовалось вакантное место.

Глава двадцать первая
**ВНУТРЕННИЙ ДВОР ТАУЭРА. ПЕРВАЯ
СРЕДА ВЕЛИКОГО ПОСТА 1601 ГОДА**

Среда Великого поста, морозное утро. Каждая былинка на земле, каждая веточка блестит под серебряным, бледным светом солнца. Оно то воссияет на небе, то скроется за низкими, багряными тучами.

Ралей стоял у плахи во дворе Тауэра, держа в руке приказ о казни Эссекса. Закутавшись в плащи, сохраняя мертвое молчание, собравшиеся ожидали последнего акта ураганной драмы о краткой жизни пэра Англии.

Ралей, находясь близко к месту, где так скоро должна была оборваться столь насильственным образом жизнь человека, ни в коей мере не праздновал в душе свою победу. Его состояние можно было бы сравнить с тем, какое он испытывал в то далекое утро, когда они с Эссексом встретились на росистом лугу ипподрома Медоу. В его душе не было чувства вражды к нему. Да, в Совете освободится место, но он предпочел бы, чтобы оно освободилось каким-нибудь другим манером. Эссекс был таким ярким, таким живым с его пылкостью, с его вспыльчивостью и с его приверженностью чести дворянина и верностью товариществу. В его памяти возникла картинка их совместного ужина после той ужасной ссоры на острове Файял. Граф больше уже никогда не выпьет вина, никогда не захочет, никогда не будет глумиться над властителями мира сего.

Блаунт и другие друзья Эссекса не могли знать, о чем думал Ралей. Для них его величественная, мрачная фигура, оказавшаяся так близко к месту

эзекуции, была прямым оскорблением. И еще до того, как появился Эссекс, Блаунт подошел к Ралею и тихо, но злобно сказал ему:

— Позлорадствовать вы могли бы в каком-нибудь другом, не менее удобном месте, не так ли? А здесь, у смертного одра, место не врагам его, а друзьям и близким.

Ралей взглянул на него и на остальных людей, чьи злые лица подтверждали их солидарность с мнением Блаунта. Не говоря ни слова, он повернулся и пошел к Белой башне, где из окна Арсенала он сможет видеть все, оставаясь невидимым для других, и выполнить свой долг капитана гвардии, не бросая вызов друзьям Эссекса.

Не прозвучало ни одного звука, лишь по толпе пробежала волна какого-то движения, когда на эшафоте появился весь в черном молодой граф в сопровождении трех священнослужителей. Его обычный сангвинический румянец будто смыло с лица, беспокойные глаза без намека на прежнее гордое пренебрежение оглядывали все вокруг. Со шляпой в руке он подошел к краю эшафота и поклонился присутствовавшим. Затем тихим, неуверенным голосом граф начал публичное раскаяние в своих грехах. Он раскаивался в своей похоти, своей суетности, своем тяготении к земным утехам, в своей гордыне и особенно в своем последнем грехе — «...великом, лютом, вопиющем, грязном грехе, соблазнившем многих из любивших меня на злые дела против Бога, владычицы земной и против мира...».

Наблюдателю из Арсенала стало не по себе. К чему это самоуничтожение? Человек уже обречен, смертный приговор ему подписан. Смерть ожидает

его. У него нет возможности ни избежать ее, ни отодвинуть срок. Лучше, в тысячу раз лучше призвать на помощь всю укоренившуюся в душе за тридцать четыре года жизни надменность и взойти на плаху с пренебрежением. Зачем укутывать память о его блистательных, феерических годах жизни в саван, в этот убогий наряд публичного раскаяния?

Покаяние завершилось, Эссекс пал на колени и предался страстной молитве. Все собравшиеся тоже опустили на холодные камни и молились вместе с ним. Двор наполнился гулом, будто пчелы жужжали среди клеверного поля, это говорило о том, что все присоединились к молитве Господней «Отче наш». В наступившей затем тишине Эссекс поднялся, отложив в сторону свой белый плюсовый воротник и черный камзол. Палач, по обычаю, встал перед ним на колени и просил у него прощения за то, что должен был вскорости совершить. После всего этого Эссекс лег ничком на плаху и распластал свои руки в красных рукавах по сторонам. Воскликнув: «Господи, будь милостив к поверженному рабу твоему!», он положил на плаху свою золотую голову. Луч солнца скользнул по лезвию поднятого топора. Три раза он взметался и падал, прежде чем разрубил сильную молодую шею, и тогда палач взял голову за светлые волосы и поддержал ее, еще истекавшую кровью, над примолкнувшими свидетелями казни.

«Боже, храни королеву!» — прокричал он, и люди, хранившие молчание все то время, которое прошло с прочтения «Отче наш», повторили за ним: «Боже, храни королеву!» Но принятое обычно: «Накажи так же всех предателей!» — прозвучало едва слышно, как вздох.

Ралей, покидая башню и снова укутываясь в свой плащ, не почувствовал предостерегающего укола; даже намек на то событие, которое должно было произойти семнадцать лет спустя, не омрачил его сознание; когда он покидал Тауэр, ничто не явилось его внутреннему взору, ничто из того, что Уолтер видел в этот день, не предупредило его о том, какой будет его собственная смерть. Но, отправляясь домой, Ралей все-таки думал, что будь он на месте Эссекса, то не стал бы молить о милосердии, он молил бы о даровании ему мужества. Распустив свою команду, Ралей принялся снова тешить себя надеждами на членство в Тайном совете.

Но Сесил не дремал. С Эссексом он покончил и теперь твердо решил, что никогда ни один фаворит не добьется ни крохи власти, разве что по его соизволению. И Ралей, так рассчитывавший на место в Совете, получил губернаторство на острове Джерси.

Глава двадцать вторая **ШЕРБОРН. РОЖДЕСТВО 1602 ГОДА**

Лиз пристроила на надлежащее место последнюю гирлянду и стояла, засунув палец в рот и любуясь проделанной работой.

— Собери мусор и гвозди и отнеси их на кухню, Уолтер. Вот-вот приедет отец.

Она подбросила дрова в камин, и, вспыхнув ярким пламенем, они осветили нарядную комнату. На сиденьях стульев красовались двенадцать павлинов, на стенах с темными панелями жемчужными выглядели ветки омелы и блестели красные рождественские

ягоды. На столе стояло серебро и бокалы из цветного стекла, которые Ралей купил на венецианской каравелле, когда она зашла в порт Плимут во время одного из его наездов туда.

Лиз обошла комнату с тонкой горящей лучиной и зажгла все свечи в их тяжелых серебряных подсвечниках. Еще раз внимательно осмотрев комнату, она пришла к заключению, что теперь все готово к приему гостей. Она подняла портьеру из тисненой испанской кожи, которая загораживала дверь, и прошла на кухню, где на шампурах жарились индейка и нога оленя. Заглянула в кастрюли с приправленными пудингами, на кипящие приправы и соусы. Тут все было в порядке. Она по очереди обошла комнаты — кабинет Ралея, гостевые комнаты и их с мужем спальню, проверила, хорошо ли горят дрова в каминах. В последней комнате она задержалась и посмотрела на себя в мутное, маленькое зеркальце. Да, волосы были гладкие и блестящие: два дня спешных приготовлений не наложили на ее внешность ни отпечатка усталости, ни расхлябанности. Она не видела своего мужа вот уже десять месяцев. Он приезжал в Шерборн в феврале и оставался одну только ночь. Пришло Рождество, и он с гостями ехал, чтобы побыть здесь неделю.

Вдруг, когда она еще стояла и приглаживала складки на своем желтом шелковом платье, на промерзшей дороге к дому, под буками раздался топот копыт. Лиз подхватила свои юбки, бросилась вниз по скользким дубовым ступенькам и распахнула входную дверь. Ралей и еще двое мужчин спешили к крыльцу. Одного из гостей она не знала, лица второго не видела, пока он слезал с лошади. Однако, когда он

обернулся, она с досадой узнала в нем лорда Кобхэма. У нее испортилось настроение. Эта неделя уже не будет тем безоблачным домашним праздником, на который она так рассчитывала. Вместе с Кобхэмом в Шерборн пришли политика и интриги, потому что они были неразделимы. Лиз тепло поздоровалась с мужем, изящно, но сдержанно — с незнакомцем, которого ей представили как лорда Комптона, и холодно — с Кобхэмом. Она отвела гостей в их комнаты, где они могли переодеться и помыться после дороги. Затем пришла к Ралею и, пока он, согнувшись над умывальником, плескался и умывался, спросила его:

— В каком состоянии ты оставил королеву?

— В плохом,— ответил он, окуная в воду лицо и встряхиваясь.— Ее величество уже никогда не оправится от удара, постигшего ее в октябре, когда она упала на открытии парламента. У нее появляются проблески энергии, но они становятся все короче и все реже.

— Семьдесят лет — это немало,— заметила Лиз, не имея при этом в виду свои тридцать один.— Она назвала наследника престола?

— Этот вопрос, насколько я могу судить, волнует не только тебя, он волнует всех англичан,— энергично обтираясь полотенцем, заявил Ралей.— Нет, не назвала. Ни словечка на эту тему, но мы с Кобхэмом как раз это и собираемся обсудить. Большинство высказывается в пользу шотландца Якова. Но я знаю, что Сесил — его человек, и почти уверен, что он действует против меня через Совет Звездной палаты, хотя мне непонятно — почему: мы ведь всегда были друзьями. Я же больше склоняюсь к инфанте Испании.

— Королева-испанка — странный выбор для Англии.

— Не знаю. С любой нацией можно сражаться, пока не появится странное влечение к ней. А это означало бы такой мощный альянс, какого мир не видал.

— А мне казалось, что главная идея, преследуемая нашими государственными мужами, это равновесие сил.

— Дорогая, ты становишься необычайной умницей.

— У меня было много времени для размышлений и на чтение. А ты отдаешь предпочтение инфанте только потому, что Сесил склонен посадить на трон Якова, или у тебя есть другие причины для этого?

— Да, целых две. Она моложе, и ею легче руководить. Он же будет все делать по-своему и приведет с собой своих шотландских друзей. Кроме того, когда на троне королева, у мужчин оказывается больше власти. При короле чаще правят государством женщины. Вот если он победит, я льщу себя надеждой, моя милая, благодаря твоим чарам прихватить кусочек власти и себе.

Ралей распрямился и поцеловал ее, улыбаясь при мысли, как это Лиз с ее прямоотой и честностью станет интриговать и командовать при королевском дворе.

— Если я когда-нибудь и попрошу что-либо у короля, то это чтобы он запретил тебе под угрозой смерти показываться в Шерборне, пересекать границы поместья,— довольно сухо откликнулась Лиз.

Это был достаточно тонкий намек на грустную тему, что побудило Ралея сказать, поправляя складки на плоеном воротнике:

— Ну, нам пора спускаться вниз. Я, между прочим, не видел еще Уолтера.

— Да он все время болтался в холле. Но смутился, увидев шедших впереди тебя незнакомцев.

— Он уже достаточно взрослый, чтобы не выкидывать подобных штучек. Уолтер видит слишком мало людей. Ему надо побольше находиться в Лондоне, со мной.

— Да. Я уже думала о том, что он нуждается в отце. Мы, наверное, приедем к тебе в новом году.

Ралей удивленно взглянул на нее. Непонятно, что привело ее к такому неожиданному решению — болезнь королевы или собственные соображения. Он не мог ответить на этот вопрос, но ее заявление порадовало его. С легким сердцем он обнял жену за талию и сбежал с нею вниз по лестнице.

Юный Уолтер, не по возрасту высокий и серьезный, застенчиво подстерегал их внизу, у лестницы, готовый при первом же звуке незнакомых голосов быстро скрыться. Но, увидев отца и мать, он подошел к ним и обнял отца.

— Как же долго я ждал вас! — сказал он. — Скажите, вы еще не ездили за золотом?

— Каким золотом, сын?

— Он читал твою книгу о Гвиане, — объяснила Лиз.

— Ах, это... Нет, я больше не был там.

— Как хорошо! Когда вы отправитесь туда, возьмите с собой меня, пожалуйста, отец.

Мальчик говорил очень серьезно, будто это было для него делом жизни или смерти. Ралей с интересом взглянул на него. У сына было его лицо, такое же узкое, удлиненное, только глаза материнские, светлые, и волосы золотистые, и темные ресницы.

— Откуда у тебя это желание?

— О, я так хочу увидеть все эти необычные вещи и коричневых людей. Я ни о чем никогда не попрошу вас больше, если вы возьмете меня с собой. Как вы считаете, тот старик со смешным именем будет еще там?

— Топиавари? Нет, не думаю. Он был очень стар уже тогда, в те давние времена.— Ралей обратился к Лиз: — Мой сын абсолютно такой же, каким был я в его возрасте. Тогда я дружил со старым моряком по имени Харкесс, он рассказывал мне обо всех тех местах, где сам побывал, и я чуть с ума не сходил от желания посетить их.

— Он же, в конце концов, твой сын,— сказала Лиз и ушла на кухню.

Вспомнив об алфавите из яблочной кожуры и сахарных палочек, она с горечью подумала, что заботами Ралея мальчик едва ли научился бы читать, а теперь он забудет его головку всякими безумными рассказами, и она потеряет сына. Браня служанку за то, что она пересушила пудинг, Лиз раздумывала над тем, как вырос интерес маленького Уолтера к делам отца по сравнению с прошлым его визитом. Она сама не ожидала — и это ее потрясло,— что она станет ревновать сына к отцу. Но, хотела Лиз того или не хотела, она должна была признаться себе, что ее муж все так же очарователен. И, увидев его этим утром, немного постаревшего, растерявшего свое здоровье, она была глубоко тронута его обликом, и это натолкнуло ее на мысль поехать в Лондон, чтобы находиться рядом с ним и окружить его своими заботами, в которых он явно нуждался, хотя никогда и не признавался в этом.

Вернувшись из кухни, Лиз увидела, что гости с хозяином покинули застолье и сели возле огня. Мальчик пристроился на поручне кресла отца и задавал лорду Кобхэму вопросы, проявляя полное самообладание. Правда, лорд Кобхэм избрал для беседы подходящий предмет — пони, но Лиз пожалела, что стеснительность Уолтера так легко прошла в присутствии такой компании.

— А ну-ка, сбегай на кухню, Уолтер,— приказала она.— Я забыла сказать Марте, чтобы она подогрела эль для ряженных. Они вот-вот явятся.

Уолтер, хоть и неохотно, подчинился, и, как только он вышел из залы, за окнами, в чистом, морозном воздухе зазвучала песня.

Мы поем вам о деве,
Деве благодатной.
Царем всех царей
Сын ее стал когда-то.

Он так тихо пришел
К своей матери славной,
Как в апреле роса
Окропляет травы.

Он так тихо вошел
В дом и сел у стены,
Как в апреле роса
Окропляет цветы.

Он так тихо принял
К ложу матушки-девы,
Как в апреле роса
Окропляет побеги.

Мать и дева — одно,
И подобной ей нет,
Лишь одной ей дано
Нести Матери крест.

Последовали шарканье ног в тяжелой обуви по промерзшей земле, покашливанья; потом они снова запели.

Как Иосиф шел да по полюшку, и услышал он
 песню ангела:
Этот день, мол, будет днем рождения, днем рождения
 Иисуса Христа.

Он не станет-де умываться вином красным,
 ни вином белым,
А умоется он водой чистою, водой чистою
 да польют его.

И не будет он облачатися в пурпур-золото,
 в злату мантию,
Словно дитяtko невинное, обрядят его
 в покрова белые.

Не серебряной и не золотой будет люлька его,
 люлька первая,
Будут ясли в хлеву, ясли жесткие его первую
 колыбелькою.

Как Иосиф шел да по полюшку, и услышал он
 песню ангела,
И в ту полночь родился сын, и он стал наш царь,
 царь небесный наш.

— Я приглашу их в дом? — спросила Лиз. — Не то мясо подгорит.

— Пусть они споют еще немного, — сказал Ралей. — Я люблю эти старинные песни. А мясо подождет, такое бывает разве что раз в году.

И сидела Мария, и качала она дитя малое
 на коленях своих,
Приходили волхвы, поклонялися и дары к ногам
 Девы складывали.

Ряженные едва успели окончить вторую строку, когда Лиз вскочила на ноги.

— Этой песни я не переносу! — вскричала она. — Я знаю, что будет дальше.

— Это что-то новенькое, что тебе там не нравится? — спросил Ралей.

Но Лиз уже отворяла двери.

— Люди добрые, желаю вам счастливого Рождества. Заходите и будьте желанными гостями.

Вошли шестеро мужчин и шестеро мальчиков в кожаных капюшонах, изображавших различных животных. Из-под длинных ослиных ушей, из-под остреньких кошачьих ушек и висячих ушей мастифов выглядывали раскрасневшиеся деревенские лица. Они выпили свой эль, провозгласили свои рождественские поздравления, добавляя странно занудными голосами: «Бог да благословит хозяина этого дома, а также его хозяйку, а также всех маленьких детей, собравшихся вокруг этого стола». Затем они удалились, чтобы повторить свое представление где-нибудь в другом месте.

— Интересные эти маски, — сказал Ралей, снова усаживаясь вместе со всеми за стол. — Вроде бы к Рождеству они не имеют никакого отношения, однако это один из древнейших обрядов.

— Может быть, он имеет какое-то отношение к животным в стойле, — заметила Лиз, проследив внимательно, все ли необходимое есть у ее гостей.

— Марта говорила мне, что на Рождество в полночь все животные становятся на колени. Но это неправда, папа, в прошлое Рождество я до поздней ночи не спал, чтобы самому убедиться в этом, — сказал Уолтер.

— Не думаю, чтобы животные имели хоть какое-то представление о времени, — сказал Ралей, — однако это забавно.

— Это то же самое, что рассказ о том, как двумя рыбами и пятью хлебами накормили пять тысяч человек,— очень серьезно заявил Уолтер,— я в это никогда не мог поверить.

Ралей рассмеялся, а Лиз кинула на него недовольный взгляд.

— Что за дурацкие разговоры в рождественский вечер,— сказала она.— Ты должен верить, что Бог может сделать все.

— Тогда он мог бы поставить животных на колени.

— С какой стати? Может, он сознавал, как нехорошо и глупо с твоей стороны так поздно не спать, и поэтому не позволил им опуститься на колени. А сейчас займись своим ужином и перестань болтать.

Лорд Комптон обратился к хозяину:

— Странную вещь я услышал перед самым нашим отъездом. Строго между нами, но меня торжественно заверили, что Харингтон, крестник королевы, отправил шотландскому Якову рождественский подарок, лампу с надписью: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» Подходящая надпись, но самое замечательное в ней то, чьими устами она была вымолвлена.

— Вора,— улыбаясь, сказал Кобхэм.

— Это ужасно,— сказал Ралей,— ее величество ведь еще даже не слегла в постель. Что бы она сделала, если бы услышала это?

— Ничего. Ей не до этого. Кроме того, нечего нам дожидаться, пока трон опустеет. Об этом мы и хотим потолковать с вами.

— Это будет концом эры, и мне очень жаль королеву. Таких, как она, уже не будет.

Глава двадцать третья
ДВОР В ХЭМПТОНЕ. МАРТ 1603 ГОДА

Скипетр и корону
Пора отбросить в сторону.
Они с лопатой и косой
Сравняются во прахе, под землей.

Несмотря на холода и собственную, все возрастающую слабость, королева повелела двору отправиться в Хэмптон, а сама поместилась в двух хорошо протопленных комнатах, откуда Ралей когда-то вытащил ее на прогулку в парк. Оглядываясь назад, на тот далекий день, Елизавета думала, что тогда она была еще молодой и здоровой женщиной. Хотя и с трудом, ее величество еще могла передвигаться. Индейские порошки больше не помогали ей, потому что Елизавета все больше и больше увлекалась ими. Она не могла принимать пищу и иногда сидела целый час за столом, обхватив руками бокал с вином, и затем отставляла его в сторону нетронутым.

Ее болезнь пробудила нездоровый интерес к ней, и старые непристойные байки свободно гуляли по дворцу. Например: она родила Лестеру дочь, и теперь та замужем за французским принцем и будет претендовать на трон. Или: ее сын от Ралея был задушен при рождении тут же, в Хэмптоне. Или: Беркли и Уолсингем поимели удовольствие с ней и не требовали никакого вознаграждения за это. Но даже если до нее и доходило что-то из этих сплетен, она не подавала виду: никто не был повешен, никого за уши не пригвоздили к позорному столбу, никому не отрубили руки. Погруженная в меланхолию,

вызволить из которой ее никто не мог, королева готовилась к смерти. Все думали, что она уже никогда не покинет своих апартаментов, но в один прекрасный день, когда под порывами ветра дым вздымался над огнем в каминах и колыхались гобелены на стенах, одна из фрейлин прошептала другой:

— Как она?

— Умирает, — ответила другая.

Елизавета встала.

— Я вовсе не умираю, бесстыдницы. Как вы посмели сказать такое?

— Да нет, ваше величество, не вы. Это графиня Ноттингем умирает.

— Графиня? О, леди Хоуард. Почему мне ничего не сказали? Если в такую дьявольскую погоду мне слишком холодно, чтобы выйти наружу, так, значит, со мной можно обращаться как с умалишенной? Притащите мне еще одну шаль. И, вы там, притащите сюда еще и мужчину. Лучше Ралея, если найдете его. Он, наверное, изнывает возле своей поблекшей женушки, но поищите его. Да поскорей.

Срочно призванный Ралей отложил небольшую книжку меланхолической поэзии, которую читал, и поспешил к королеве. Слова одного из четверостиший поэмы, которую он впервые читал в этот день, застряли у него в голове и преследовали его.

О, смертные! Дано вам в жизни сей
Смотреть, как я лежу здесь, рыцарь прежних битв;
Венчает все — и процветание, и спесь —
Наш смертный час, своим путем прибыв.
А вслед ему спускается тьма тьмы,
И звон колоколов к вечерне кличет всех.

Проходя по галереям под порывами ледяного ветра, он подумал, что королева прожила долгую жизнь, но ничего утешительного не было в этой мысли.

Королева приветствовала своего фаворита словами:

— Вот до чего я докатилась, Уолтер,— приходится просить, чтобы мне подали руку. Проведи меня к леди Хоуард. Мне сказали, что она умирает.

— Боюсь, ваше величество, что так оно и есть.

Тело королевы, закутанное в шали, казалось, было не больше, чем тело ребенка, а рука, которую она просунула ему под локоть, стала тонкая до прозрачности, кончики пальцев посинели. Ее величество, однако, bravо ступала по полу, во всяком случае, это получалось у нее гораздо лучше, чем предполагал Ралей, когда она изъявила свое желание пойти к графине.

Всю дорогу до покоев леди Хоуард она без конца жаловалась ему на плохое обращение с ней.

— Леди Хоуард всегда была мне другом, и они могли позволить умереть ей, не дав возможности поговорить со мной. Пусть только придет весна, отогреет мою кровь и мои бедные кости, и я заставлю их попрыгать, этих моих фрейлин.

Покои графини были полны людей, и у ее постели находились два врача. Ралей открыл дверь, и Елизавета, увидев, что чья-то спина загораживает ей проход, повисла на Ралее всем телом, а своей палкой нанесла удар по той спине. Жертва удара резко обернулась, и по толпе прошел ропот. Явилась королева. Все еще тяжело опираясь на Ралея,

Елизавета прошла к постели умирающей. Та приподнялась немного на одном локте и проговорила:

— Прикажите всем уйти. Мне необходимо кое в чем признаться вам. Мне сказали, что вы не можете передвигаться, и я боялась умереть не прощенной.

— Все вон,— коротко приказала королева.— Уолтер, выйди и постой у двери, чтобы слышал, если позову.

Закрывая дверь, он видел, как Елизавета, не согнувшись, присела на край кровати, и услышал, как она самым нежным голосом произнесла:

— Итак, мой старый друг, какая суетная чепуха так тревожит тебя?

У Ралея комок стал в горле, когда он представил себе двух старых женщин за закрытыми дверями, одна из которых старается облегчить душу той, которая уже ступила одной ногой на свою последнюю стезю. Пусть Лиз говорит что хочет, но она недооценивает королеву. Есть в ней большой запас деликатного бескорыстия. Он сам видел, чего ей стоило нанести этот визит и сколько сочувствия было в ее словах: «Мой старый друг...»

Из комнаты не доносилось ни звука. Графиня старалась справиться со своей неизбывной слабостью, а у королевы было плохо с горлом, и ей трудно было говорить.

Ралей провел какое-то время в ожидании, когда тишина в комнате была вдруг нарушена.

— Бог простит тебя, я же — никогда! — кричала королева.

Дверь неожиданно широко распахнулась, и Елизавета появилась в коридоре. У нее был ужасный вид: глаза метали молнии, изо рта показались кровь и

пена. Она утиралась рукавом платья, и когда Ралей предложил ей руку, она громко воскликнула:

— Ничего странного, что у меня изо рта течет кровь, это у меня в горле что-то лопнуло. Мне лучше. Но ты иди за мной, у меня есть много чего сказать тебе.

Прямая как палка — и такая же тощая, — она прошагала в свои комнаты, Ралей — за нею, как ему было сказано. Фрейлинам, скучившимся у камина, она прокричала:

— Пока меня не было, вы дали огню погаснуть, да? Наверно, думали, что я уже не вернусь. А я — вот она, и мне лучше, так что марш отсюда! И прибавьте шагу, но прежде прибавьте огня!

Фрейлины быстренько подбросили дров в камин и исчезли.

— А теперь, — сказала королева, бросаясь в кресло и стараясь восстановить дыхание, — я расскажу тебе, что выложила мне эта подлая женщина. Мое горло взорвалось от гнева, удивляюсь, как уцелело сердце. Если бы она не умирала уже, я бы ее прикончила.

Елизавета умолкла, задыхаясь. Ралей видел, с каким трудом дался ей этот вдох: плечи напряглись, раздулись ноздри.

— Уже очень давно я дала Эссексу перстень. — Голос ее пресекся при произнесении этого имени: его не разрешено было вспоминать в присутствии королевы, и сама она едва ли хоть раз произнесла его со времени казни. — На протяжении всех последних дней его жизни я ждала, что он пришлет мне перстень, потому что обещала ему когда-то, что если получу его обратно от него, то помилую, что бы он

ни натворил. Перстень ко мне так и не вернулся, и я восприняла это как очередное оскорбление в мой адрес, подумала, что Эссекс предпочел умереть, но не использовать этот талисман. И знаешь, почему кольцо не вернулось? — Елизавета наклонилась к Ралею и тяжело задышала прямо ему в лицо. — Эссекс бросил его в окно какому-то человеку и просил передать кольцо леди Скоуп. А этот дурак отдал его леди Говард, сестре леди Скоуп, и та по своей злобности держала перстень при себе и призналась мне в этом только теперь. Теперь, когда Эссекс уже стал пищей для червей. И он умер, считая, что я не выполнила свое обещание, не помиловала его. — Заканчивая свой рассказ, Елизавета была на грани истерического припадка. Пока Ралей придумывал, как бы утешить ее, она, драматично понизив голос и тыча в него пальцем, сказала: — А кто сделал Эссекса врагом леди Говард?

— Хоуард и Эссекс были всегда... — начал было Ралей, но тут догадка ударила ему в голову. Он мог и не слушать дрожащего голоса королевы.

— Это был ты. Ты, в этой самой комнате, посоветовал мне, как возвысить Роберта над Хоуардом Эффингемом, когда я пожаловала тому титул графа Ноттингема. Одним ударом ты, Ралей, отсекал голову Роберту Эссексу. Однажды я остановила вас, когда вы собирались убить друг друга, и всегда старалась поддерживать некое равновесие между вами. Я любила вас обоих. По-разному — он был совсем мальчишка, вроде сына мне. Но любила я вас обоих. Уолтер, я не должна больше видеть тебя. Вот то немногое, чем я могу загладить свою вину. Я, возможно, еще долго проживу, лет до восьмидесяти, и

все это время я не хочу видеть тебя. Было бы неправильно встречаться с тобой после того, что ты наделал.

— Но,— сказал Ралей, в очередной раз совершая ошибку и стараясь прибегнуть в разговоре с ней к помощи логики,— я всего лишь посоветовал вам назначить его лордом-маршалом и таким образом возвысить его над адмиралом. Так что не я сделал это. Это сделали вы.

Елизавета закрыла лицо руками и заплакала.

— Да, я сделала это, я. Я убила одного из тех, кого любила, и теперь не могу смотреть в лицо другому. Уходите, Уолтер Ралей, и, если можете и знаете как, молитесь за меня.

Ралей бросился на колени перед ней.

— Не отстраняйте меня теперь,— умолял он,— мы оба, и вы и я, далеко не молоды. У нас не осталось времени на расставанья. Мы оба допустили ошибку тогда, но не из дурных побуждений. Клянусь, я никогда в жизни не желал ничего плохого Роберту. Я сожалел о его кончине не меньше, чем вы. Мы с вами все, что осталось от прежних времен. Не отстраняйте меня.

Елизавета оттолкнула Ралея от себя и сказала, глядя поверх его головы в пространство:

— Я всегда прислушивалась к твоим словам, хотя мне лучше было бы не делать этого и поступать по-своему, как должно было в таких случаях. А теперь уходи. Я наказываю себя куда сильнее, чем тебя. Пойми же это и уходи скорей.

Склонившись к нему, она быстро и крепко поцеловала его в губы.

— А теперь иди.

Ралей медленно поднялся, ощущая горечь ее поцелуя у себя на губах, и в последний раз, теперь уже навсегда, покинул ее.

Лишенный общества королевы, Ралей тем не менее не покидал дворец, собирая по мелочам сведения о ее состоянии. В субботу прошел слух, что королева окончательно потеряла рассудок. В восемь часов утра она поднялась с подушек и, с огромным усилием встав прямо возле кресел, воскликнула:

— Смерть, я сумею тебя победить!

И она простояла, не сходя с места, целый день. Придворные, боясь, что непосильное напряжение приблизит ее конец, уговаривали ее лечь или сесть по крайней мере, на что она отвечала:

— Как только я перестану стоять, я умру.

Фрейлины положили вокруг нее подушки на случай, если королева упадет, когда силы оставят ее, ей предлагали вина и отвар цикория, но она отказывалась от всего. Елизавета стояла прямо и не мигая. Заканчивался день, темнело. «Она все еще стоит», — шептали вокруг. Наступила ночь. Роберт Кэри, который должен был скакать в Шотландию, как только наступит ее смерть, проведаль своего коня на конюшне, оседланного и готового пуститься в путь. В Ричмонде никто не сомневался, что смерть так и настигнет ее величество на ногах.

За час до полуночи — к этому времени она простояла уже пятнадцать часов — Елизавета сказала:

— Теперь вы можете положить меня на кровать. Я победила. Приготовьте все к службе к десяти часам утра завтра в большой часовне.

Суеверные страхи, так распространенные в тот век, потрясли двор. Ралей, проводивший все свое время в приемной, почувствовал, как и его скептически настроенный ум проникся тем же трепетом. Может быть, существуют души, не поддающиеся смерти, и если таковые есть, он вдруг поверил, что душа Елизаветы Тюдор — одна из них. Наверное, все эти долгие часы Смерть стояла, глядя ей в лицо, и наконец отступила, поверженная.

В часовне на алтаре расстелили новые покровы. Рано утром кое-кто из фрейлин вышли в парк набрать бледно-желтых нарциссов, которые росли как раз под той стеной, у которой Ралей сорвал когда-то подмерзшую розу. Они расставили их в серебряных вазах у алтаря, как приказывала всегда Елизавета вопреки суровым правилам пуританской церкви тех времен. К десяти часам все было готово: горели свечи, архиепископ Кентерберийский, маленький, темноволосый Уитгифт, стоял в ожидании у алтаря. Ралей со своими гвардейцами приготовился сопровождать королеву. Но из королевских покоев до одиннадцати часов никто не появлялся, пока наконец Агнесса Лоули не приоткрыла тихо дверь и не подошла к Ралею.

— Она не может спуститься в часовню. Попросите, пожалуйста, архиепископа провести службу в ее комнате.

Вслед за архиепископом в комнату королевы протиснулись многие из прихожан, остальные вместе с гвардейцами слушали хор и епископа, оставаясь за открытыми дверьми.

Умиравшая лежала посреди комнаты, распростершись на полу, на подушках, облаченная во все королевские аксессуары.

Завеса страха и ужаса нависла над всем двором. Молитвы за здоровье королевы звучали как заупокойные молитвы. Сильный голос Уитгифта дрожал, дамы громко рыдали.

Служба закончилась, и все покинули комнату. Ралей остался в прихожей. Он пытался молиться за нее, как она повелела, но вместо молитвы в голову лезли старые, полузабытые строчки из стихов Пила:

Дева, молеельщиком твоим достоин
Стать старец сей, кто прежде был твой воин.

Или покойного Гэскойна:

Баю-бай, моей юности дни,
Пришло время уснуть вам навек;
Годы сгорбили плечи мои,
Голова моя тоже как снег.

Или строка Нэша, так расстроившая когда-то королеву:

Забит прахом Еленин глаз...

Весь тот день его одолевали мысли о прошлом: Голландия, Ирландия, Гвиана... О чем говорили они с товарищами? О королеве. К кому обращались их чаяния и надежды? К королеве. И теперь это ярчайшее Божество сокрушено, старая, больная женщина стонет, распростертая на полу. «Человек, рожденный женщиной, обречен недолго жить, он расцветает как цветок, его косят как траву».

Небо покрылось тучами, и начался чудесный, сплошной ливень, его струи погасили остатки дневного света. Прибыл Сесил, промокший до нитки, и

был допущен к королеве. Когда он вышел от нее, то остановился возле Ралея и сказал:

— Я говорил ей, что она должна лечь в постель, если хочет, чтобы народ успокоился, а она в обычной своей манере заявила мне: «Ничтожный человек, «должен» не то слово, с которым можно обращаться к персонам королевской крови». Я спросил ее о наследнике престола, и она назначила Якова.

— Назначила?

— Ну, она сказала: «не низкого происхождения человек, но король». Это указывает на единственного, кого я реально вижу.

— Она сама не знала, что говорит. Она всегда ненавидела его.

— Боюсь, вы приписываете ей свои собственные чувства.

— Я буду ненавидеть любого, кто займет ее место. Сесил криво улыбнулся и вышел.

В восемь вечера Ралей, не имевший ни росинки во рту за весь день, решил спуститься в кладовую, выпить немного вина и съесть кусок хлеба. Возвращаясь по едва освещенным, холодным переходам, он натолкнулся на трепетавшую от ужаса Агнессу Лоули. Она всем телом прильнула к нему.

— Я только что видела ее прогуливающейся по Длинной галерее, одетую и легко передвигавшуюся. Я вернулась в комнату, чтобы проверить, но она все так же, как когда я уходила, лежала на подушках с пальцем, засунутым в рот. Это была ее тень. Это означает, что смерть пришла.

И фрейлина разрыдалась у него на руках.

— Это от перенапряжения, ваши чувства обману-

ли вас,— уверял ее Ралей,— постоит еще немного со мной здесь.

Наконец прибыл старый Хоуард, граф Ноттингем. Он отсутствовал из-за похорон своей жены. Весь в черном, с печатью горя на лице, адмирал вызывал сочувствие и казался немощным, совсем не похожим на бравого моряка, который когда-то следил за действиями Эссекса. Но дух его был непоколебим.

— Говорят, она отказывается ложиться в постель.

— Сесил этим утром пытался убедить ее лечь,— сказал Ралей,— но она не стала слушать его.

— Я не собираюсь убеждать ее,— заявил старый граф,— я собираюсь поднять ее и положить на кровать.

— Не могу ли я помочь вам? — предложил Ралей.

— Ваша помощь мне не понадобится,— грубо возразил старик.

Он прошел в комнату, но вскоре вернулся и попросил Агнессу помочь раздеть ее госпожу.

Над Ричмондом опустилась ночь. Королева спала. Лысая голова, укутанная шалью, провалившиеся глаза под арками поднятых бровей, умолкший наконец насмешливый, лицемерный язык, упокоившиеся неугомонные руки — королева спала.

Перед самым рассветом, наклонившись над ней, они увидели, что простыни не шевелятся от дыхания, а пульс на ее морщинистой шее больше не бьется.

Роберт Кэри вскочил на своего коня и поскакал в Эдинбург сообщить Якову Шотландскому, что Англия отныне принадлежит ему.

Королевская гвардия в последний раз отправляла свою службу. В черных камзолах и касках, опустив пики, гвардейцы стояли вдоль всего пути, по которому двигалась процессия. Мимо них проследовал катафалк со свинцовым гробом, накрытым покрывалом, над которым возвышалась восковая фигура королевы в том обликии, в каком она предстала перед людьми в день ее коронации: бледное, гордое лицо, освещенное разумом, золотисто-рыжие волосы, королевские одежды. За катафалком шел старый Хоуард, в последний раз исполняя свой долг перед королевой; за ним следовал Сесил, уже изменивший своей королеве; затем шествовали придворные, фрейлины с лицами, перекошенными от рыданий. Все они медленно проплыли мимо высокого, мрачного человека, чьи мысли в это время были заняты воспоминаниями о другом апрельском дне; в тот день тучи закрывали временами солнце, и королева спросила: «Господи, да буду ли я королевой Англии Там?»

Все ее величие и острый ум, все эти вспышки гнева и доброта, все ее мужество, вся ее жизнь, вся она — все сжалось, превратилось во что-то ничтожно малое, что сейчас поднимут себе на плечи люди, унесут и забудут.

По команде гвардия пристроилась сзади похоронной процессии и проследовала к Вестминстерскому аббатству. Воздух был напоен запахом древнего ладана, смешанного с запахом колеблющихся на ветру свеч. Величественные, торжественные слова заупокойной молитвы перекрывали плач и всхлипывания

присутствовавших. В назначенное время тело королевы поместили рядом с прахом ее предков: осторожного, умного Генриха Седьмого, грубого и сластолюбивого Генриха Восьмого. Она взяла многое от них, но по своему величию превосходила их обоих.

Хор закончил свое последнее печальное песнопение, свечи растаяли в подсвечниках. Ралей вывел своих гвардейцев наружу, на апрельское солнышко и выпустил их. Теперь не осталось нужды в гвардии. Нечего стало охранять.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава двадцать четвертая

ВИНДЗОРСКИЙ ЗАМОК. 1603 ГОД

Яков, Божьей милостью король Англии и Шотландии, заступник веры, смотрел на Ралея, и Ралей смотрел на Якова.

Так вот он, этот доблестный Ралей, думал Яков. Перед ним стоял высокий, стройный, темноволосый человек с гордой осанкой, немного прихрамывающий и с совершенно седыми висками, одетый богато, но в темные одежды.

Ралей думал: и это король! Человек с желтоватым, плоским лицом, с редкой, неприбранной бородой и беспокойными, бегающими глазками; одет в подбитый ватой камзол и такие же штаны, из-под которых нелепо торчат тонкие, слабые ноги. На нем было грязное белье, и часто выступающий от страха пот пропитал всю его одежду и отвратительно, резко

вонял. Его испачканные руки лежали на поручнях кресла, в котором часто отдыхала Елизавета.

Он говорил грубым голосом, присущим жителям юго-восточной части Шотландии, речь его была затруднена из-за слишком толстого языка.

— Мы рады видеть вас, сэр Уолтер Ралей, хотя бы с запозданием. Большинство государственных мужей уже давно представились мне.

— Было объявлено, ваше величество, что государственные служащие должны воздержаться от посещения вас,— сказал Ралей, глядя на Сесила, автора этого объявления.

— А вы всегда так скрупулезно выполняете указы?

— Я стараюсь.

— А я слышал обратное. Мне говорили о приближенных покойной королевы как о людях своевольных.

Ралей промолчал: если король желает проявить свое несогласие, так оно и будет, ничто не может остановить его. Но глаза Ралея полыхнули гневом. Неужели Сесил стоит за всем этим? Играет на трусости нового короля.

Яков заметил, как вспыхнули в ярости глаза Ралея.

— Однако хватит об этом,— сказал он,— и договоримся: завтра вы сопровождаете меня на прогулке верхом. Я хочу знать ваше мнение по многим проблемам.

Ралей удалился, и Яков обратился к Сесилу:

— Вы были правы в оценке этого человека: он слишком горд и опасен.

— И к тому же — атеист,— добавил Сесил, который уже прознал о глубине почти пуританской религиозности Якова.

Прогулка верхом на следующее утро явилась тяжким испытанием для Ралея. Сам он был великолепным наездником и привык к верховой езде с Елизаветой и Лиз; однако весьма комическое зрелище, которое представлял собою Яков верхом на лошади, поразило его чрезвычайно. Он был таким неуклюжим всадником, что только его подбитые ватой штаны спасали его от серьезных неприятностей; он рвал удилами рот лошади, широко расставлял свои локти и колени, и в результате их беседа, которая и послужила предлогом для приглашения на прогулку Ралея, без конца прерывалась его увещеваниями, обращенными к собственной кобыле.

Ралей был повинен в некотором позерстве: он не подумал о том, как могли раздражать нескладного Якова его прямая спина, прекрасная посадка искусного всадника и длинные ноги.

— Вы тот человек, который не раз вступал в бой с испанцами; скажите, есть ли еще основания опасаться нападения с их стороны?.. Ну, ты, животное, стой! Стой же!

— Ваше величество, должен сказать, что и их армия, и их флот значительно выросли после восьмидесяти восьмого года.

— Они настроены враждебно?

— Любая устоявшаяся нация ненавидит догоняющую ее. Посмотрите хотя бы на то, как мы сами начинаем ненавидеть Данию.

— Меня удивляет... Ах, окаянная, да держи ты свою морду как следует!.. Между прочим, я удивлен,

что не было попыток захватить трон. Это же их любимое занятие.

— Не было такой возможности, — откровенно заметил Ралей. — Вся страна высказалась в вашу пользу.

— Вся?

— Были, конечно, единичные исключения. Но это не должно тревожить вас. Покойная королева, да упокоит Господь ее душу, была самым популярным монархом на протяжении всей истории Англии, но даже ее восшествие на трон приветствовалось далеко не всеми.

— В самом деле. Но вернемся к Испании... Тихо! Тихо ты!.. Да, вернемся к Испании. Какую политику в отношении нее вы бы посоветовали?

— Ту, которую я всегда исповедовал, — действовать. Если мы не поторопимся, весь Новый Свет окажется в руках Испании, все его полезные ископаемые, богатые целинные земли, его необозримые возможности для обогащения и обустройства наших соотечественников, для которых в Англии нет никаких перспектив.

— Продолжайте. Что же вы предлагаете?

— Я бы напал на испанцев в районе реки Ориноко. Индейцы там сослужили бы нам хорошую службу. В девяносто пятом году, имея в своем распоряжении всего двести человек, я разгромил испанцев и их город на Тринидаде. Испанцы набрали тогда рекрутов из местных индейцев, но те при первом же выстреле развернулись и стали сражаться на нашей стороне. И они сделают то же самое, особенно если там буду я.

— Почему? — Яков с неприязнью посмотрел на этого головореза.

— Я знаю их, и они знают меня и верят мне. Я приложил немалые усилия, чтобы оставить незапятнанным свое имя в их памяти. Я постоянно получаю известия от капитанов кораблей, которые побывали у берегов Ориноко. Индейцы до сих пор не забыли меня.

— Ну да,— сказал Яков.— Поворачиваем назад.

— Я бы за свой счет взял с собой две тысячи людей,— продолжал Ралей, пока они разворачивались и легким галопом направлялись в Виндзор.— И если я получу ваше дозволение, я возглавлю отряд. Это было бы блестящим началом вашего царствования.

— Об этом нужно подумать всерьез.

— Это нельзя откладывать в долгий ящик. Испанцы не ожидают столь скорого нашего выступления, и это сыграет нам на руку.

Яков промолчал. Он возвращался в замок вполне удовлетворенный. Этот Ралей оказался как раз таким, каким ему представили его приближенные: скандалист, готовый всю страну втравить в войну из собственных необузданных амбиций; хвастун, нахал — ему бы только диктовать свою волю королям,— и ведь за все время всего один раз обратился к нему, королю, «ваше величество». Яков сравнил его с Сесилом — существом учтивым, хотя и болезненным, подобострастным, пусть и уродливым. Вот он — его человек.

Король Англии с трудом спешил с лошади и пошел держать совет с Сесилом. И государственный секретарь, ныне злейший враг Ралея, отпустил ему,

возможно, самый грандиозный за всю его жизнь комплимент.

— Арестуйте сначала Кобхэма,— посоветовал он королю,— он выдаст сэра Уолтера. От самого Ралей мы не добьемся ровным счетом ничего.

Глава двадцать пятая **ТАУЭР. 1604 ГОД**

Сэр Джон Пейтон, комендант Тауэра, человек с большим, толстым животом и очень доброй душой, заметил, что Ралей в первые дни после своего ареста грустит непомерно, и решил пригласить его к себе на ужин. Никому от этого хуже не будет, решил он: Ралей еще только дожидался суда, его еще ни в чем не обвинили и не вынесли никакого приговора. И, исходя из собственного опыта, он подумал, что хороший ужин приободрит арестанта. Комендант заказал суп из угрей, рыбу калкан, приготовленную в белом вине, жареных утят, яблочный соус и огромный пирог из разных фруктов, покрытый шоколадом и разными кондитерскими изделиями. Он спустился в свой подвал и вернулся с четырьмя пропыленными бутылками, две из которых держал под мышками; в них было крепкое белое сладкое «Малмси», чудесное канарское и драгоценное красное вино из Оporto. Когда комендант взглянул на накрытый стол, он подумал, что такое зрелище утешило бы его и на пороге могилы, а ему до этого еще, слава Богу, далеко. Садясь за ломившийся от яств стол, он снял с себя ремень, расстегнул камзол и с удовольствием отметил про себя, что и сэр Уолтер сделал то же.

— Боюсь, я буду плохим гостем,— заметил Ралей,— человек, у которого тяжело на сердце, вряд ли составит приятную компанию вам.

— Не стоит так легко поддаваться отчаянию,— возразил добряк, погружая свою ложку в тарелку с супом.— Насколько я знаю, против вас есть только свидетельство лорда Кобхэма, а слушать его не всякий будет.

— Король и Роберт Сесил будут слушать то, что они хотят услышать, впрочем, как все мы. И про себя они уже приговорили меня. А иначе зачем было отнимать у меня все монополии, принадлежавшие мне, и место губернатора Джерси?

— Это место они отдали мне,— сказал Пейтон, смеясь.— Вы, наверное, не знали этого. Я вовсе не добивался этой должности, поверьте,— добавил он, вновь посерьезнев.

— Даже если бы вы добивались ее, я не стал бы корить вас за это. В нашем мире каждый человек старается только ради самого себя, Пейтон. Желаю вам счастья на острове. Между прочим, прекрасное местечко.

— Мне так и сказали. Только, боюсь, я не справлюсь с его управлением.

— Ничего подобного. Однако постарайтесь с самого начала произвести впечатление на публику: по случаю каждого общественного мероприятия выходите в лучшей вашей одежде. Они ведь наполовину французы и любят всякую показуху. А в остальном жизнь там идет сама собой: правление на острове полуфеодальное, вдаваться в его особенности вам нет нужды. Мне это не понадобилось, правда, я недолго там правил. Если не считать неожиданных, яростных

междоусобиц, народ там мирный, очень симпатичный.

Неожиданная мысль пришла Ралею в голову, с такой остротой напомнив ему о его бывших чаяниях и о нынешней беспомощности, что прежде чем высказаться, он выпил до дна свой бокал вина.

— Буду очень признателен вам, если вы присмотрите за моим картофелем. Этой весной я посадил его там, совсем немного. На острове для него вроде бы подходящий климат. Там и зерновые успевают раньше, а семена картофеля хорошо перенесли путешествие из Южной Америки. Я почти не сомневаюсь, что со временем картофель может стать прекрасным продуктом для экспорта и для продажи.

— Не беспокойтесь, я за ним присмотрю. Первый урожай зерновых я сниму для вас, и, когда вас выпустят на свободу, вы сами его увидите.

Блестящая струйка жира, сбегавшая по его двойному подбородку, не испортила впечатления от полного сочувствия взгляда, которым комендант одарил гостя.

Ралей был обеспокоен уверенностью Пейтона в благополучном исходе его процесса. При водворении в Тауэр он распростился со всеми своими надеждами. Сэр Уолтер был в заговоре с Кобхэмом, этого невозможно было отрицать. И хотя свой заговор они составили и затем отказались от него еще во времена правления Елизаветы, чье-то злобное намерение вполне могло истолковать его как измену королю Якову. Сесил введет в состав суда, который займется делом Ралея, только его врагов — сделать это проще простого. И Ралей расценил уверенность Пейтона как результат его неосведомленности, присущего ему

оптимизма и доброй натуры, и потому окончательно решил исполнить то, что задумал еще утром, когда получил приглашение к ужину.

Весьма громко высказывая свои сожаления по поводу плохого аппетита гостя, сам Пейтон упорно расправлялся с ужином, достойным самого Гаргантюа, и наконец, проглотив с фунт прекрасной клубники, наполнил свою тарелку молодыми стеблями имбиря в сиропе, восточными сладостями, которые как раз тогда были в большой моде в Англии. Он наполнил оба серебряных бокала красным испанским вином и поднял свою ложку.

Ралей наблюдал за ним. Испортит ли то, что он намерен был сделать, аппетит Пейтона? Может быть, и нет, но сама возможность этого сдерживала его. Он смотрел, как ложка в руке Пейтона поднималась и опускалась, слушал, как хрустит еда на его зубах, как царапает дно тарелки ложка в поисках остатков сиропа. Ему приходилось смотреть в лицо смерти в самых разных обстоятельствах, в окружении своих друзей. И вот он должен умереть не под свист пролетающих пуль, а под звуки пережевывания стеблей имбиря этим гурманом. И, когда ублаженный Пейтон откладывал в сторону пустую ложку, Ралей схватил свой столовый нож. Одним движением левой руки он распахнул уже расстегнутый камзол, а правой вонзил в грудь нож. Он увидел, как кровь брызнула на стол, услышал крик Пейтона, почувствовал, как нож ударил по кости, и понял, что проиграл.

Пейтон вцепился всеми силами в его руку одной рукой, другой прикрыл скатертью рану на груди Ралея и стал громко звать слуг.

— Никого не нужно звать,— сказал Ралей,— ничего страшного не случилось, нож ударился о ребро, это всего лишь царапина, черт бы ее подрал.

— Вы с ума сошли? — задыхаясь, спросил толстяк.

— Я — нет. Простите, Пейтон, что я сделал это за вашим столом, но вы же знаете: заключенным не положено давать ножи.

— Но вообще-то — зачем вы это сделали?

— Я хотел сберечь Шерборн для моей жены и сына. Они не стали бы судить мертвеца как предателя, и пока меня не обвинили в этом и не вынесли приговор, право на аренду Шерборна должно было перейти к моему сыну. А теперь этого не будет.

Он ударил рукой по окровавленной груди, а Пейтон молча стоял, онемевший и беспомощный перед этим горем, которое вдруг превратило все плотские удовольствия в нечто мелкое и пустое.

Глава двадцать шестая **УАЙТХОЛЛ. 1606 ГОД**

— Мне оно нужно, и оно будет моим,— сказал Яков.

— Но как же мой сын — ему что, идти побираться в таком случае?

— Такова участь всех детей предателей короля.

— Мой сын не...— начала было с горячностью Лиз. Но тут же поняла, что нужно избрать другую линию поведения. Она грациозно склонила свою гордую голову и, шурша юбками, пала к ногам короля.

— Ваше величество, будьте милосердны. Во всей Англии это единственное наше пристанище, в этом доме родился мой сын.

— Я уже был милостив,— самодовольно отпарировал Яков.— Ваш муж, как предатель, был приговорен к плахе. Я отсрочил казнь.

Грубые, резкие слова так и вертелись на кончике языка Лиз. Она готова была вскочить на ноги и бросить ему в его мерзкое лицо:

«Да, отсрочили. Но почему? Чтобы спасти свое лицо. Заслужить за этот счет хоть немного популярности».

Лиз подавила свой порыв и кротко спросила:

— Его жизнь вы пощадили, и за это я на коленях благодарю вас. Теперь сохраните для моего сына несколько акров земли в Шерборне, и это будет поистине королевская милость.

Это последнее каверзное словечко задело его. Больше всего Яков мечтал выглядеть королем. И в этой странной, новой для него стране он каждый день вспоминал о своей предшественнице, так естественно, без всяких усилий с ее стороны, с ее легкомысленными, вошедшими в легенды поступками воспринимавшейся как настоящая королева, в то время как большинство его потуг в этом направлении выглядели жалкими и фальшивыми. Тут он чуть было не склонился к тому, чтобы поднять женщину с колен и вернуть ей ее права. Но пока он подыскивал подходящие выражения, чтобы произнести свой вердикт, в окне промелькнула чья-то тень. Только и всего. Но появление этого прямого, юношеского профиля заставило короля отказаться от опасной и легкомысленной игры в абстрактное королевское

достоинство. Юный Карр желал получить Шерборн, и он его получит. А жена и отродье предателя пусть остаются нищими и умирают с голоду. Как хорошо быть королем и, обладая Шерборном, иметь возможность подарить его! И тем самым так по-королевски выразить дорогому Робу свою любовь!

Король снова посмотрел на Элизабет, не спускавшую с него своих прекрасных, молящих, трогательных глаз. Она вспоминала при этом насмешливые слова Ралея, сказанные им в те счастливые, далекие дни: «Вот если он победит, я льщу себя надеждой, моя милая, благодаря твоим чарам прихватить кусочек власти и себе». Она все еще оставалась очаровательной, и можно ли было осудить ее за то, что она старалась использовать свои чары, чтобы смягчить сердце короля в пользу сына? Но в случае с Яковом ее пол играл против нее. Если бы она была хорошеньким мальчиком со светлыми, гладкими волосами и голубыми глазами, с темными ресницами, тогда Яков, возможно, отдал бы ей не только Шерборн, но и все, что она пожелает. Но только не женщине, нет!

— Поместье конфисковано. Я уже распорядился о его дальнейшей судьбе,— сказал он.

Лиз поднялась с колен.

— Тогда, ваше величество, позвольте мне просить вас о другом. Разрешите мне взять сына и жить в Тауэре вместе с ним и моим мужем.

Снова в окне появился силуэт. Роб прохаживался под окнами в ожидании окончания затянувшейся аудиенции.

— Не возражаю. Полагаю, вы будете придерживаться существующего распорядка жизни там?

— Конечно, ваше величество.

Какой же счастливец этот Ралей, подумал Яков. А если бы он оказался в таком положении, нашелся бы хоть один человек, пожелавший разделить его заключение, терялся он в догадках. Уж конечно, не Анна. Может быть, Роб.

С несколько запоздалой и совсем нелегко давшейся ему любезностью он отпустил Элизабет со словами:

— Сожалею, леди Ралей, что у меня не было возможности ничем более быть вам полезным.

— Не все возможно в этом мире, даже для королей,— сухо заметила Элизабет и удалилась из покоев Якова Стюарта.

Едва за ней закрылась дверь, как Карр, ожидавший, как догадывался Яков, ухода леди Ралей, выскользнул из-за угла и вошел к королю. В то же самое время в коридоре незнакомая женщина быстрым шагом нагнала в коридоре Элизабет, остановилась в метре от нее, оглянулась на промелькнувшего в дверях Карра и, топнув ногой, воскликнула:

— Чтоб ты провалился!

Лиз остановилась и посмотрела на нее. Это была невысокая, коренастая женщина с простым, но умным лицом и темно-рыжими волосами. Их взгляды встретились. Маленькая женщина сделала еще шаг навстречу Лиз и снова остановилась.

— Вы леди Ралей? — спросила она с легким, приятным акцентом.

— Да,— ответила Лиз.

— Я так и думала. Я мечтала встретиться с вами. Я королева.

Лиз склонилась перед ней в самом низком реверансе.

— Простите меня, ваше величество. Я вас не признала. Я совсем недавно приехала из Шерборна.

— Вы не торопитесь? Не уделите ли вы мне немного вашего времени, не поговорите ли со мной?

— Конечно, ваше величество.

— Тогда идемте.

Королева привела леди Ралей в парк и села на скамью как раз напротив того окна, где когда-то жила Лиз.

— Я так рада, что ваш муж был помилован,— начала королева.— Я делала все, что было в моих силах, чтобы это произошло.

— Моя самая искренняя благодарность вам за это,— сказала Лиз.

— Я поссорилась со своим мужем из-за Шерборна,— продолжала королева,— но, с тех пор как эта крыса Карр положил на него свой ненасытный глаз, бесполезно было протестовать или умолять короля. Этот тип слонялся здесь поблизости, дрожа от страха, что ваши мольбы переселят его влияние. Как я его ненавижу! Где вы живете?

— Мы с моим сыном остановились у моего брата, но только что я получила разрешение короля поселиться в Тауэре. Не как арестованная,— поспешила добавить она, заметив, что Анна задыхнулась от возмущения,— там можно жить, если вам по силам выдержать все ограничения, предписываемые правилами Тауэра. Для мальчика лучше, если он будет жить со своим отцом. Ни одна женщина не способна правильно воспитать сына одна.

— Я попытаюсь сделать это со своим сыном,—

резко возразила Анна.— И я уж постараюсь, чтобы он стал настоящим королем.

— Да, но он видит своего отца, других мужчин. Он не только с вами общается, в отличие от Уолтера, который видит одну меня.

Выражение глубочайшей скорби появилось на простом, сумрачном лице королевы.

— Уж пусть лучше Генри будет со мной, чем с этими людишками, которые сейчас окружают короля.— Она заговорила другим тоном: — Вас, наверное, удивляет, что я так откровенна с вами, но я всегда говорю то, что думаю. Все изменилось с того дня, как Карр во время ристалища свалился с коня и упал прямо к ногам короля. Я стараюсь быть терпимой. Я не забываю, что еще до своего рождения мой супруг пострадал, что роды были странными и что в детстве с ним обращались плохо. И когда-то он любил меня. Но если мы собираемся стать друзьями — вы и я,— а я надеюсь, что вы этого хотите тоже, перестаньте думать, что отец может быть лучшим воспитателем, чем мать. И вы должны помочь мне в выполнении именно этой задачи.

— Помочь вам?

— Да. Насколько мне стало известно из моих расспросов, ваш муж — человек по мне. Я буду навещать вас. Я приведу с собой Генри. Я хочу, чтобы он узнал этого человека. Чтобы поговорил с ним. Чтобы услышал о великих временах, которые сгинули, но которые могут вернуться, если мы хорошо выполним нашу работу. Обещайте мне ни слова никому не говорить об этом, обещайте помочь мне, а я клянусь, что все, на что я способна, словом ли,

делом ли, все пушу в ход, чтобы освободить его. Я королева Англии в конце-то концов!

— Ваши слова бесценны для меня, и мне, к сожалению, нечем ответить вам на них. Будущее казалось мне таким беспросветным до сих пор.

— Оно просветлеет, — сказала Анна, — у меня ведь тоже были черные дни. Когда сегодня днем я увидела Карра, входившего в эту дверь, то готова была убить его. Но тут встретила вас, снова почувствовала свою силу, и теперь я полна надежд в отношении Генри. Я очень скоро появлюсь в Тауэре.

Глава двадцать седьмая

ТАУЭР. 1606 — 1616 ГОДЫ

I

Когда Лиз входила к Ралею в комнату, он стоял у окна и смотрел на реку. Может быть, это мой последний взгляд на эту живую, с великим множеством спешащих по делам кораблей магистраль, печалился он: новый комендант Тауэра распорядился соорудить стену у него за окном, и завтра или в один из последующих дней, когда положат последние кирпичи, этот вид будет закрыт для него навсегда. Ралей благодарил Бога за то, что стройка затянулась, так что сегодня он увидел, как во время прибоя суда «Сара Констант», «Быстрый» и «Открытие» отправились в плавание к Виргинии. Три маленьких кораблика — основывать империю. Но на борту одного из них находился достойный человек. Капитан Джон Смит обратил свой взор на Тауэр, когда воды Темзы

вынесли корабли к его стенам, и чувства глубокого уважения и соболезнования, одолев стены этой серой громадины, устремились к ее узнику, а навстречу им летели добрые пожелания и такое же глубокое уважение к солдату, подхватившему знамя несчастного пленника. Смит не мог видеть бледное лицо заключенного, Ралей не видел бронзовое лицо Смита на палубе корабля, но какое-то мгновение они чувствовали друг друга и нерасторжимые узы, связывающие их. Перед внутренним взором Ралея предстали картины штормящего, серого моря, пиний и песчаных берегов Виргинии под ее голубыми небесами. Он вспомнил, как волновали его обширнейшие замыслы, раз и навсегда запавшие в его душу после посещения той страны. Тяжело вздохнув, он вернулся к призрачной действительности и двум комнатам, в которых его содержали. Две комнатухи и короткие прогулки на террасе, когда сэр Уильям Уэд сообразовал разрешить их. Там, на воле, весна покрывала снежными хлопьями берега реки, лето опоясывало их гирляндами жимолости. Нет, теперь уже весна не взбудоражит его кровь, и лето не согреет ее. Две серые клетушки сомкнулись, зажали его в своих холодных объятиях, и их, как саму смерть, ничто не сможет сокрушить.

Ралей обернулся на звук открываемой двери и, как всегда при посещениях Уэда, принял безразличный вид. Но на сей раз это был не комендант. Это была Лиз в нарядном платье из серого с красными розами шелка, опоясанном розовыми лентами. Никакого безразличия не осталось на его лице, когда он бросился к ней с возгласами радости и тревоги одновременно:

- Лиз, что ты делаешь тут в такой час?
- Я теперь могу приходить сюда в любое время.
- Тебя тоже арестовали? — испуганно спросил он.

Лиз, смеясь, кивнула.

— Я сама себя заключила в Тауэр, мой дорогой. Я хотела быть с тобой.

И это она говорила когда-то: «Я люблю простор и свежий воздух». Она говорила: «Я могу вынести любое наказание, но заключение в крепость — никогда». А он... посмотрев на отплывающие вниз по реке корабли, он вернулся в комнату, считая себя самым несчастным человеком на свете! И тут опять руки Лиз вернули его к жизни. Это было предзнаменование. Ралей уже знал, что она скажет дальше.

— А у меня есть новости. Хорошие и плохие. Сначала расскажу тебе о плохих. Шерборна у нас больше нет. Карр возжелал его, и Яков подарил поместье ему.

— Он не имел права.

— У него, пожалуй, не было выбора, Уолтер. Он любовник этого молодого человека.

Ралей некоторое время с недоверием смотрел на нее. Затем с громким хохотом закричал:

— Ну и ну! Да, такое стоило, пожалуй, потери Шерборна. Ничего подобного никто не слышал со времен Пьера Гавестона, украшавшего себя бриллиантами из королевской короны при Эдуарде Втором! Ты уверена, что тебе это не приснилось?

— Сама королева сказала мне об этом.

— Королева?

— Да, — подтвердила Лиз, усаживаясь на стул и сажая его рядом с собой. — Сегодня я ходила к королю

просить оставить Шерборн Уолтеру. Как я умоляла его! Я опустилась перед ним на колени и, как ты сам видишь, постаралась выглядеть как можно привлекательней. Единственное, чего мне удалось добиться, это разрешения быть здесь с тобой. Как только я вышла из его покоев, туда поспешил мужчина, а женщина, проходившая в это время по коридору, увидев его, воскликнула: «Чтоб ты провалился!», и я, видимо, неприлично уставилась на нее. Она посмотрела на меня и назвала по имени. И это была королева, Уолтер. Мы вышли с нею в парк и поговорили. Она хочет навестить тебя и привести с собой своего сына, принца Генриха. Она хочет, чтобы он видел перед собой Мужчину. И это ты, любовь моя. Более того, она обещала, что не пожалеет ни сил, ни слов в защиту тебя, чтобы выволить из темницы.

— Вот это новость так новость. Какая она из себя? Обладает ли она властью?

— Она придет, и ты увидишь ее. Она небольшого роста, не толстая, но коренастая. У нее довольно плоское, круглое, жесткое лицо, но оно расцветает, когда она улыбается. У нее очень приятный, низкий голос, говорит она с небольшим акцентом. Но королева знает, чего хочет, и у нее полно планов относительно ее сына. Она мне нравится, Уолтер.

— Я рад, что хотя бы одна из королев Англии сумела понравиться тебе,— сказал Ралей, развлекаясь восторженной похвалой жены ее величеству.

— Она и тебе понравится,— уверенно заявила Лиз.

— Возможно. Но тем не менее, Лиз, хотя я не ска-

занно рад твоему решению, но я не хотел бы, чтобы ты оставалась тут.

— Почему, Бога ради?

— Ты возненавидишь тут все. Тауэр ни в коем случае не для тебя. Ты поблекнешь, ослабнешь в этих вечно сырых стенах. Здесь никогда не бывает солнца. А здешние правила сведут тебя с ума.

— О нет! О нет! Если уж ты со своей лихорадкой выносишь все это, мы тоже как-нибудь справимся.

— Мы?

— Уолтер и я. Он там, за дверью сейчас.

— Это не место для него.

— Не место? Что подойдет принцу Уэльскому, то уж конечно подойдет и сыну Ралея. А это — общение с собственным отцом. Я тоже хочу, чтобы мой сын видел перед собой Мужчину.

Лиз пожала ему руку и направилась к двери, но задержалась и со всей серьезностью сказала ему:

— Не пытайся переубедить меня. Я всегда жила там, где мне нравилось. Это мое право как свободной женщины.

«Свободная женщина!» — подумала она, стараясь открыть дверь, которая наконец подалась. Она думала о дремучих лесах и зеленых полях в Шерборне, об уютных комнатах, о парке, предмете ее постоянного восхищения. Мысль о Тауэре обдала ее холодом, Лиз всю жизнь страшилась замка. Но она выбрала его, потому что, несмотря на всю свою хваленую свободу, она оставалась не более чем рабой гордого человека, которого не смогли сломить никакие несчастья. И на меньшее она не была согласна. Лиз позвала юного Уолтера.

II

— Продолжайте, продолжайте же, — умолял принц.

— Но это уже конец истории. Нам ничего не оставалось, как только возвращаться домой, — сказал Ралей, откидываясь на спинку кресла и набивая табак трубку.

— И больше вы никогда туда не плавали?

— Нет, существовали причины, из-за которых некоторое время я не мог этого сделать, но я посылал туда на разведку Уиддона, и он, прибыв к Ориноко, наткнулся на форт Беррео в месте слияния двух рек. Было бы у меня достаточно денег, чтобы повторить экспедицию сразу после того, как кончились дожди... Не могу я больше оставаться здесь и бить баклуши.

— И кто, как не мой отец, держит в клетке такую птицу? — вздохнул Генри. — Не падайте духом, сэр Уолтер, а то вы так и останетесь ни с чем. Вот подождите, стану я королем, вы получите в свое распоряжение столько кораблей, людей и денег, сколько вам понадобится.

Ралей улыбнулся.

— Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Он привел юного принца к переоборудованному курятнику, который Уэд, подметив, каким вниманием королевы и ее сына пользуется узник, предоставил в полное его распоряжение. Ралей превратил его в лабораторию с установкой для дистилляции воды и печью для исследования проб золота. На ней же он приготавливал мази и снадобья по рецептам Топиавари. Здесь же он проводил и различные эксперименты. Он достал с полки флягу. Откупорив ее, Ралей протянул ее Генриху.

— Попробуйте.

Принц отпил содержимое фляги, опустил ее и, с удивлением посмотрев на Ралея, понюхал напиток.

— Это просто вода,— сказал он, решив, что сэр Уолтер ошибся.

— Хорошая вода?

— Да, хорошая, обыкновенная вода. Что в ней такого?

— Я ее сделал. Вам когда-нибудь приходила в голову мысль о том, сколько сражений было проиграно, сколько экспедиций должно было повернуть назад, сколько славных приключений закончилось ничем и сколько людей умерло от жажды, потому что опустели бочки, не осталось в них ни капли воды? А на много миль вокруг них море раскинуло свои соленые воды. Теперь ни один моряк, ни один исследователь дальних стран не погибнет от жажды. То, что вы сейчас попробовали, была дистиллированная вода, добытая из морской воды. Уиддон доставил мне сюда эту бочку. Я вскипятил немного воды, собрал пар, он передавался из одного сосуда в другой, пока снова не приобрел вид воды (у нее был до того отвратительный вкус), и теперь вы не смогли отличить ее от обычной, хорошей воды. Разве это не открытие?

— Такое, что стоит всех этих лет вашего заключения,— торжественно произнес Генри.

— Возможно. Я частенько задумываюсь над тем, что все, что ни делается в мире, все к лучшему или, во всяком случае, имеет какое-то тайное предназначение. На воле я никогда не задумался бы над этими проблемами.

— А я, может быть, так и не узнал бы вас.

— Так ли это важно. В круговороте придворных интриг упоминание о Гвиане — не более чем пустой звук.

— О нет. В жизни всегда найдется внимательный и целеустремленный слушатель истинно мужественных историй. Ваша история — самая мужественная, самая лучшая из всех, какие мне когда-либо доводилось слышать. Вам не придется теперь долго оставаться здесь. Карр впал в немилость, новый фаворит моего отца Вильерс терпеть не может Говардсов и дружит с моей матерью и со мной. У меня отныне будет власть, у меня уже есть мои собственные приближенные, и я не успокоюсь до тех пор, мой дорогой друг, пока вы не окажетесь на свободе. А за этот короткий срок... нет, это нагло с моей стороны обращаться к вам с таким предложением...

— Говорите,— сказал Ралей.

— За этот короткий срок вы можете с помощью своего пера достигнуть бессмертия.

— Я уже описал свою историю.

— Вы способны на большее. Вы единственный из всех, кого я знаю, одинаково глубоко разбираетесь и в прошлом и в будущем и поэтому должны написать всемирную историю.

«Всемирная история» — хорошо сказано. Грехопадение человека. Разграблен Иерусалим. Рим пал в результате нашествия варварских племен. Долгие годы в Тауэре научили Ралея не только отчаянию, но и терпению. Он, в отличие от принца, не верил в свое скорое освобождение. У него было много времени впереди.

— Я это сделаю! — воскликнул Ралей.— Я напишу всемирную историю для вас.

Загоревшись этой идеей, он плотно закрыл дверь в курятник-лабораторию. Завершен — и вполне успешно — великий эксперимент. Изготовлено достаточное количество снадобий. Ему не придется отвлекаться на другие дела. Доктор Баррел снабдит его книгами и добрым советом. Бен Джонсон просмотрит все работы по теме, опубликованные в прессе. А для него самого эта книга станет прибежищем от тоски. Он уйдет в нее от своих двух клетушек, от прогулок по террасе и от крошечной лаборатории. Это будет его битва при Саламине.

Пелопоннес, твои четыре тысячи бойцов
Спят после битвы, сразив три миллиона персов.

Он проложит себе путь к свободе тоже через Фермопилы. Голос принца прервал мечты, рожденные им же:

— Дайте мне трубку, сэр Уолтер. Мой отец только что проклял эту губительную привычку, так что это, пожалуй, настоящее занятие для мужчин.

III

Обложенный со всех сторон подушками и поставив ноги на разогретый кирпич, принц Генри старался одолеть слабость хотя бы настолько, чтобы успеть дочитать книгу.

«О всемогущая Смерть, справедливая и необоримая, — слипающимися глазами читал он, — тот, кому никто не отваживался и совета дать, того Ты увещевала; то, чего никто не смел делать, Ты делала; тот, к кому прельщался весь мир, того Ты вышвыривала

из этого мира и презирала; Ты соединила воедино все величие и всю гордыню человеческую, всю жестокость и суетность людей и укрыла все это всего лишь двумя короткими словами: «Ніс Јасет».

— Я должен прочитать последние слова, очень важные слова,— так тихо сказал принц, что Вильерсу пришлось наклониться к нему, чтобы расслышать его.— Сделай для него все возможное, Джордж. Ты один должен сделать все, что мы задумывали с тобой вместе. Не подведи меня. Никогда еще не было человека такого умного, такого благородного и такого мужественного, как он. Он не должен умереть узником. Ах, какой язык!

— Вы слишком рано опускаете руки,— неуверенно возразил Вильерс.— Не бойтесь, вы еще сами освободите его из Тауэра.

— Нет. Я ведь частенько присутствовал при изготовлении этого снадобья в лаборатории Ралея и не раз слышал, как он говорил, что оно помогает от всех болезней, если только болезнь не вызвана отравлением. Я выпил целую кварту его, и никакого улучшения. Меня отравили, и я умру. Все мои чаяния, мое будущее царствование, все, что я мог совершить, все оказалось мертворожденным и едва ли заслуживает даже тех коротких слов: «Ніс Јасет».

— Вы слишком много разговариваете. У вас снова начнется озноб,— сказал Вильерс.

Он подошел к окну и наблюдал за грачами, летавшими вокруг своих гнезд на черных кленах, голые вершины деревьев сплели сеть из веток на фоне красноватого, закатного неба. Как грустно, думал Джордж Вильерс, умирать в пору своей весны, когда на каждом дереве во всей Англии взбухают весенние

почки. Он знал, что люди с подозрением смотрят на его преданность принцу, расценивая ее как его стремление остаться фаворитом и при будущем короле, как и при Якове. Люди не понимали, — а сам он был не из тех, кто станет выяснять отношения, — что юный принц, ныне умиравший в своей постели, оказывал истинное, сильное воздействие на его приземленную и легкомысленную душу.

Вильерс отошел от окна и нежно предложил:

— Давайте я вас уложу как следует. Через десять минут здесь будет ваша матушка с докторами. Я слышал, как приказывали разбудить ее в четыре.

— Если любишь меня, Джордж, отмени приказ. За последние шесть дней королева впервые отдыхает, и она ничем не может помочь мне. У нее сердце разрывается на части, когда она видит меня, а у меня — когда я слышу ее плач. Сделай это, Джордж, и возвращайся ко мне. И поплотнее закрой дверь от этих пиявок.

Вильерс неохотно подчинился просьбе Генри. Он надеялся, что это проявление воли свидетельствует об улучшении самочувствия принца. Может быть, у него прибавилось сил.

Когда он вернулся, то нашел принца еще глубже погружившимся в подушки, в одной руке он по-прежнему сжимал «Всемирную историю».

— Последняя просьба к тебе, Джордж. Раскури мне трубку. Не думаю, что смогу покурить ее. Но уж если я должен умереть, то что может быть лучше, чем умереть с его книгой в одной руке и с его трубкой в другой?

Умиравшие, подумал наш мирянин, видят все яснее. Умиравший разбойник, взглянув на распятого

рядом с ним товарища по несчастью, назвал его «Господи». И принц на пороге своей смерти — в том, что он умрет, Вильерс уже не сомневался, — видел что-то настолько привлекательное в этом старом узнике Тауэра, что даже перед кончиной подражал ему в курении, как при жизни подражал его походке.

Передав ему трубку, он дернул за шнурок звонка, который прозвенел в комнатах королевы и докторов, и, вернувшись к постели принца, торжественно произнес:

— Обещаю вам, что не пощажу сил своих ради спасения вашего Ралея.

На выполнение обещания ушло ровно два года.

Глава двадцать восьмая

ЛОНДОН. 1617 ГОД

Он вышел из Тауэра и направился к дому, который вышелшая за две недели до него из крепости Лиз приготовила для них. Прохожие не обращали внимания на высокого, сутулого человека с седыми волосами, с парализованной левой рукой и шаркающей походкой. Они его не знали. Прошли те времена, когда на улицах Лондона на сэра Уолтера Ралея пляли вовсю глаза и указывали пальцем. И никто из них не догадывался, что все они: водовоз с его бадьями, хозяйки с сумками, продавцы овощей со связками лука и пучками моркови, — все они казались ему такими же прекрасными, как ангелы в радостных, утренних лучах мартовского солнца. Он смотрел на них очарованный. После двенадцатилет-

него перерыва он снова шел по улицам, у него из-под ног поднималась пыль, подошвы его ног, отвыкшие от мостовых, горели, громкие голоса людей казались слишком резкими после долгих лет тишины, окружавшей его.

Проплывавшая мимо него леди в паланкине, заметив его удивленный взгляд, не без кокетства, но и с долей неудовольствия, задернула занавески. Откуда ей было знать, что она — первая пассажирка столь странного, впервые повстречавшегося ему вида транспорта?

То глаза по сторонам, то останавливаясь, слегка опьянев от уличной сутолоки, он подошел к скромному домику, который Лиз посчитала подходящим для их семьи с довольно скромными средствами. Они с Уолтером выглядывали из окна и поспешили вниз встретить его. На ней было все то же серое платье с розами, в котором она была на аудиенции короля. Все это время оно пролежало в сундуке с лавандой и теперь сильно пахло этой травой, но шелковые сборки на лифе сильно попортились.

— Бедняжка Лиз,— сказал он, когда было покончено с изъявлением радостных чувств по поводу его прибытия,— мы должны купить тебе новое платье.

— Мне и в этом хорошо,— возразила она.— Продавец, который продал мне его, был мошенником. Пролежав двенадцать лет в сундуке, оно износилось сильнее, чем если бы я носила его каждый день.

— Тем не менее оно по-прежнему тебе впору. Неужели ты никогда не станешь матроной, Лиз?

— У меня полно седых волос, а будет еще больше. Уолтер, сходи на кухню и принеси вина и засахаренных фруктов.

Такой же послушный в свои двадцать, каким он был в десятилетнем возрасте, Уолтер вышел. Как только за ним закрылась дверь, Лиз посерьезнела и заговорила напористо.

— Уолтер, эта наша с ним последняя неделя была ужасной. Стоило ему услышать, по какой причине тебя освободили, как он стал вспоминать об обещании, которое ты дал ему, когда ему было восемь лет. Он клянется, что ты обещал ему взять его с собой в свой следующий поход в Гвиану. Ты должен отрицать это, убедить его, что все это лишь его фантазии.

Дверь открылась, появился Уолтер-младший с подносом в руках.

— Благодарю тебя,— сказала Лиз.— Ты не посмотрел, как там огонь в камине, Уолтер?

— Нет.

— Тогда пойди и посмотри. Я должна быстренько накрыть стол.

Уолтер взглянул на нее и усмехнулся.

— О нет, мать. Пока я не задам отцу свой вопрос, тебе не удастся выдворить меня из комнаты. Ведь если тебе дать время, ты станешь уговаривать его отказаться от его же собственных слов. Отец, разве вы не обещали мне еще в Шерборне, что, когда вы в следующий раз отправитесь в Гвиану, вы возьмете с собой и меня?

— Не помню. У меня всегда была плохая память.

— Вечером на Рождество, когда вы с сэром Кобхэмом и еще каким-то человеком приехали в Шерборн, в холле у лестницы я попросил вас об этом. Тогда вы не сказали мне ни «нет», ни «да», вы посмеялись надо мной и спросили, почему я так

хочу этого. Потом как-то во время нашей с вами верховой прогулки я снова попросил вас об этом, и вы торжественно пообещали мне взять меня с собой. Я помню каждое ваше слово. Хотите, повторю их?

— Все это твои выдумки, Уолтер,— резко возразила Лиз.— Твой отец не так глуп, чтобы давать подобные обещания ребенку. Ведь он мог бы отправиться в Гвиану уже на следующий год. Как бы он взял тебя с собой тогда?

— Вы мне сказали,— продолжал Уолтер, обращаясь к отцу и не обращая внимания на слова матери.— «Мой сын» — как видишь, мама, это было торжественное обращение, он начал со слов «мой сын»,— «мой сын, я обещаю тебе, что возьму тебя с собой. Для меня самое большое удовольствие сознавать, что зов крови заставил близкого мне человека пойти по моим стопам». Так-то вот.

— Он никогда не мог сказать такое мальчишке, а если бы даже и сказал, ты не мог запомнить его слова,— решительно возразила Лиз.

— Говоря по правде, именно так я и сказал, Лиз.

Ралей мысленно вернулся в то ясное январское утро, когда они с Уолтером ехали по буковой аллее в Шерборне. Теперь тот маленький толстячок превратился в двадцатилетнего юношу, почти мужчину, и предъявлял ему его собственное обещание, глядя на него с такой же твердостью, какая была присуща ему самому.

— Тут нужно подумать,— сказал Ралей в ответ на неумолимый взгляд сына.— С тех пор многое изменилось.

Лиз охватил страх. Она тоже помнила то Рож-

дество и песню, которую она так и не дала закончить, потому что ее слова ранили ей душу.

— Выполните свое обещание, отец. Я там куда больше сумею сделать для вас, чем любой другой. Я забуду, что вы мой отец, разве что буду более послушен и предан вам больше всех. Пожалуйста, отец. Я мечтал об этом всю жизнь.

— Всего неделю назад ничего не было ясно, твой отец все еще уговаривал Вильерса выпросить для него разрешение у короля. Всю твою жизнь! Тебе что — всего неделя? Поверь мне, всякий, кто услышит тебя, так и решит.

— Оставь мальчика в покое, — сказал Ралей, заметив угрюмую, агрессивную мину на лице юноши. — Я дал обещание, не подумав о последствиях, с которыми столкнусь, когда оно снова всплывет на поверхность. Позднее мы все с тобой обговорим, Уолтер. Ну а пока должен сказать, что теперь я не хотел бы, чтобы ты шел со мной в этот поход. После обеда мы с тобой спустимся к докам и выберем себе корабль. Я назову его «Судьба», потому что это действительно моя судьба.

На обратном пути они встретили Джорджа Перси, человека, который одним из немногих навещал Ралея в Тауэре. Он присоединился к ним, и между ними завязался разговор об экспедиции.

— Итак, он отпустил вас с условием, что вы привезете ему золотой прииск. Очень хотел бы надеяться, что так оно и будет. Но скажу по секрету: испанцы знают все об экспедиции уже сейчас. Дон Диего, испанский посол, предложил дать вам спо-

койно выйти в открытое море. Вам понятно, что это означает? Он будет знать все о ваших планах. И вы дойдете только до того места, до которого они позволят вам, и ни на ярд дальше.

— Я знаю. От всего этого заигрывания с испанцами любого англичанина тошнит. Тем не менее я ухожу в поход на этих условиях и, что бы там ни было, должен выполнить их. У меня не такое положение, при котором я мог бы торговаться. И скажу вам по секрету: я когда-то уже задал перцу испанцам и надеюсь повторить это. Еще какие новости?

— В гостинице «Колокол» остановилась аборигенка из Виргинии. Говорят, в своей стране она принцесса. Я как раз иду туда. Пойдемте со мной?

— Пойду ли я? Прибавим-ка шагу!

Человек из Виргинии! Да она может рассказать ему, как дела в колонии у Смита.

— Уж не сама ли это Покахонтас, а? — спросил он, задыхаясь от темпа, который сам же предложил.

— Да, так ее зовут, — сказал Перси. — Как-то на днях она была на скачках в Ньюмаркете вместе с королем и королевой.

Ралей чуть ли не с чувством благоговения вошел в гостиницу «Колокол». Покахонтас, высокая, стройная, с кожей цвета листьев старого дуба, поднялась навстречу Перси, которого она уже знала. Он насмешливо представил Ралея «принцессе»: недалекий, ограниченный Перси отдавал прерогативу королевского достоинства особам с белой кожей, — и он был крайне удивлен, увидев, как Ралей опустился на колени и поцеловал черную руку с выражением глубочайшего уважения. Юный Уолтер в свою очередь поступил так же. Дочь Похатана, которую в

Англии встретили с любопытством и доброжелательно, но без должного благоговения, засияла от удовольствия и смотрела с улыбкой на этого высокого, статного мужчину с прекрасными манерами и на его прелестного сына.

— Вы знайте капитан Джон Смит? — спросила она на ломаном английском языке.

— Да. Это мой человек. Я послал его в Виргинию.

— Вы посылать его? Вы гордиться им?

— Очень. Благодаря его энергии и мужеству колония существует наконец. Кстати, как у них дела?

— Хорошо, как они не искать золото, теперь табак, и картошка, и индейский маис, чтобы кушать. Не так было. Но не будет капитан Смит для меня.

— Не будет?

— Не будет,— покачав головой, повторила Покахонтас.— Вы не слышать история, как я покупать капитан?

Глаза ее вспыхнули диким огнем, на щеках появился румянец.

— Нет. Расскажите мне. В последнее время я мало слышал хороших историй.

— Мой папа схватить его на охота — большой лес. Мой папа не любить белый люди, он велит голова долой. Принести камень, топор. Я выглядывать и видеть человек. Какой белый шея, борода — солнце. Я бежать из дома и класть мой голова на его — они мою отсекал сначала. Я — дочь короля. Они не сметь. И он спасайт. Я говорить мой папа и на другой ден мука и мясо буйвол — белому человеку, а я показать им, как сажать маис.

— Замечательная история,— сказал Ралей,— позвольте и мне отблагодарить вас за него. Потерять

такого человека для нас было бы невосполнимой утратой.

Покахонтас выглядела опечаленной.

— Он не благодарит меня теперь. Раньше — да, не теперь. Он меня отсылать сюда, так далеко.

— Вы вернетесь, Покахонтас. Назад, в Виргинию.

— Да, может, когда-то. Но капитан Смит не любить меня. Все равно, где я есть.

В комнате витала трагедия. Белый мужчина, коричневая женщина. Сколько же еще будет таких грустных историй, подумал Ралей, пока флаги белого человека не вознесутся над всей землей?

Они покинули несчастную принцессу, чьей судьбой стала любовь к белому человеку, чье здоровье погубит английская зима и чьи кости будут покоиться на английском кладбище. Они вернулись в скромный дом, где Лиз с настороженными глазами и горящими от готовки на плите щеками ждала их ужинать.

Корпус «Судьбы» уже возвышался над доками; испанский посол и король исподтишка обсуждали все, что планировал Ралей, каждую дощечку на корабле, каждую погруженную на него пушку — в Мадриде обо всем сразу же становилось известно; а Лиз решила поставить на карту все. Судьба, которая отняла у нее любовь, покой, здоровье, свободу и гордость, теперь покушалась на ее сына, и на алтарь этой последней битвы она решила положить всю себя, до последнего вздоха. А это было тяжело, потому что, подобно богиням судьбы, эти двое самых

любимых ею людей объединились в битве против нее.

— Ты еще слишком молод, чтобы знать, что тебе нужно,— с отчаянием в голосе сказала она Уолтеру.

— Мне почти двадцать один год. Отец пошел на войну с Нидерландами, когда ему было меньше лет, чем мне,— упрямо настаивал на своем Уолтер.

— Все это так гадко. Ты не должен был принимать навязанные тебе королем и испанцами условия,— сказала она, обращаясь уже к Ралею,— но тебе хоть кол на голове теши. Но зачем же сбивать с панталыку мальчишку? Скажи «нет», скажи твердо и пощади моего сына.

— Он не только твой, но и мой сын, Лиз.

— Твой сын! Ты хоть вспоминал об этом в ожидании, когда королева позовет тебя, когда я одна воспитывала его? Не вспоминал. Он тогда был ребенком, требующим забот, и воздух Лондона был вреден ему. А теперь, когда он благодаря мне вырос и стал мужчиной, ты видишь в нем лишь очередную жертву своей страсти к приключениям. Может, ты и для меня найдешь место кока или матроса на своем корабле, и мы составим семейную команду?

— Ты несправедлива ко мне, Лиз. Ты всегда не понимала меня, когда речь заходила о моих рискованных предприятиях.

— А ты чего бы хотел? Этот твой последний поход в Гвиану — он же привел всех нас к полному краху. Теперь-то я это отлично понимаю. Яков стал твоим врагом не потому, что ты будто бы составлял заговор против него, а потому, что всем известно, как ты ненавидишь Испанию, а он всячески старается ее задобрить. Вот почему мы лишились Шерборна и

провели двенадцать лет в Тауэре. Но ты и теперь настолько глуп, что отправляешься на поиски золота во владениях испанцев и при этом обещаешь не наносить им ударов. Они же тем временем прекрасно осведомлены о том, когда и куда ты намерен отправиться. И при этом ты хочешь взять с собой Уолтера. Откуда у тебя эта чертова слепота? — Она тяжело вздохнула и продолжала уже более спокойно: — Ты иди, уж коли решил. Ты никогда не принадлежал мне, разве что несколько быстролетных часов. Но Уолтер — мой, он плоть от плоти моей: я его родила, я нянчила его, когда он был болен, я учила его, когда он был здоров, и воспитывала мужчиной. Я не дам ему уйти от меня.

Она сложила руки у себя на коленях и упорно, вызывающе смотрела на них обоих.

— Но, мама, мужчины всегда покидают своих матерей. Сотни юношей с радостью уходят в плавание со своими отцами, и тогда их матери гордятся ими. Собирается в поход Уолтер Ралей. Я не могу отстать от него. И не хочу. Если ты уговоришь отца и он запретит мне идти с ним, я сотворю что-нибудь еще. Я пойду в «Московскую компанию», они с удовольствием возьмут меня. Я понимаю, ты всем пожертвовала ради меня: ухаживала за мной и воспитывала меня,— юноша поежился в замешательстве, вспомнив, что совсем недавно жил в полной зависимости от нее,— но ведь твоя мать отпустила тебя. Ты покинула ее и выбрала собственный путь в жизни. Мне кажется, твоя мать была бы против твоего брака с фаворитом королевы и нашего с тобой вселения в Тауэр, но ты поступила именно так. Ты не послушалась бы ее.

— Надо было мне быть поумнее и не делать всего этого, — горько заметила Лиз.

Произнося эти слова, она с вызовом смотрела на Ралея. И мгновенно пожалела о сказанном. Была в ее характере особая черта: горе вызывало не слезы, а гнев в ее душе, и она начинала смотреть на жизнь бескомпромиссно и без жалости к себе. Последние годы ожесточили эту ее черту, придав ей больше стойкости и в какой-то мере цинизма, но ожесточили не до конца. Двенадцать лет она прожила с Ралеем в тесных комнатухах, и теперь не замечала тех изменений, которые произошли с ними за это время. Но, увидев, с какой болью муж глядит на нее, пораженный ее резкостью, она вдруг поняла, что он уже пожилой человек, что он слаб телом и раним, как никогда прежде. Лиз с грустью вдруг осознала всю бренность бытия. Юность пролетела, они подгоняли время, надеясь на новые возможности сделать то или иное для себя. И пришли к концу своей жизни с обманутыми надеждами. Он вот собирается в гибельную экспедицию, хотя никак не годится для нее теперь, а не его ли, не этого ли человека она любила? И Лиз почувствовала, что как прежде — слаба перед ним, поняла, что еще мгновение — и она сдастся, сердце больше не выдержит. Она еще попыталась удержаться на краю пропасти, но потом сказала изменившимся, странным голосом:

— Уолтер, оставь нас одних на секундочку. Нет, я не буду настаивать на своем, обещаю.

Юноша неохотно покинул помещение, неплотно прикрыл дверь и задержался в коридоре, чтобы при первых же звуках сражения кинуться в драку. Лиз

подошла к Ралею и положила руку на его согбенное, худое плечо. Он молча посмотрел на нее. Вся эта сцена и те, что предшествовали ей, глубоко ранили его: он прекрасно понимал и Уолтера с его чаяниями, и Лиз с ее отношением к нему. Но теперь она говорила с ним мягко.

— Много лет назад я отдала тебе все, что имела, Уолтер. Сегодня у меня ничего не осталось, кроме мальчика. Но ты нуждаешься в нем больше, чем я. Возьми его.

— Но ты же говорила только что...— смущенный неожиданной переменой в ней, начал было, заикаясь, Ралей.

— Знаю. Забудь об этом. Я не то хотела сказать. Его место рядом с тобой.

Ралей, предвидя, в каком восторге будет Уолтер, с облегчением и ликованием принял окончание этой неприятной ситуации, как будто сбросил со своих плеч двадцать лет. Он вскочил и бросился целовать ее руки.

— Лиз, ты не пожалеешь об этом. Со мной он будет в полной безопасности. Давай позовем его и скажем ему.

Прежней энергией загорелись его усталые глаза. Лиз покачала головой.

— Сделай это сам,— сказала она и, отняв у него руки, поспешила к дверям, наткнулась на сына и кинулась вверх по лестнице, в спальню, где в потоках слез упала на кровать. Далекие дни их страстной любви, тайного ухаживания, отчужденности и примирений, обоюдных испытаний — все это с новой силой возродилось у нее в голове, пока она в рыданиях лежала у себя в спальне. И к чему все это

привело, и ради чего? Нагими и изможденными следует отправляться в могилу.

Вероятно, так уж устроена жизнь: отняв силы, и гордость, и благородные мечты, она превращает могилу в желанное и отрадное место.

Глава двадцать девятая
КАНАРСКИЕ ОСТРОВА.
ОКТАБРЬ 1617 ГОДА

Время гонит овец из загона в загон.

Дом губернатора в Гомере на Малых Канарских островах представлял собой белое, низкое здание с широкой, опоясывавшей его по всему периметру верандой, выстланной яркими испанскими плитками. Вьющиеся растения густо обвивали колонны, и их вершины свободно свисали сверху; ручная обезьянка, забавляясь, бегала по крыше веранды и кидала в прохожих цветы.

Жена губернатора окинула последним критическим взглядом стол, накрытый к ужину, и комнату, которую от веранды отделяло что-то вроде занавески из рубленых тростниковых стеблей. Обычно подобные домашние дела только раздражали ее, и она оставляла эту обязанность на совести своего черного слуги, который и сейчас повсюду следовал за нею, беспокоясь, как бы этот необычный интерес хозяйки к плодам его труда не привел к худшему. Однако она не нашла изъянов в сервировке стола, накрытого скатертью с кружевами и уставленного серебряной посудой и цветами, и слуга вздохнул с облегчением,

когда хозяйка удовлетворенно кивнула, налила себе бокал вина, вышла на веранду и легла там на тахту, обложенную множеством подушек.

Впервые в своей жизни ей предстояло развлекать мужчину одной, подумала она, потягивая вино из бокала. Если об этом узнает Карлос, он будет в ярости. При этой мысли она пожала плечами. Подумаешь, да он всегда злится, дает она ему повод к этому или нет. Дон Карлос заседал в суде на другом конце острова, и когда прибыл посланец с письмом от капитана английского корабля, который только что вошел в гавань, ее охватило озорное, непреодолимое желание превратить его временное пребывание в доме в легкое приключение. Она, возможно, и не стала бы этого делать, если бы не перчатки. Их принес посыльный вместе с письмом, которое она тут же отослала своему супругу; эта пара мягких белых перчаток, украшенных вышивкой. Они свидетельствовали о том, что человек, приславший их, обладает и вкусом, и воображением, и она сразу же решила пригласить его на ужин. И теперь, уложив хорошенько каждый локон и украсив себя драгоценностями, она ждала его прибытия. Он, возможно, стар или ужасно уродлив, убеждала себя донья, но она все равно получит удовольствие от настоящей английской речи и узнает новости о цивилизованном мире. А это, право же, стоит накрытого стола и риска испытать на себе гнев ревнивца-мужа.

С замиранием сердца услышала она звон колокола у ворот усадьбы и строго приказала крикливой обезьянке успокоиться. Обезьянка в ответ бросила в нее веткой красных роз, запутавшихся в ее черных

доконах, и она сердито вытаскивала ее из волос, когда черный слуга ввел через главный вход англичанина. Придерживая ветку левой рукой и приветливо протягивая правую навстречу гостю, она, улыбаясь, уже собиралась заговорить. Но вдруг улыбка замерла у нее на губах, она отбросила розу и, затаив дыхание, приложила руку к груди.

Ралей остановился, пораженный произошедшей переменой в ее лице, пытаясь понять, что могло так напугать ее при виде приглашенного ею гостя. Она не отрываясь смотрела на него, моргая зелеными блестящими глазами, как будто ожидала, что при следующем взмахе ресниц видение исчезнет.

— Вы не помните меня? — спросила она по прошествии минуты, которая показалась раз в десять длиннее.

— Прошу прощения. У меня не очень хорошая память. И тем не менее голос, лицо — они мне определенно знакомы.

Она не без труда взяла себя в руки и, снова протянув к нему руку, сделала навстречу шаг-другой. Ралей взял ее руку и, склонившись над ней, поднес ее к своим губам, ощущая, как она похолодела и дрожит. Потом он снова посмотрел на нее. Черт возьми, да кто же она и что так ужасно взволновало ее? Перед ним стояла высокая, стройная женщина в последней поре своей красоты, которая когда-то была явно не из заурядных. Зеленые глаза, черные волосы, матовая кожа. Где же он видел ее раньше? Наморщив лоб, он рассматривал ее платье, будто в нем надеялся найти ключ к разгадке. Сиреневый шелк, довольно-таки устарелый корсаж с аметистами, аметистовые серьги, аметистовые перстни. Он перевел взгляд на

ее лицо. Его явное замешательство позволило ей вернуть себе самообладание и успокоиться.

— «Никогда» тянулось довольно долгое время, не так ли, капитан Ралей?

«Никогда». Долгое время! Он вспомнил. Замок в Бэлли-ин-Хаш: как он боялся тогда, что его уловка сорвется. Леди Рош, посылавшая прощальный привет мужу, и он сам, склонившийся над такой же трепещущей, холодной рукой.

— Дженис! — воскликнул он.

— И вы после стольких лет. Я так рада видеть вас.

— И я вас. Я ожидал встретить здесь толстую испанскую леди, которая стала бы задавать мне ужасные вопросы, ответы на которые хотел бы слышать ее супруг. Вы, конечно, поняли из моего письма, что это буду я.

Она покачала головой.

— Нет, я отослала его мужу, который сейчас в отъезде. Я даже осмелилась просить вас отужинать со мной, со мной наедине.

Она уже положила руку на тростниковую занавеску, но при первом же шелесте тростниковых палочек ее отвела в сторону черная рука изнутри, и они вошли в комнату, освещенную свечами.

Два черных евнуха, босые, безмолвные, подавали вино и еду, и Ралей, окончательно оправившись от мерзкого приступа морской болезни, рад был тому, что беседа касалась самых обыденных тем и он мог отдать должное вкусной еде.

— Надеюсь, ваш отец простил меня,— сказал он в одну из непринужденных пауз.

— Простил?! Да он обожал вас больше всех на свете. Он не устал рассказывать всем и всякому,

как вы взяли в плен целый город. Он без конца божился, что, будь среди англичан побольше таких людей, как вы, он не стал бы мятежником.

Похоже было на то, будто хвалят мальчика, мало знакомого мальчика, который уже мертв. Какое яркое начало у этой маленькой саги из его жизни! Ралей постарался избавиться от тоскливых мыслей и распрямил плечи, решив, что конец саги должен быть достоин блистательного начала.

— Как вы оказались здесь? — спросил он, отвлекаясь от собственных забот.

— Это длинная история, — сказала Дженис, — и, — она бросила взгляд на слуг, — я лучше расскажу ее вам позже. Расскажите мне лучше о Лондоне и о новом короле.

— Я и о том и о другом слишком мало осведомлен. Я находился в Тауэре больше двенадцати лет.

— Так долго? Я что-то слышала об этом в свое время. Испанцы очень радовались. Они чувствовали, что их Гвиана вне опасности, пока вы в тюрьме. Вы, конечно, женаты? — с явно нарочитой небрежностью спросила она.

— Уже двадцать один год.

— У вас есть дети?

— Сын. А у вас?

Дженис покачала головой.

Опасаясь, что причинил ей боль своим вопросом, Ралей пошел на маленькое предательство по отношению к своему обожаемому сыну.

— Не все так просто с ними. Из ребенка они вырастают в зрелого человека, за которого по-прежне-

му чувствуешь свою ответственность, но над которым уже не имеешь никакой власти.

— Ваш сын разочаровал вас?

— О нет. Он такого высокого мнения обо мне. Он настоял на своем участии в этой моей экспедиции. А это означает, что я сейчас уязвим более чем когда-либо.

— Древние считали детей заложниками будущего.

За разговором незаметно ужин подошел к концу. Дженис отдала короткое приказание слугам на испанском языке и поднялась из-за стола. Она подошла было к тростниковой занавеске, закрывавшей выход на веранду, но остановилась и вернулась назад.

— В доме будет гораздо удобнее,— сказала она и провела его в комнату, сплошь увешанную коврами, обставленную низкими, заполненными подушками софами и с множеством книг.

— Поговорим лучше здесь,— сказала она.

Прежде чем сесть, она взяла с одной из полок что-то похожее на тоненькую книжку в кожаном переплете и положила себе за спину, за подушку.

— Вы собирались рассказать мне, как вы здесь оказались,— напомнил ей Ралей, желая проследить ее путь из холодного, неприглядного ирландского замка на этот шикарный субтропический остров.

— Вообще-то это коротенькая история, если не касаться причины, а я не очень уверена, что должна открыть ее вам. Но я, так и быть, расскажу.

Она подложила под голову еще одну подушку и откинулась назад.

— Меня занесло сюда из-за «Армады». После вашего визита к нам я прожила в Бэлли еще шесть лет и собиралась провести там и всю оставшуюся

жизнь. Но как-то утром на скалы возле нашего берега вынесло потерпевший крушение корабль. Наши мужчины на лодках поплыли к нему и вернулись на берег с несколькими моряками, они были испанцами. За одного из них я вышла замуж.

Она смолкла и, оставаясь в обществе этого странного посетителя, погрузилась в воспоминания о том, очень далеком утре, когда едва передвигающиеся, измученные люди вскарабкались на берег и воспользовались гостеприимством замка Бэлли. Дженис вытащила из-под подушки похожий на книжечку кожаный переплет и развернула его. В обложке помещался портрет. Она сначала сама посмотрела немного на него, потом протянула его Ралею. Он взял портрет и с удивлением некоторое время рассматривал его: ему показалось, что на портрете изображено его собственное лицо.

— Это мой муж,— сказала Дженис.

— Но он похож... Я хотел сказать — вы заметили сходство?

— С вами? Ну, конечно. Тогда утром я в первый миг подумала, что какой-то счастливый случай вернул вас в замок.

Простые слова, так просто сказанные. Но они выдали ее с головой: ее ожидание, надежды, молитвы, обращенные ко всем святым и к Богородице, чтобы он вернулся, что так никогда и не случилось; все мечты ее юности обнажились в этом коротком предложении. Она ждала шесть лет, но в конце концов дала свое согласие чужестранцу единственно за его лицо, такое близкое, знакомое лицо.

— К нашему берегу не так уж много кораблей приставало, большинство проходили мимо, на запад.

Некоторые простые моряки из той команды остались и так и живут там — или их дети, — ну, а влиятельные лица дождались удобного случая и отплыли на родину. Вместе с Карлосом уехала и я. Так я попала сюда. Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, как многое в жизни зависит от случая? Не мы распоряжаемся нашей судьбой, правда ведь?

Предположим, в то ясное утро это оказался бы Ралей, подумала она; предположим, он полюбил бы ее так, как полюбил Карлос, — как изменился бы ее жизненный путь! А если бы она вообще никогда не видела Ралея, тогда чем бы очаровал ее тот молчаливый чужой человек, потерпевший кораблекрушение?

И Ралей тоже думал о своем: предположим, она очаровала бы меня и я женился бы на ней еще до того, как увидел королеву. Мне бы тогда не пришлось жертвовать своей карьерой, как это случилось в результате моей тайной связи с Лиз. После смерти королевы я мог бы занять место, которое сейчас занимает Сесил, и не стал бы ввязываться в эту губительную экспедицию, рискуя при этом всем, что мне дорого.

— В какой-то мере мы распоряжаемся ею, но при этом мы используем тот материал, который нам дан, а он иногда бывает абсолютно неподатлив и сводит все наши усилия к нулю. А возвращаться мыслью назад, к началу жизни, — все равно что читать книгу, начиная с конца.

— История вашей жизни должна выглядеть одинаково хорошо, с какого конца ни начни.

— Моя? Почему?

— Вы занимали важный пост и имели власть. Даже в нашей тихой заводи кое-что известно о вас.

— Я почти не добился ничего из того, чего хотел. Бывали хорошие времена и, может быть, еще будут. Если этот поход завершится удачей. Но как знать? А у меня слишком мало времени осталось, чтобы проигрывать.

— Вы действительно хотели бы знать, что ждет вас в будущем?

В ожидании его ответа она странно посмотрела на него.

— Хотел бы, но кто, кроме Бога, знает это?

Вместо ответа Дженис поднялась, прошла в другой конец комнаты и открыла там какой-то ящик. Покопавшись в нем, она нетерпеливо закрыла его и открыла другой. Из этого ящика она вынула сверток — что-то завернутое в черный бархат, — держа его в руке, она вернулась к нему и уселась рядом. Еще не развернув сверток, она сказала:

— Я предскажу вам будущее. Я не делала это вот уже несколько лет. Мой духовник считал это смертным грехом, так что я отложила эту вещь в сторону и забыла о ней. Но теперь у меня очень терпимый исповедник, и он отпустит мне этот грех, тем более что я не себе буду гадать, а вам.

Ралей смотрел, как она развернула бархатный лоскут, там оказался хрустальный шар зеленоватого цвета, в глубине которого как будто вилось колечко дыма. Она обхватила шар руками, согревая его в своих ладонях.

— Смотрите в него, у вас тоже может оказаться провидческий дар, — сказала она. — Давным-давно, еще в Севилье, старушка-испанка дала мне его. И я

совершенно случайно поняла, что могу пользоваться им по назначению.

Шар упал Уолтеру в ладони, тяжелый и холодный. Холодок пробежал у него по спине и добрался до макушки.

Протест, который висел уже на кончике его языка, присмирел под воздействием сразу двух свойственных ему чувств — суеверия и скептицизма. Он верил в гадание настолько, чтобы желать узнать, что оно покажет; но и его неверие было достаточно сильно, чтобы не брать в расчет предостерегающую дрожь, охватившую его при взгляде на это безобидное стекло.

Ничто не изменилось в зеленоватой глубине шара. Только не стало видно кольца дыма, шар оставался прозрачным и пустым. Он отдал его Дженис. Она расстелила на подушке бархатный лоскут и положила на него шар, кончиками пальцев коснувшись его поверхности со всех сторон.

Когда Дженис наклонила голову над кристаллом, тишина в комнате стала давящей: казалось, весь мир замер в ожидании провозглашения судьбы сэра Уолтера.

Наконец Дженис заговорила, голос ее был другой: низкий, отстраненный и вдохновенный.

— У вас много врагов,— сказала она,— и очень мало друзей. Вот юноша, ваш сын, естественно, и женщина со светлыми волосами. Ваша жена? Они преданы вам. Еще я вижу моряка, он умрет за вас, и несколько черных людей — это ваши друзья.

Снова наступила гнетущая тишина, и в хрустальном шаре не видно было ничего: глаза провидицы вглядывались в руку, спокойно лежавшую на поручне рядом стоящего кресла. Дженис вспоминала, как

сегодня вечером, до его появления, прихорашиваясь и одеваясь у себя в комнате, она предвкушала в лучшем случае вечер с легким флиртом, в худшем — просто обмен светскими сплетнями. А тут вдруг воспоминания унесли ее к тем далеким дням, когда она испытывала безумную, неодолимую страсть, и теперь она смотрела в этот хрустальный шар, чтобы узнать дальнейшую судьбу любимого человека, хотя все это время желала одного: обнять его замечательное, разрушенное годами тело, разгладить морщины на его лбу своими поцелуями, которые она сберегала для него на протяжении всех этих тридцати шести лет.

Дженис с трудом отвела глаза от его руки и вернулась к предмету, который держала в своей руке.

В комнате снова довольно надолго воцарилась тишина, пока тот же отстраненный голос не произнес:

— Ваши люди доберутся до прииска. Бы никогда его не увидите, вы будете тяжело больны, очень тяжело. Затем...

Ралей наклонился к ней, почувствовав, как вся она напряглась. Дженис вдруг широко открыла рот, ужас застыл в ее глазах. Одной рукой она накрыла шар бархатным лоскутом, другой, вскочив на ноги, схватилась за горло, страшно побледнела, задохнулась и не могла произнести ни слова.

— Бог милостивый,— наконец пробормотала она,— я, конечно, согрешила, но разве можно так наказывать за этот грех?

— Что с вами? Что вы там увидели?

При звуках его голоса она уронила руки и опустила глаза, чтобы скрыть поразивший их ужас.

— Да ничего такого,— невнятно произнесла она,— ничего, что касалось бы вас. Это обо мне. Я увидела там себя безотносительно к вам.

Он сразу понял, что она хочет разуверить его в чем-то.

— Что вы там видите? Вы должны сказать мне.

Но Дженис уже взяла себя в руки, и следующая порция лжи, произнесенная ее побелевшими губами, звучала гораздо убедительнее.

— Это не касалось вашей судьбы. Клянусь Богом. Я случайно отвлеклась, думала найти там ваше будущее, а увидела свое. Я больше никогда не возьму в руки этот противный шар.

Она взяла со стола серебряный колокольчик и стала неистово вызванивать слугу. Тот, словно джинн из бутылки, тут же предстал перед ней, и Дженис отрывисто приказала:

— Принеси вина, и немедленно.

В ожидании возвращения слуги она взяла в руки шар и, открыв окно, выбросила его куда-то в темноту.

— Простите меня, пожалуйста,— сказала она,— ни к чему было испытывать судьбу. Но мы ведь не позволим этой ерунде испортить нам вечер, не так ли?

Дженис изобразила улыбку на лице и, когда вино прибыло, разлила его по бокалам твердой рукой и сказала:

— Мой тост — за ваш прииск. Пусть он оправдает все ваши надежды.

— И за нашу встречу, она оказалась куда лучше всего, на что я надеялся,— ответил Ралей.

Дженис снова опустилась в свое кресло, пододвинув его поближе к Ралею. Что-то чуть-чуть изменилось в манере ее поведения.

— Вы когда-нибудь вспоминали обо мне?

— Часто.— И это в некотором смысле было правдой: когда бы он ни вспоминал тот свой марш из Бэлли в Корк, перед его глазами всегда возникали ужин в замке и обе женщины — леди Рош и ее дочь, напоминавшие ему марионеток в той маленькой драме.

— Мне это приятно слышать,— сказала Дженис,— ведь я так часто думала о вас и гадала, удастся ли мне когда-нибудь снова увидеть вас. Но никогда не могла представить себе, что это случится именно так.

Ей никогда не приходило в голову, что годы могут так изменить его, превратить его черные волосы в седые, наградить его хромотой и почти неподвижной рукой. Ее жизнь была такой незыблемой и спокойной, что годы обошлись с нею мягко. Немного незначительных морщинок вокруг глаз, которые при улыбке становились виднее; два-три седых волоса, которые ничего не стоило выдернуть из блестящих, темных локонов. Разница в возрасте между ними была в тринадцать лет, что в юности воспринимается как большой разрыв, а с годами уже не так ощущается. И тем не менее она видела перед собой глубокого старика. И обреченного человека. Потому что она не допускала ошибки в том, что сцена, появившаяся в затуманившейся глубине хрустального шара, знаменательна и правдива. Теперь не только юношеское обожание терзало ее сердце. Ею овладело желание утешить его,

защитить, спасти. И ей не оставалось ничего другого, как протянуть к нему руки, согреть его лежавшую на ручке кресла холодную, бесчувственную руку своими теплыми руками.

— Так вы должны исполнить поручение короля?

— На этом построены все мои надежды. А что? В вашем шаре вы видели наше поражение?

— О нет. Но вы заболете. Очень сильно заболете, а это будет так далеко, и вокруг вас будут одни мужчины.

— Из них получают прекрасные сиделки. Да и ваши видения могут в конце концов не сбыться.

— Я в этом почти уверена.

Но в душе она не сомневалась в истинности предзнаменования. И при мысли об этом Дженис сняла свои руки с его руки: перед лицом того, что неумолимо надвигалось на него, любое проявление сочувствия казалось глупым и неуместным. Ему придется идти в этот поход, а что касается ее собственного умишка, ей остается только забыть все. Неотразимое, пылкое обаяние его юности, с одной стороны, и потрясшие ее, неожиданные приметы его старости — все должно быть забыто.

Будто ощутив кардинальное изменение хода ее мыслей, Ралей встал и собрался уходить.

— Утром я пришлю к вам на корабль свежих фруктов и сахара,— сказала Дженис.

Ей явно нелегко было говорить, и от этого голос ее был невыразительный, напряженный. На сей раз она знала точно, что больше уже никогда не увидит его. Его новое появление в ее жизни походило на повтор первой строки песни в конце ее; на печальное, но неизбежное рондо.

И Ралей, прижимая ее руку к своим губам, взглянул на нее и этим взглядом, казалось, выдал свое полное понимание всего — и ее прошлых грез, и ее сегодняшнего горя. Даже слова благодарности в его устах звучали не просто как благодарность за гостеприимство и за те дары, которые она принесет завтра утром на корабль, в них прозвучало нечто гораздо более значительное.

Дженис проводила его до двери и затем словно во сне побрела к своему креслу на веранде. Луна светила с высоты ярким светом, и Дженис разглядела обезьянку, которая держала что-то в лапках и забавлялась игрушкой. Хозяйка рассеянно позвала ее, и та покорно спрыгнула к ней на колени и положила на них хрустальный шар. Дженис с криком вскочила на ноги. Ужас, накативший на нее от увиденного в глубине шара, с которым она должна была и сумела справиться при Ралее, теперь поразил ее в самое сердце. В то время как черный евнух, задохнувшись, спешил к ней из дома на помощь, она потеряла сознание и свалилась к его большим босым ногам.

Ралей возвращался на свое судно. Даже эта встреча, напоминание о далеких днях юности, не взволновала его. Он вспоминал уже о ней, как вспоминают о приснившемся сне — будто в тумане. Она, конечно, что-то значила для него, что-то очень важное. Но его прежде такой живой ум безжалостно притупили многие тяжкие годы жизни, никогда не оставлявшие его каждодневные заботы. Медленно шагая в эту светлую, теплую ночь по чужому острову, он гадал, способен ли он будет когда-нибудь еще к сильным чувствам.

В лучах заката — алые паруса.

Мотая головой по жесткой подушке, он тихо стоял. Вот уже в четвертый раз за это утро Ралей пытался слезть со своей койки, но валился обратно в нее от такой слабости, с которой не могла справиться никакая решимость. И теперь, когда нетерпение сводило его с ума и заставляло трепетать и останавливаться его сердце, он должен был еще один день провести в постели. Целые сутки, двадцать четыре часа, за которые он мог бы сделать так много. По-видимому, тот проклятуший шар предсказывал правильно. Он был предупрежден о подстерегавшей его болезни.

Тихо вошел Кеймис и встал в дверях, пытаясь определить, спит ли его патрон.

— Входи же, — нетерпеливо воскликнул Ралей, — я хочу поговорить с тобой.

— Как вы чувствуете себя сегодня? — тихо спросил Кеймис.

— Все еще дьявольски плохо. Как дела у остальных больных?

— Четыре поправляются. Еще двое... — Он прикусил язык, испугавшись невесть какого воздействия подобной информации на страдальца.

— Умерли? Значит, на «Судьбе» осталось всего сорок два человека. Кеймис, это невыносимо. Мы

тут валяемся, а люди мрут каждый Божий день, а испанцы с каждым днем становятся все сильнее. Сегодня я должен встать. Я должен встать. Я только что пытался, но не смог. Но, может быть, с твоей помощью...

— Я не осмелюсь помогать вам,— угрюмо ответил Кеймис.— Помочь вам подняться с постели означает помочь вам лечь в могилу.

— Кеймис, ты обязан. Ничего другого не остается. Если рука друга поможет мне хотя бы подняться на ноги, с остальным я справлюсь сам. Ты же знаешь, что значит для меня эта проволочка. Умоляю тебя, помоги мне.

— Хорошо,— сказал моряк, глубоко задетый словами Ралея.— Вы тоже знаете, что значит для меня эта задержка.

Он подошел вплотную к койке, обхватил сильными руками худые плечи, ощутив при этом каждую выступающую косточку, жар, исходящий от тела, и пот, выступивший на плечах. Ралей с трудом опустил ноги с края койки и поднялся на ноги, хватаясь за Кеймиса, как утопающий хватается за соломинку. Кеймис увидел, как сильно прикусил он свою нижнюю, покрытую бородой губу и как на испещренном морщинами лбу выступил холодный пот. Ралей отпустил поддерживавшее его плечо и, тяжело дыша, сказал:

— Ладно. Оставь меня. Теперь я сам.

Кеймис очень осторожно отпустил его руку.

— Подай, пожалуйста, мне штаны.

Моряк потянулся за темными, моряцкими одеждами, сменившими пышные придворные наряды. Но Ралей, протянув руку, чтобы взять их, как сноп, рухнул на пол.

Кеймис легко, словно перышко, поднял его и снова уложил в постель. Глаза Ралея были закрыты, он по-прежнему крепко прикусывал зубами нижнюю губу. Это было лицо мертвеца.

Бутылка рома стояла на ящике возле койки, Кеймис взял ее, открыл и своей далеко не нежной рукой разжал зубы Ралея. Острый запах спирта распространился по каюте, когда жидкость из бутылки пролилась на грудь и подбородок больного. Вторая попытка оказалась более удачной, Кеймис видел, как задвигался кадык на шее Ралея и как он сделал один глоток, и через минуту-две ресницы его дрогнули, и он произнес слабым голосом:

— Все бесполезно. Присядь на минутку, друг. Я должен изменить наши планы.

Некоторое время в каюте стояла тишина. Кеймис посматривал по сторонам, разглядывал картинки на стенах, книги, нелепого Будду, как будто видел все это в первый раз. Он знал, насколько ограничен в средствах был его патрон, когда готовился к этой экспедиции, и в который раз удивлялся потрясающей воле его и уму: будучи таким бедным и обреченным на безнадежное, безрассудное дело, он сумел окружить себя такой красотой. Кеймис, сам придерживавшийся спартанского образа жизни и пуританин по натуре, не видел в этом человеке ничего, за что можно было бы его упрекнуть, и очень многое в нем он всем сердцем обожал. И даже это удивляло его. Он смотрел на тонкое лицо с закрытыми глазами и пытался угадать, какой еще план созревает за этим таинственным фасадом. Очень скоро он узнал о нем.

— Не остается ничего другого, Кеймис. Ты должен идти на поиски прииска без меня.

Кеймис прекрасно понимал, чего стоило это решение Ралею. И в то же время ему льстило, что в этой почти безнадежной ситуации Ралей выбрал именно его на свое место. Ему приятно было сознавать, что он подходит для этого дела не меньше, чем любой другой человек.

— Хорошо, сэр Уолтер. Я сделаю все, что в моих силах, вы же знаете. Когда прикажете отправляться?

— Сегодня же, если это возможно. Возьми пять небольших кораблей. Они годятся для прохода по реке. И двести пятьдесят подходящих людей, если сумеешь набрать столько. Я поручаю командование тебе одному и полагаюсь на твое благоразумие. По мере сил — избегай столкновений с испанцами. И все-таки, — тут голос его вдруг приобрел силу, — доберись до прииска, Кеймис, и, если на тебя нападут, дай отпор, чего бы это тебе ни стоило. Не добраться до золота значит потерпеть наше собственное поражение, спастись бегством от испанцев значит опозорить всю нацию.

— Не бойтесь. Я пойду готовиться к походу и вернусь, как только все улажу.

Ралей кивнул, и Кеймис направился к двери.

— Да, Кеймис!

— Слушаю, сэр Уолтер.

— Мой сын пойдет с тобой. Прежде я еще никогда не посылал никого взамен себя, но теперь, так низко павши, я хочу послать своего сына.

— В этом нет никакой нужды, — начал было Кеймис, но Ралей не дал ему продолжить.

— Я так хочу. И он тоже. Обрати внимание на выражение его лица, когда скажешь ему об этом. Сообщи ему мое решение и пришли ко мне его и Герберта.

После того как Кеймис покинул каюту, Ралей лежал, переживая самый горький свой час. Он, беспомощный, приговорен лежать на этой опостылевшей койке, когда появился наконец последний, величайший шанс в его жизни. Положиться целиком на Кеймиса, когда от малейшего изменения плана действий, от неожиданного прозрения, дерзкого решения может зависеть все. Кеймис, конечно, славный малый, смелый, достойный, преданный ему человек, но это дело не его жизни, не его судьбы. Ну почему именно сейчас накинута на него эта лихорадка? И почему именно на него, Господи?

Вошел Уолтер, чуть дыша от восторга.

— Спасибо, отец, что вы посылаете меня. Мы обязательно добьемся успеха, что бы там ни было. И, пожалуйста, не беспокойтесь, ладно? Лежите и поправляйтесь тут. К следующей нашей встрече я подготовлю славные новости для вас.

— Я на это очень надеюсь, сынок. Помогай во всем Кеймису. И не забывай, что он твой командир. Он знает страну.

Уолтер кивнул.

— Но копьеносцы — мои.

— Да, конечно, но дай Бог, чтобы они вам не понадобились.

— Да, да,— рассеянно согласился с отцом Уолтер.

— К сожалению, мы должны относиться к испанцам как к своим друзьям, пока сами они не докажут, что это далеко не так.

У Уолтера вытянулась физиономия: он, конечно, понимал это, таков был приказ по флоту, но повторять это сейчас значило сводить все приключение к банальному событию.

— Прежде было куда лучше, — с сожалением заметил он.

— Да, пожалуй. Ты запоздал со своим появлением на свет, Уолтер. А я, я зажился на этом свете.

— Не говорите так. Даже думать так не смейте. Ваш день еще придет, когда мы вернемся с золотом домой. Вот это будет день так день!

— Да уж, день так день! А, это ты, Герберт? Заходи. Я хочу, чтобы вы вдвоем посадили меня в кресло и подняли на палубу. Я по крайней мере должен видеть, как вы отправитесь в путь.

— Разумно ли это, отец? — спросил Уолтер.

— Разумно или неразумно, но я так хочу. Я слишком стар, чтобы во всем поступать разумно.

Они обернули одеялом его ноги и туловище, на плечи накинули плащ, подняв при этом воротник. И в таком виде на их сильных, молодых руках он снова поднялся на палубу. Со своего кресла Ралей наблюдал за спешными приготовлениями на пяти судах и следил за отбором копьеносцев для предстоящего похода. В полдень из-за неумолимой жары приготовления пришлось приостановить, но Ралей отказался спуститься в свою каюту: он предпочел подремать здесь же, на палубе. Это испытание не прошло для него даром — лихорадка усилилась, и, когда Уолтер и Кеймис покинули его, ему показалось, что между ним и этими энергичными, оживленными людьми уже упала вечная завеса. Он еще мог видеть и слышать их, сам вполне осмысленно говорил что-то об

экспедиции, но все это казалось нереальным, атмосфера отчужденности накрыла все вокруг.

Пять маленьких суденышек медленно отплыли. Постепенно каждый корабль терял свой цвет, пока все они не превратились в черные точки на фоне сияющего закатного неба. А затем стены осветило заходящее солнце, и на миг они блеснули рыжеватым цветом, который он всегда так любил. Цвет надежды, из-за которого когда-то они поссорились с покойным Эссексом. Этот неожиданный всплеск рыжего сияния над все уменьшающимися, исчезающими кораблями, был ли он предзнаменованием? Запад. Земля всех его упований, магнит его души. А может, это предзнаменование чего-то еще? В ушах изможденного болезнью человека прозвучали давно сказанные Топиавари слова: «Молодые нации поднимаются на востоке, старые нации умирают, как заходит солнце на западе» — что-то в этом духе припомнилось ему. И кое-что еще, кое-что о том, что поражение грядет на голову сына его сына. «Прощай, Уолтер!» — снова произнес он, тихо и на этот раз с глубоким вздохом.

Теперь горизонт был чист, и стало прохладнее. Он позвал людей, чтобы они отнесли его вниз, в каюту. Долгое пребывание в Тауэре научило его по меньшей мере терпению. Ралей частенько вспоминал потом этот месяц ожидания. Он должен был закончиться известием, хорошим или плохим, и все. Остальное пребывало в неизвестности. Ралей вел записи в своем судовом журнале; следил, чтобы на кораблях, которые, как и он, ждали и надеялись на

добрые вести от ушедших на поиски золота, все было в полной готовности к отплытию; а в те дни, когда болезнь ненадолго отпускала его, он высаживался на берег, собирал травы и получал новые сведения об острове.

Иногда бывало и так, что он забывал о том, что он — сэр Уолтер Ралей, несчастный и почти что сломленный человек, жизнь которого целиком зависит от результатов экспедиции; случалось, что при виде чего-то нового на этом незнакомом ему тропическом острове он приходил в восторг от удивительного этого мира и оттого, что при всей недолговечности бытия он смог стать свидетелем и участником этой многовековой драмы. Но стоило ему вспомнить, что он — всего лишь хромой, уставший от ожидания командующий той части флота, которая ушла без него и от которой все не было вестей, как радость угасала в его душе.

Четырнадцатого февраля на горизонте пустынного моря возникла черная точка. С запада подходил корабль. С момента его появления до того мгновения, когда человек с письмом в руке поднялся на борт «Судьбы», прошло времени больше, чем за все его годы в Тауэре, за всю его жизнь. Что там случилось? Уж не единственный ли это корабль, уцелевший после какого-то невообразимого сражения? Пришел ли на этом корабле Кеймис или Уолтер? И золото. Как с ним обстоят дела? Но вот наконец он держал в своей руке письмо.

Дрожащими пальцами он распечатал его и пробежал глазами, схватывая смысл одним взглядом. Нет,

этого не могло быть. Его глаза обманывали его. Он слишком быстро прочитал письмо. Как будто ушибленный, он снова, по складам, как начинающий, стал перечитывать письмо, каждое слово в отдельности, очень медленно.

«Испанцы напали на нас при Сан-Томе». К этому он был готов. «Мы дали отпор». Да, в это тоже можно было поверить, это понятно. Но затем... «Уолтер Ралей и капитан Космор были убиты». Так и написано. Это не галлюцинация. Уолтер мертв. Его сильный, юный сын, который пожал ему руку, поцеловал его и ушел в поход, пообещав выполнить за него его работу. Тот маленький кудрявый мальчуган, который вынудил его в холле Шерборна сделать то, что привело его теперь к такому концу. Уолтер, который провел свои детские годы в мрачных застенках Тауэра, лишь изредка позволяя себе невинные, грошовые развлечения, в то время как другие дети проводят их в радости и забавах. Его сын, которому он так долго не уделял должного внимания, ответил на его пренебрежение обожанием и преданностью. И вот он мертв. Его золотая голова лежит теперь в чужой земле. Гвиана навеки смежила его светлые очи.

Ралей закрыл лицо руками и застонал. Как он ругал себя, что позволил Уолтеру пойти в эту экспедицию! Хотя это было желание самого Уолтера. Он горько оплакивал свое отцовство: будто умерло что-то в нем самом.

Долго сидел он, держа в бесчувственной руке письмо. Сначала мучила затянувшаяся болезнь, теперь этот удар. От подобных вещей погибли Дрейк

и Хоукинс. Наступает час, когда у человека не остается сил на сопротивление, когда кажется, что лечь и умереть куда предпочтительнее и естественнее, чем продолжать жить без всякой надежды и твердости духа. Теперь он мог уйти из жизни. Стоило только, как говорится в Библии, повернуться лицом к стене и опуститься в пустоту и умиротворение могилы, и тогда смерть будет легкой. Но еще оставалась Лиз. Он обещал ей по возвращении спокойную жизнь. И теперь он должен был вернуться к ней со словами успокоения. Но откуда взять такие слова при таких страшных обстоятельствах? Уолтер был так молод — погиб в расцвете сил. Он не страдал никакой болезнью. Он никогда не знал, как теряют надежду. Не испытал он и превратностей любви. Старческие болячки и немощь никогда не коснутся его. Он умер внезапно, незапятнанной смертью бойца в жаркой схватке, в той роли, которую он сам себе избрал — командиром копьеносцев, он погиб от рук врагов. Ралей припомнил, каким был он сам в возрасте Уолтера. Тогда он участвовал в военных действиях в Нидерландах, и для него риск погибнуть в бою был не меньшим. Допустим, он погиб бы там. Много ли он от этого потерял бы? Так ли все, что последовало за той войной, было хорошо, мило его сердцу? Любовь Лиз, ночи украдкой у ее окна. Теперь он за них расплачивается; выходит, ужасная новость, которую он должен ей сообщить, всего лишь плод их любви. Короткая, быстротечная слава, порадовавшая его в свое время, теперь ушла, оставив после себя мрак и бессилие. Уолтера, может быть, надо не жалеть, ему надо завидовать. Может быть.

Ралей наконец поднял письмо с пола, куда незаметно для себя уронил его, и прочитал ту его часть, где говорилось о прииске. Кеймис определил его местонахождение и засел в засаде неподалеку от него. В то время, когда он писал письмо, он надеялся молниеносным набегом подобраться к прииску и вернуться с таким количеством золота, что оно должно было оправдать всю их экспедицию.

И опять — не оставалось ничего другого, как ждать.

Прошло шестнадцать невыносимо жарких, заполненных припадками лихорадки дней, которые завершились возвращением Кеймиса с пустыми руками.

Они смотрели друг на друга, и только узкое пространство каюты разделяло их. Верный Кеймис, большой и загорелый до черноты, который в течение трех месяцев каждый день глядел смерти в лицо, отстаивая интересы, совершенно чуждые ему. Он стыдился своего провала, он, заикаясь, пытался оправдать себя в глазах этого убитого горем человека и при этом понимал, что тот потерпел окончательное фиаско.

Ралей в полном отчаянии старался соблюдать спокойствие.

— Ты говоришь, что вы нашли его. Но как же так? Я не понимаю тебя, Кеймис.

— О да, мы его нашли. Вы не понимаете, почему мы не пошли добывать золото. Говорю вам — испанцы со всех сторон окружили нас, они только ждали, чтобы мы приблизились к прииску, показали его им, и тогда они накинулись бы на нас. Что мы могли поделаться против половины всего состава испанской армии — мы, горсточка людей, отрезанных от наших кораблей, где находилась вся наша еда?

— Так что, когда мы меняли наши планы, мы думали о еде и о том, что предпримут испанцы?

— Вы не хотите понять,— уже невольно раздражаясь, сказал Кеймис,— что нас было слишком мало. С самого начала мы были обречены. Король предал нас. Испанцы вились вокруг нас, словно пчелы в улье, они знали все: сколько у нас людей, сколько кораблей, сколько продовольствия и амуниции. Единственное, что им было неизвестно, это где находится прииск. Так что, я должен был показать им его?

— Такое впечатление, Кеймис, что ты подумал обо всем, кроме того, что мы благодаря твоей необычайной осторожности вернемся в Англию разгромленные и с пустыми руками. Они намеревались разделаться с нами? Если бы я был там и остался бы один в живых, я и тогда, хоть ползком, на животе, продолжил бы дело.

Ралей откинулся на спинку кресла, глядя страдальческими глазами на Кеймиса, а тот, с трудом подыскивая слова, виновато проговорил:

— Это еще не все. Когда я покидал вас, вы были больны, так больны... вы так выглядели... что казалось, что вы не собираетесь... что вы долго не протянете. А король все еще не простил вас. Для него

я не хотел открывать прииск. То есть, я хочу сказать, раз уж все равно от этого вам не стало бы лучше...

Кеймис оцепенел под взглядом сэра Уолтера. Ралей заговорил медленно, не обратив внимания на всю сердечность и преданность Кеймиса, выразившиеся в его последних словах.

— Ты хочешь сказать, что настолько рассчитывал на мою смерть, что готов был убить меня? Что ж, тебе это удалось, Кеймис.

Моряк бросил на своего адмирала последний взгляд: он понял, что ему никогда не удастся убедить этого сумасшедшего, разочарованного человека, повернулся и вышел из каюты.

Три минуты спустя тишину потряс грохот выстрела. Пройдя голод и невыносимую жару, мор и все бедствия, напасти и горькое разочарование, Кеймис остался верным своему патрону. Что ему смерть?

Но своим выстрелом Кеймис успокоил не только свое многострадальное преданное сердце. Демон, который грыз все это время душу Ралея, вдруг будто улетучился. Все в мире успокоилось, и будущее четко обозначилось перед ним. Давняя мысль, родившаяся в его голове еще в самом начале похода, когда перед ним во всей своей необъятности открылось вновь море, мысль о том, что если его рискованное предприятие лопнет, то он попробует вступить на путь дикого пиратства, больше не беспокоила его. Он сдержит свое слово и сохранит свое достоинство, покорно вернувшись в Англию. Ралей теперь даже не думал о том, что своим возвращением он сохранит и легенду о себе. Портрет одинокого, убитого горем и болезнью человека, добровольно пожертвовавшего

своей не узаконенной свободой во имя позорной смерти, отпечатается в умах тех, кто еще не родился, и он займет достойное место среди бессмертных.

Возможно, Дженис видела в своем шаре, как умирает за него друг-морьяк. Он же смотрел куда глубже. Он был земным человеком, и земной человек вынесет ему приговор. Он был интриганом, и теперь ради интриг других людей его принесут в жертву. Яков в преддверии свадьбы принца Уэльского и испанской принцессы не простит ему битву при Сан-Томе. И с ясным взором и без всякой горечи Ралей, развернув свой флот в сторону Англии, смог написать:

Одним лишь бальзамом — кровью
Излечится тело мое.
Душа моя, вечный паломник,
Поднимется в царство богов.

Взметнулись паруса, отличные корабли взбороздили неподвижные воды океана, и зазвучали голоса моряков, как бывало и раньше, когда и мир, и он сам были молодыми. Но добрые давние дни уходили, на смену им надвигался суровый вечер. Королева, Гэскойн, Сидней, Марло и Уильям Шекспир — все они уже лежат в своих могилах. Оставалась одна Лиз, оставалась мысль о встрече и близкой разлуке с ней, она терзала его сердце. Но теперь, со своим новым, ясным взглядом на прошлое и будущее, он смотрел безразлично на тот короткий промежуток времени, который разделит их. В конце концов, не так уж давно был он мальчишкой и слушал рассказы старого Харкесса о далеком южном море.

Заключение

СТАРЫЙ ЗАМОК, ДВОР. ПЯТНИЦА, 29 ОКТЯБРЯ 1618 ГОДА

Златокудым девушкам и парням, как и трубочистам,
Всем приходит время лечь в могилу мгlistую.

Когда он открыл глаза, было уже утро. Слабый свет пробивался в окно, в лужицах растаявшего воска видны были остатки погасших свечей, оставленных гореть с вечера. Он не собирался засыпать — берег время; короткое беспмятство сна годилось для тех, у кого впереди еще оставалось много времени для работы. Но, потянувшись, он вдруг испытал радость, потому что за эти немногие часы произошло чудо: болезнь отпустила его. Ему была ненавистна сама мысль о том, что он, трясущийся, взойдет на эшафот и все решат, что это от страха, а не от болезни он весь дрожит. А теперь, если эта передышка продлит-

ся достаточно долго, он сможет держаться прямо, как и подобает настоящему мужчине. Он был благодарен Лиз за то, что, покидая его в последний раз, после припадка слабости и рыданий, она собралась с силами и своим твердым, немного охрипшим от слез голосом сказала ему:

— Теперь спи, чтобы набраться сил и достойно встретить завтрашний день.

Стало уже настолько светло, что можно было писать. Ралей встал, все еще ощущая гордость и радость от ощущения возвратившихся к нему сил, подошел к столу, пододвинул стул, попробовал перо на своем указательном пальце и принялся нанизывать одно слово за другим с обычной для него легкостью. Сначала он не мог полностью сосредоточиться: мысли соскальзывали в прошлое и мешали писать. Он видел, как надувались паруса под октябрьским ветром и корабли отплывали в Вест-Индию. Белые стены Кадиса, отражаясь в море, возникали перед его взором, а там, в Йоле, солнце сияло над его миртовыми деревьями. Для всех, кроме него, это утро было началом нового дня, а для него... Ралей подавил в себе душещипательные мысли. Все люди — и на море, и на земле — неизбежно умрут, рано или поздно. Многие из тех, кому он сейчас завидует, не доживут до его возраста, умрут неожиданно, не раскаявшись в своих грехах, или будут умирать долго от тяжких болезней, и близкие отвернутся от них с отвращением. Поцелуй Лиз в эту последнюю его ночь был таким же трепетным и горячим, как в ночи их любви. Утешившись таким образом, потому что он был гордым человеком, Ралей целиком погрузился в свое писание.

Наконец, заскрипев железом по железу, дверь камеры отворилась, и вошел Хирон, тюремщик, крупный мужчина, старавшийся двигаться неслышно. Он постоял немного из боязни прервать занятие узника, но Ралей даже не поднял головы, и тогда он сказал:

— Осталось меньше часа, сэр Уолтер, и священник ожидает вас в часовне.

Ралей закончил предложение и взглянул на тюремщика.

— Правда? Ну что ж, все почти закончено.

Он имел в виду свои письма, но в этом месте и в этот час его слова приобрели многозначительный, зловещий смысл; он почувствовал это и повторил: «Почти закончено», и теперь прозвучали эти слова как будто из уст совсем другого человека.

Хирон стоял и ждал. Ралей добавил пару строк и положил на стол перо. Они вместе вошли в часовню, где священник ожидал его, приготовив вино и хлеб для совершения обряда. Ралей преклонил колена там, где когда-то юная Елизавета Тюдор также стояла на коленях с мрачными мыслями о своем предстоящем правлении. Ее мысли были обращены в будущее. Мысли Ралея витали в прошлом. Он вспомнил о Джордже Гэскойне, который прожил жизнь атеистом, а умирал в смертельном страхе перед встречей с Богом, которого он всю жизнь отвергал. Красное вино, белый хлеб, превращенные некоей божественной алхимией в тело и кровь Христа. Христос, встретивший, не дрогнув, смерть, куда более страшную, нежели та, что ожидала его, более всего любил, конечно, людей мужественных.

— Дай мне, Боже, умереть бесстрашно. Прими

меня в Царствие Твое. Утешь Лиз и всех, кто будет горевать обо мне.

Ралей поднялся и твердо встал на ноги.

Его ожидал завтрак, и, как ни глупо ублажать свою плоть, которая умрет здесь же всего через час, он съел все, привычным, изящным жестом стряхнул крошки с черных шелковых штанов. И раскурил свою последнюю трубку, против чего король в свое время так злобно выступал.

— Он много потерял,— заметил Ралей, ощущая горьковатый вкус табака во рту и наблюдая за голубыми колечками дыма.

Он еще не докурил трубку до конца, когда в дверях снова появился Хирон. С трубкой в зубах Ралей встал и принялся рыться у себя в карманах. Он вытащил миниатюру, оправленную в золотую рамку с бриллиантами. Положил на стол рядом с запечатанными посланиями ее и еще теплую от последней порции табака трубку.

— Это вам, Хирон. Это все, что осталось у меня от всех моих богатств. Миниатюру вы можете продать, а трубку оставьте себе, не пожалеете. Она будет вам добрым другом, каким была для меня. И отправьте, пожалуйста, мои письма.

У Хирона перехватило дыхание.

— Да, да, конечно. Все совершится быстро, сэръ. Баркер большой специалист, и топор, я сам проверил, топор острый.

— Вы были настоящим другом, Хирон. А у меня их не так уж много было. Но, может быть, я не там искал их.

Ралей всматривался куда-то в даль, погрузившись в воспоминания о тех местах, где он искал, но, как видно, не друзей.

— Здесь холодно, — глухо заметил Хирон, — а там вон горит очаг. Может, вы погрееетесь еще до этого...

— Да уж лучше поскорее покончить с делами, — сказал Ралей.

И они пошли по длинным коридорам Старого дворца. На ходу он вспоминал всех тех, кто до него прошел этой дорогой. Анна Болейн, жена короля Генриха и мать Елизаветы Тюдор, со словами: «У меня есть шея, но очень короткая». И старый Томас Мор, педант до конца: он отодвинул в сторону свою бороду со словами: «Будет очень жаль отрубить и ее, она не совершала предательства». Ралей думал, удастся ли ему найти такие слова, благодаря которым люди запомнят его.

Его уже ждали, ждали люди, которые пришли посмотреть, как он будет умирать; простые люди и напротив них пышная свита мэра. И вот, сказав свое последнее «прости», он опустился на колени перед плахой, и тут его осенило. Он поцеловал топор — острый, как и обещал Хирон, — и сказал: «Лекарство острое, но исцеляет от всех болезней». Мгновение — и «лекарство» сделало свое дело. Не осталось ни ненасытных амбиций, ни сдерживаемого гнева, ни горьких сожалений о прошедшей юности, ни охоты за словами, чтобы в поэтическом экстазе найти невыразимую прелесть. Один удар — и все кончено.

А в тюрьме на его столе все еще лежали написанные им письма, и прокравшееся в камеру солнце растопило и ослабило одну из недостаточно крепко притиснутых печатей. Лист развернулся, и пришедший в комнату исполнить свой последний долг Хирон

мог бы прочесть написанный Ралеем самому себе Реквием, стихи, которые впоследствии разойдутся по всей Британской империи, о создании которой он так мечтал.

Вот время: взяв единым махом
Все — юность, радость, жизни силы, —
Заплатит нам землей и прахом;
Оно в тиши и тьме могилы,
Когда земной закончен бег,
Захлопнет книгу дней навек.
Но верю: над землей и прахом
Я вознесусь единым махом.

Но Хирон не умел читать, и он представления не имел о том, какая история закончилась в этот день у него на глазах или какими стезями нужно было пройти, чтобы дойти до такого печального конца.

КОММЕНТАРИИ

ЛОФТС НОРА — английская писательница, родилась в Шипдхеме, графство Норфолк, в 1904 году. Окончила колледж в Норвиче и работала учительницей. О своих книгах она говорила так: «Я пишу об обычных людях со всеми их достоинствами и недостатками, с их страстями и желаниями; о всех тех, кому сопутствовала удача в прошлой жизни».

За пятьдесят лет своей творческой деятельности Нора Лофтс опубликовала более пятидесяти исторических романов в основном об эпохе XVI — XVII веков. Наиболее известны: «Джентльмен что надо» (1936) — об Уолтере Ралее; «Конкубина» (1963) — об Анне Болейн; «Ожидание королевы» (1955) — об Элеоноре (Алиеноре) Аквитанской. В 1978 году за свою историческую прозу Нора Лофтс была удостоена премии имени другой известнейшей исторической писательницы — Джорджетт Хейер.

Лофтс умерла в 1983 году, войдя в английскую литературу собственным неповторимым стилем.

Текст печатается по изданию: Here was a man by Norah Lofts. New York, Alfred A. Knopf, 1936.

Стр. 6. ...в подавлении восстания Десмонда.— Десмонд — ирландский дворянин, активно боровшийся против английских завоевателей.

...по переписке с Уолсингемом...— Уолсингем, сэр Френсис,— министр правительства Елизаветы Тюдор.

...часть конфискованных земель Бабингтона.— Бабингтон — английский дворянин, принявший участие в заговоре по низложению Елизаветы и возведению на престол Марии Стюарт; казнен в 1587 году.

Стр. 7. ...навестил Эдмунда Спенсера...— Эдмунд Спенсер (1552 — 1599) — английский поэт, автор знаменитой аллегорической поэмы «Королева фей», оставшейся неоконченной.

...к берегам Португалии с целью поднять восстание против Филиппа II Испанского.— В 1580 году Португалия, после смерти бездетного короля Энрике, попала под власть Филиппа II Испанского, обладавшего правами на престол. В 1640 году португальцы, недовольные унией с Испанией, отделились и призвали на трон герцога Брагансу, торжественно коронованного под именем Жоана IV.

Стр. 8. ...к лорду-канцлеру Роберту Сесилу.— Роберт Сесил сменил на этом посту своего отца Уильяма Беркли.

...вместе с Марло и другими писателями и драматургами.— Уолтер Ралей, сам являясь талантливым литератором, дружил со многими писателями и поэтами той эпохи: драматургом Кристофером Марло; Уильямом Шекспиром; Ф. Сиднеем — автором пасторального романа «Аркадия»; Т. Нэшем — автором плутовского романа и многими другими.

Стр. 9. Всем заправлял Тайный совет.— Королевский совет, возникший при Тюдорах, состав которого определял король, вводя в него своих приверженцев, порой из числа дворян довольно скромного происхождения. Совет определял и проводил в жизнь внутри- и внешнеполитическую линию государства. Численность Совета колебалась от десяти до двадцати человек, и в него входили первые лица государства: секретарь, лорд-канцлер, казначей, хранитель печати, лорд-адмирал, лорд-маршал и другие.

Стр. 15. ...орудовали в Вест-Индии.— Вест-Индией в то время называли Америку, вместе с группой Антильских островов. Иное название — Новый Свет.

Стр. 29. ...фургон герцога Альбы.— Герцог Альба — главнокомандующий испанской армией во время испано-голландской войны в Нидерландах во второй половине XVI века.

Стр. 33. ...в Уайтхолл или Виндзор.— Резиденции королевы Елизаветы в Англии.

Стр. 38. ...и хитроумного софиста.— Софист — философ, оратор, пользующийся словесными ухищрениями, вводящими в заблуждение.

Стр. 41. *Кит Марло, например, и Томас Нэш, и Том Лодж...*— Английские литераторы — поэты, драматурги эпохи Елизаветы Тюдор.

Стр. 47. *...до Лестера и Беркли.*— Министры двора ее величества королевы Елизаветы.

Стр. 48. *Его звали Томас Сеймур.*— Томас Сеймур, родственник короля Эдуарда VI, решивший жениться на Елизавете, вмешался в политическую борьбу и был казнен.

...недалекий, анемичный Эдуард.— Имеется в виду английский король Эдуард VI (1537—1553), вступивший на трон в 1547 году после смерти отца Генриха VIII Тюдора. Во время его недолгого царствования страной управляли регенты: граф Херифорд, герцог Сомерсет и герцог Нортумберленд.

Стр. 53. *...в страну своей бывшей невесты.*— Какое-то время планировался брак английской королевы Елизаветы и герцога Алансонского Франциска — брата французских королей Карла IX и Генриха III Валуа.

Стр. 54. *...что она, Глориана.*— Глориана в переводе с английского — Великолепная; так называли Елизавету Тюдор.

Стр. 55. *Не растут амаранты по эту сторону могилы, о Евтерпа!*— Амарант (греч. *amarantos* — неувядающий) — название фантастического вечноживущего цветка в поэзии. Евтерпа — в греческой мифологии муза, покровительница лирической поэзии и музыки.

Стр. 56. *...сдирающие монограмму «E R»...*— E R — Elizabeth Royal (англ.) — Елизавета Царственная.

Стр. 60. *...рассказами о Давиде и Гедоне...*— Давид и Гедон — библейские персонажи. Давид победил филистимлян, а Гедон — превосходящую армию мадианитян.

Стр. 80. *Армада скоро выступит против нас.*— Армада («Непобедимая армада») — так называли флот испанского короля Филиппа, который попытался захватить Англию в 1588 году, но был разгромлен британскими моряками в нескольких сражениях.

Стр. 99. *...скрипки достигали крещендо.*— Крещендо — музыкальный термин, означающий громкое звучание.

Стр. 102. Автор романа ошибается, путая даты. Колония Ралея на острове Роанок была основана в 1585 году. Но уже в 1586 году возвращавшийся из пиратской экспедиции в Вест-Индию Дрейк нашел поселенцев в столь плачевном состоянии, что счел нужным вывезти их в Англию. Естественно, что отплывший в колонию в том же году, но несколько ранее возвращения Дрейка Ричард Гренвилль нашел поселение заброшенным. Однако подчеркиваю, что все это происходило в 1586 году, а не в 1588 году, как утверждает автор самим названием главы.

Стр. 125. ...и «Роубак», его корабль.— Роубак в переводе с английского — самец косули.

...на беспокойных водах Канала...— Канал — так называли пролив Ла-Манш.

Стр. 128. ...замыкал кильватер.— Кильватер — строй кораблей, идущих последовательно друг за другом.

Стр. 151. ...когда-то Ирод предложил Саломее.— Ирод Антипа (20 год до н.э. — 39 год н.э.), правитель Галилеи (современные территории Израиля и Палестины), предложил своей падчерице Саломее любые дары, лишь бы она не требовала головы Иоанна Крестителя, заточенного в его темнице. Но Саломея, которой Ирод обещал выполнить любое желание, настояла на своем, и Иоанн Креститель был казнен.

Стр. 203. У. Шекспир. «Макбет», сцена пира во дворце, явление призрака Банко. Москва, издательство «Искусство», т. 7. Перевод с английского Ю. Корнеева.

Стр. 206. ...это будет Уолси.— Томас Уолси (1473—1530) — честолюбивый английский государственный деятель времен Генриха VIII Тюдора. Архиепископ Йоркский с 1514 года; канцлер с 1515 года. В 1529 году обвинен в государственной измене.

Стр. 208. ...макиавеллиевским государственным правлением.— Макиавелли Никколо (1469—1527) — итальянский мыслитель, автор политического трактата «Государь». Ради упрочения государства считал допустимыми любые средства.

Стр. 209. ...Порция, словно Минерва из головы Юпитера.— Порция — героиня драмы Шекспира «Венецианский купец». В римской мифологии верховный бог Юпитер родил богиню Минерву из своей головы.

...длинные галереи Эскуриала...— Эскуриал — дворец испанского короля в Мадриде.

...своей сестры Марии.— Мария Тюдор (1516—1558) — прозванная Марией Католичкой, Марией Кровавой, сводная старшая сестра Елизаветы от брака Генриха VIII и Екатерины Арагонской. Английская королева с 1553 по 1558 год. Восстановив в Англии католицизм, жестоко преследовала сторонников Реформации (Англиканскую церковь): В 1554 году вступила в брак с будущим испанским королем Филиппом II.

Стр. 210. Но есть Медина-Сидония.— Медина-Сидония — испанский герцог и адмирал, командовавший «Непобедимой армадой»; заклятый враг Англии.

Стр. 211. ...кровь англичан у Зютфена.— В 1582—1585 годах Англия воевала на стороне Нидерландов против Испании. В битве у Зютфена погиб Филипп Сидней.

Стр. 228. ...как Эдмунд под стрелами датских варваров.— Эдмунд — король англосаксов, боровшийся с вторжением в Англию викингов — датчан.

Стр. 244. ...на острове Файял.— Файял — один из Азорских островов.

Стр. 256. ...свой белый плетеный воротник...— Воротник с рюшами; брыжи.

Стр. 266. «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» — Это слова разбойника, распятого вместе с Иисусом Христом. Евангелие от Луки, глава 23—42.

Стр. 276. Джордж Пил. «Прощай, оружие», перевод А. Парина. Из «Книги песен». Москва, издательство «Московский рабочий», 1986.

Стр. 304. ...его битва при Саламине.— Во время греко-персидских войн в 480 году до н.э. греческий флот разгромил превосходящие силы персов.

Стр. 305. «*Hic Jacet*» (л а т.) — надпись на могильном камне, в переводе означающая: «Здесь лежит...»

Стр. 316. ...пойду в «Московскую компанию» — компания по торговле с Русским государством.

Стр. 353. Стихотворение в переводе А. Парина.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1552 год

Родился Уолтер Ралей.

1568 год

Ралей учится в колледже в Оксфорде.

1569 год

Уолтер Ралей на службе у французских гугенотов.

1575 год

Ралей поступает на службу в Тампль.

1578 — 1579 годы

Уолтер Ралей — капитан корабля «Сокол», участвует в пиратской экспедиции.

1580 — 1581 годы

Ралей — капитан отряда пехоты в Ирландии. Участвует в подавлении восстания графа Десмонда.

1583 год

Ралей вместе с герцогом Анжуйским во Фландрии.

1584 год

Первая экспедиция, организованная Ралеем и возглавленная его сводным братом Хэмфри Гилбертом в Америку.

1585 год

Основание колонии на острове Роанок.

1586 — 1587 годы

Попытки колонизовать Виргинию терпят крах.

1588 — 1589 годы

Ралей в Ирландии.

1590 год

Создание литературного кружка «Школа тьмы».

1592 год

Уолтер Ралей корсарствует у берегов Испании.
Женитьба на Елизавете Трогмортон.

1593 год

Рождение сына Уолтера-младшего.

1595 год

Экспедиция к Ориноко.
Книга «Открытие Гвианы».

1596 год

Уолтер Ралей — один из командующих флотом во время нападения на Кадис.

1600 год

Ралей — губернатор острова Джерси.

1601 год

Казнь фаворита Елизаветы Тюдор графа Эссекса, обвиненного в измене.

1603 год

Смерть королевы Елизаветы. На троне Яков Стюарт.
Ралей обвинен в заговоре против короля и заключен в Тауэр.

1603 — 1616 годы

Заключение в Тауэре. Ралей занимается литературной и научной деятельностью. Пишет первый том «Всемирной истории».

1617 год

Новая экспедиция Ралея в Гвиану за золотом по поручению короля
Якова Стюарта.

1618 год

Возвращение в Англию.

Казнь сэра Уолтера Ралея.

СОДЕРЖАНИЕ

Ралей. <i>Биографическая статья</i>	5
Нора Лофтс. <i>ДЖЕНТЛЬМЕН ЧТО НАДО. Роман</i>	11
Комментарии	354
Хронологическая таблица	359

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии «Великие пираты»
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376
Издательство АРМАДА*

Р 20 Ралей: Нора Лофтс. Джентльмен что надо:
Роман / Пер. с англ. Б. Г. Ключевой; Коммент.
В. М. Мартова; Худож. О. А. Юдин. — М.: АРМАДА,
1998. — 362 с. — (Великие пираты).

ISBN 5-7632-0729-7

Романтическая история сэра Уолтера Ралея, рассказывающая о его морских путешествиях, открытиях и о его королеве.

**УДК 82-311.6(02)
ББК 84(7)-44я5**

РЕДАКЦИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Великие пираты

РАЛЕЙ

**НОРА ЛОФТС
ДЖЕНТЛЬМЕН ЧТО НАДО**

Заведующая редакцией

Е. В. Леонова

Ответственный редактор

В. М. Мартов

Художественный редактор

Л. П. Копачева

Технический редактор

А. А. Ершова

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага кн.-журн. Гарнитура «Таймс». Печать высокая.

Усл. печ. л. 19,11. Тираж 15 000 экз. Изд. № 1217.

Заказ № 920

Издательство АРМАДА

125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано на издательско-полиграфическом предприятии
«Правда Севера»

163002, Архангельск, Новгородский просп., 32

ВЕЛИКИЕ ПИРАТЫ

в романах

РАЛЕЙ
1552 - 1618

ISBN 5-7632-0729-7

9 785763 207293